

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

4. 2022

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

4. 2022 ИЮЛЬ–АВГУСТ

Об авторе

Родился в с. Алтуд Прохладненского района КБАССР 14 ноября 1971 г.

В 1995 г. окончил Кабардино-Балкарский государственный университет по специальности «История». В 1995-2021 гг. работал в КБГУ на различных должностях: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой истории России, заведующий кафедрой истории и этнологии народов КБР, декан по работе с иностранными учащимися, проректор по учебной работе, проректор по довузовской подготовке и дополнительному профессиональному образованию.

В 2017-2018 гг. работал заместителем министра образования, науки и по делам молодежи КБР. С 2021 г. и.о. директора ГБУ ДПО «Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников» Минпросвещения КБР.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕННОЙ АВТОНОМИИ КАБАРДИНСКОГО И БАЛКАРСКОГО НАРОДОВ В 1922 г.

Образование Горской республики в 1921 г. дестабилизировало отношения между Кабардой и Балкарией. Они вошли в нее как отдельные округа, хотя и в бывшей Терской области, и в Терской республике, и в 1920 г. между ними существовало административно-политическое единство. Образование Горской республики привело к нарушению традиционной системы этнополитического взаимодействия Кабарды и Балкарии.

Осознавая целесообразность и необходимость совместной работы, новая административно-политическая элита Кабарды и Балкарии ослабление традиционной системы взаимоотношений попыталась компенсировать новыми механизмами. В апреле 1921 г. на первом съезде Советов Балкарского округа при выборе исполнительного комитета два места было оставлено для представителей Кабарды¹. В июне 1921 г. на объединенном заседании органов власти Кабардинского и Балкарского округов было принято решение ввести в состав Кабардинского исполкома с правом решающего голоса трех членов Балкарского исполкома

¹Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). Нальчик, 1983. С. 639, С. 641.

ма, и наоборот. Это было сделано для установления более «высокой контактности работы». Большое значение имело то обстоятельство, что было решено «ежемесячно устраивать объединенное заседание исполкомов»². Было также намечено организовать постоянные экономические совещания между отделами Кабардинского и Балкарского окружных исполнительных комитетов для урегулирования спорных вопросов и содействия дальнейшему хозяйственному сближению Кабарды и Балкарии³. Все это свидетельствует о том, что взаимоотношения Кабарды и Балкарии занимали особое место в этнополитической системе Северного Кавказа.

После декретирования Кабардинской автономной области 1 сентября 1921 г. стало очевидно, что Балкария не могла оставаться в составе Горской республики. Отделенная от других соседей (Осетии, Карачая, Грузии) горными хребтами, Балкария имела выход на плоскость только через Кабарду. Эта особенность географических условий предопределяла невозможность успешного развития Балкарии без тесного сотрудничества с Кабардой. Такое сотрудничество было выгодно и кабардинцам и балкарцам. Но теперь речь шла не просто о поддержании традиционной системы этнополитического равновесия на территории исторической Кабарды и Балкарии, а о перестройке ее на качественно иных условиях⁴.

На Учредительном съезде Советов Кабардинской АО, состоявшемся в конце ноября 1921 г., была затронута проблема этнополитического взаимодействия Кабарды и Балкарии. Судя по воспоминаниям С. М. Буденного, принимавшего участие в работе съезда, Б. Э. Калмыков в ходе обсуждения с ним перспектив развития Кабардинской автономной области затронул вопрос об образовании Кабардино-Балкарской автономной области. Оба согласились с тем, что объединенная автономия должна стать результатом волеизъявления кабардинского и балкарского народов⁵.

По вопросу формирования объединенной автономии кабардинского и балкарского народов между руководителями Кабарды и Балкарии в свое время была достигнута предварительная договоренность. Впо-

²За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922 гг.). Нальчик, 1957. С. 473, 487.

³Улигов У. А. Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1979. С. 288, 289.

⁴Боров А. Х., Кажаров А. Г. Становление единой Кабардино-Балкарской автономии // История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 348, 349.

⁵Будённый С. М. Пройденный путь. В 3-х кн. М., 1973. Кн. 3. С. 263.

⁶Калмыков Б. Э. Статьи и речи. Нальчик, 1983. С. 65.

следствии Б. Э. Калмыков вспоминал: «Когда Кабарда выделилась в самостоятельную область, я заявил (руководителям Балкарии. – А. К.), чтобы Балкария присоединилась и образовать совместно Кабардино-Балкарскую автономную область. Они дали мне согласие... Через некоторое время товарищи подняли вопрос о выделении Балкарии в самостоятельную область. Центр заявил, чтобы Балкария слилась с Кабардой»⁶.

Позиция Центра во многом была predetermined мнением представителя ВЦИК на Северном Кавказе В. С. Муромцева. Он предложил образовать объединенную автономную область кабардинского и балкарского народов. 7 декабря 1921 г. Президиум исполнительного комитета Кабардинской АО, рассмотрев это предложение, признал возможным объединение Кабарды и Балкарии⁷.

9 декабря 1921 г. Балкарский исполком направил в Коллегию НКН РСФСР информационный доклад, в котором обосновывалась необходимость выделения Балкарского округа из Горской республики в автономную административную единицу⁸.

В докладе акцентировалось внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, город Нальчик является единым политическим, экономическим и культурным центром для Кабарды и Балкарии; во-вторых, на ярмарке в Нальчике происходит постоянный товарообмен балкарских шерстяных и молочных изделий на кабардинский хлеб, главным образом, на кукурузу. Кукурузы своего производства Балкарии хватает лишь на 20 дней в году; в-третьих, весной и осенью балкарский скот должен спускаться на кабардинскую плоскость, на молодую траву, так как нагорные пастбища месяца на полтора позже освобождаются от снега и на такой же срок раньше покрываются им осенью. Своего же сена балкарцам не хватает; в-четвертых, Кабарда и Балкария имеют общее лесное хозяйство; в-пятых, разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно, оставаясь в Горской АССР, вследствие подчиненности Кабарды непосредственно центру – РСФСР⁹.

В докладе, таким образом, проводилась мысль об экономической взаимозависимости Балкарии и Кабарды»¹⁰. Содержание доклада в корне противоречило выводу о необходимости образования Балкарской автономной области. Приведенные данные свидетельствовали о тесных экономических и иных связях, развитие которых было в интересах обоих народов. Для этого необходимо было воссоздать административно-политические механизмы взаимодействия, нарушенные в

⁷ЦГА КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

⁸ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 3.

⁹Улигов У. А. Указ. соч. С. 305.

¹⁰ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 4, 4 об.

период кратковременного пребывания Кабарды и Балкарии в составе Горской АССР.

В конце декабря 1921 г. в Москве проходил 9-й Всероссийский съезд Советов, в работе которого принимали участие делегаты Кабарды и Балкарии. 4 января 1922 г. балкарская делегация съезда направила в НКН РСФСР докладную записку. В ней ставился вопрос о невозможности дальнейшего пребывания Балкарии в Горской республике, так как, «во-первых, она оторвана от ГССР географически и слабо связана экономически и культурно, и, во-вторых, разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно оставаясь в ГССР вследствие подчиненности Кабарды непосредственно центру РСФСР». В докладной записке обосновывался тезис о необходимости формирования Балкарской автономной области, «непосредственно подчиненной центру РСФСР»¹¹.

6 января 1922 г. на заседании НКН РСФСР рассматривался проект постановления ВЦИК об образовании Балкарской автономной области. Коллегия Наркомата одобрила представленный проект¹². Однако 9 января, изменив это решение, Коллегия «признала целесообразным выделение из состава Горской республики территории, занимаемой ныне балкарцами и образование из нее вместе с Кабардой объединенной Кабардино-Балкарской автономной области, непосредственно связанной с РСФСР...»¹³.

При вынесении решения об объединении Кабарды и Балкарии на вышеуказанном заседании НКН РСФСР от 9 января 1922 г. учитывалось мнение В. С. Муромцева, который в докладной записке от 7 января 1922 г. указывал, что объединение Кабарды и Балкарии отвечает объективным интересам кабардинского и балкарского народов¹⁴. Необходимо обратить внимание также на то обстоятельство, что, как указано в протоколе, по вопросу об объединении Кабарды и Балкарии, то есть за отмену решения от 6 января 1922 г., все проголосовали единогласно, в том числе и представители Балкарии М. А. Энеев и А. Д. Гемуев¹⁵.

В результате, 16 января 1922 г. ВЦИК принял постановление об образовании объединенной Кабардино-Балкарской автономной области¹⁶. Решение территориальной проблемы между Кабардой и Балкарией должно было происходить в рамках общей автономии. Но в ходе реализации отдельных положений постановления ВЦИК от 16 января 1922

¹¹ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

¹²ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

¹³ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 226–22в.

¹⁴ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 6, 7.

¹⁵ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 226–22в.

¹⁶Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сб. док. Нальчик, 2000. С. 95–96.

г. возникли некоторые трудности. Возникшие проблемы были связаны, прежде всего, с позицией руководства Кабардинской автономной области по предложенной модели формирования системы власти. Постановление ВЦИК было основано на решении НКН РСФСР от 9 января 1922 г., которое определяло принципы ее организации. Во главе Кабардино-Балкарской автономной области должен был стоять общий областной исполком, сформированный на паритетных началах из представителей Кабардинского и Балкарского исполкомов¹⁷.

Руководство Кабардинской автономной области выступило против такого принципа организации системы власти. 10 января, то есть еще до выхода декрета ВЦИК об образовании Кабардино-Балкарской автономной области, за подписью Б. Э. Калмыкова был направлен соответствующий документ в НКН РСФСР. В нем указывалось, что делегаты 9-го съезда Советов от Кабардинской области, обсудив протокол заседания Коллегии НКН РСФСР, признали «целесообразным и жизненно необходимым создать облисполком из представителей Кабарды, Балкарии и иногороднего населения области (казаки, русские, осетины, немцы, евреи и проч.)¹⁸. Выход Кабарды из Горской республики привел к формированию автономии народов Кабардинского округа. Этот принципиальный момент совершенно не учитывался в предложенной модели властной конструкции в объединенной автономии Кабарды и Балкарии. Более того, принцип паритетности между кабардинцами и балкарцами исключал возможность представительства других народов в областном органе власти. В условиях, когда Кабардинская автономная область в силу исторических обстоятельств формировалась как национально-государственное образование населяющих ее народов, решение НКН РСФСР от 9 января 1922 г., а затем и постановление ВЦИК от 16 января 1922 г., привели к размыванию институциональных основ Кабардинской автономной области.

Разногласия между сторонами привели к тому, что вопрос о формировании системы власти в объединенной автономной области трансформировался в проблему обсуждения целесообразности образования Балкарской автономной области. На различных заседаниях органов советской и партийной власти Кабарды и Балкарии обсуждался неоднократно весь комплекс существующих проблем. В частности, 9 июля 1922 г. было проведено заседание Кабардинского областного комитета РКП (б) с участием заместителя председателя Исполнительного комитета и члена оргбюро РКП (б) Балкарского округа К. Э. Ульбашева. На этом заседании Б. Э. Калмыков дал характеристику взаимоотношениям Кабарды и Балкарии в дореволюционную эпоху и в революционный пе-

¹⁷ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 226–22в.

¹⁸ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 84.

риод. По его мнению, исторический опыт взаимодействия показал, что Кабарда и Балкария «это две неразрывные народности, которые ни политически, ни экономически разделить нельзя»¹⁹. Он заявил: «...Некоторые товарищи начали поднимать вопрос о том, что между Кабардой и Балкарией якобы существуют какие-то разногласия и даже вражда, с чем, конечно, я ни в коем случае согласиться не мог, так как отлично знал и настроение кабардинских крестьян и крестьян балкарских»²⁰. Б. Э. Калмыков был уверен, что «крестьянин-кабардинец и балкарец жили все время мирно, и никакой национальной вражды между ними не было, а если вражда и была, так это было только между верхами – князьями». В заключение своего выступления он сказал: «...Интересы кабардинцев и балкарцев связаны неразрывными узами, и Балкария вынуждена будет вскоре присоединиться к Кабарде. И сейчас нам необходимо указать, насколько связаны эти две народности друг с другом экономически, и свое мнение довести до сведения центра»²¹.

К. Э. Ульбашев отметил, что «разногласия в самой массе нет. В верхах есть. Но в то время, когда мы здесь можем ругаться, крестьянин кабардинский и крестьянин балкарский работают мирно, совместно. Ни один балкарец не сказал, что выделение для него выгодно. Балкарская автономия существовать самостоятельно не может, ее экономические условия заставят слиться с Кабардой»²². Он заявил: «Такого течения в балкарских массах нет, т.к. народ сейчас не знает о выделении, но когда была организована Кабардино-Балкарская автономия, то народ рад был этому и остался очень доволен, тенденция к выделению была тогда, когда Балкария находилась в составе Горской республики»²³.

После всестороннего обсуждения вопроса Кабардинский областной комитет РКП (б) постановил довести до сведения центральных органов советской власти информацию о том, что «балкарские трудовые массы более склонны сотрудничать с кабардинским народом, чем выделяться в автономную область» и что «Кабардинский облпартком считает необходимым организацию Кабардино-Балкарского облисполкома на основах Конституции РСФСР»²⁴. Большой интерес вызывает пункт постановления, сформулированный в следующей редакции: «В случае несогласия ВЦИКа на создание единого Кабардино-Балкарского облисполкома на

¹⁹ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.

²⁰Калмыков Б. Э. Статьи и речи. С. 64.

²¹ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 35, 36.

²²Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации (1917-1922). Сборник документов и материалов. Нальчик, 1963. С. 216–220.

²³ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.

²⁴Улигов У. А. Указ. соч. С. 308.

основах Конституции РСФСР ... предложить ВЦИКу назначить Кабардино-Балкарский съезд с представителями краевой власти для разрешения этого вопроса»²⁵. Если бы не было полной уверенности в том, что балкарский народ поддержит на этом съезде идею объединения Балкарии с Кабардой в единую автономию, такого решения не было бы.

Действительно определяющее значение имело волеизъявление балкарского народа. В Балкарии были проведены собрания и сельские сходы, на которых выносились резолюции и постановления в пользу объединения с Кабардой. В Гунделене на сельском сходе абсолютное большинство проголосовало за формирование единой Кабардино-Балкарской автономной области. На сельском сходе в селении Безенги Кязим Мечиев заявил: «Мы испокон веков со своими соседями кабардинцами жили и живем как одна семья, нам надо просить вышестоящие органы добровольно присоединить нас к Кабарде и создать единую автономию».

«Я объехал балкарские аулы. Узнал настроение народа. Балкарцы хотят объединиться с кабардинцами», – докладывал М. Хаджиев президиуму облисполкома²⁶.

Таким образом, в процессе обсуждения вопроса об образовании единой автономии Кабарды и Балкарии балкарский народ выразил и сформулировал свою национальную волю.

17 августа 1922 г. Кабардинский областной комитет РКП (б) и Балкарское организационное бюро РКП (б) утвердили «Положение по объединению Кабарды и Балкарии», которое предусматривало образование единого объединенного областного исполкома, состоящего на треть из кабардинцев, на треть из балкарцев и на треть из русских. По партийной линии также создавался единый аппарат обкома РКП (б). Балкарское оргбюро РКП (б) приравнивалось к остальным окружным партийным структурам Кабардино-Балкарской автономной области. Трехнациональный принцип представительства в органах власти и управления проводился и во внутренней конструкции исполкома области: в Большом и Малом президиумах, в наиболее крупных отделах облисполкома – земледелия, народного образования и внутреннего управления²⁷.

Принцип, зафиксированный в Положении, был далек от буквы решения Президиума ВЦИК от 16 января 1922 года. Первоначально построение органов власти и управления в КБАО мыслилось так: две национальности – кабардинцы и балкарцы – проводят свои съезды Советов, отдельно для Кабарды и для Балкарии, и избирают на них также

²⁵Бербеков Х. М. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1963. С. 282.

²⁶Улигов У. А. Указ. соч. С. 306, 307.

²⁷Ансоков М. Т. Образование и развитие национальной государственности народов Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1974. С. 118.

в отдельности свои исполнительные комитеты. Избранные исполкомы на паритетных началах образуют объединенный Кабардино-Балкарский исполнительный комитет. Кабардинский и Балкарский исполкомы при этом не целиком входят в объединенный облисполком, а посылают туда своих представителей. Складывался, таким образом, сложный порядок управления областью: отдельные исполнительные комитеты в Кабарде и Балкарии, кроме того, еще один общий объединенный облисполком. Фактически же был реализован вариант, представленный в постановлениях Коллегии Наркомнаца от 10 и 13 июля 1922 г., по которому балкарцы получили 1/3 мест в исполкоме, а население Кабарды – кабардинцы и русские – 2/3 мест²⁸.

Утверждение «Положения по объединению Кабарды и Балкарии» имело принципиальное значение и свидетельствовало о завершении процесса согласования принципов образования Кабардино-Балкарской автономной области. 6 сентября 1922 г. состоялись выборы объединенного исполнительного комитета. Из состава пленума областного исполнительного комитета были выделены Большой президиум из семи человек (Б. Э. Калмыков, М. А. Энеев, И. Н. Боровицкий, Н. А. Катханов, А. Д. Гемуев, Ф. И. Фаддеев и секретарь обкома партии) и Малый президиум из трех человек (Б. Э. Калмыков, М. А. Энеев и Ф. И. Фаддеев). Председателем областного исполнительного комитета единогласно был избран Б. Э. Калмыков, его заместителями – М. А. Энеев и Ф. И. Фаддеев, секретарем – И. Н. Боровицкий²⁹.

6–9 декабря 1922 г. в Нальчике состоялся первый съезд Советов Кабардино-Балкарской автономной области. Он обсудил вопросы хозяйственного и культурного строительства, выработал меры по улучшению деятельности местных органов власти и т.д. На нем также был избран областной исполнительный комитет из 30 человек под председательством Б. Э. Калмыкова, заместитель – М. А. Энеев³⁰.

Объединенная автономия Кабарды и Балкарии стала политической и экономической формой сотрудничества и сосуществования Кабарды и Балкарии и явилась результатом осознанного национально-государственного выбора кабардинского и балкарского народов. Формированию объединенной автономной области кабардинского и балкарского народов не было исторической альтернативы. Кабардино-Балкарская автономная область стала результатом длительного исторического процесса этнополитического взаимодействия кабардинцев и балкарцев и их свободного национального волеизъявления.

²⁸Боров А. Х., Кажаров А. Г. Указ. соч. С. 356.

²⁹Документы по истории борьбы за Советскую власть... С. 722, 723.

³⁰История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 2. С. 111, 112.

ГИМН КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Двух гордых рек едино русло,
навек мы в дружбе поклялись.
С вершин бессмертного Эльбруса
видна вся будущая жизнь.

Припев: Мы делим общий кров по-братски,
своей Республики сыны.
и кабардинцы и балкарцы
законам гор своих верны.

Готовы мы на труд и праздник,
нас любит друг, страшится враг.
И в нашем доме не погаснет
зажженный предками очаг.

Припев:

Лишь в нашем братстве наша сила,
живем мы вместе с давних пор.
И начинается Россия
на склонах наших древних гор.

Припев: Мы делим общий кров по-братски,
своей Республики сыны.
и кабардинцы и балкарцы
законам гор своих верны.

Мухамед ХАФИЦЭ,
главный редактор газеты
«Черкесское зарубежье»

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ ОРХАН ПАМУК

Судьба разбросала адыгов по многим странам мира. В Египте, в котором 135 лет правила черкесская династия мамлюков, из их среды вышли ученые, зодчие, писатели. Так, последний правитель мамлюкского государства Каншао аль-Гури подарил Каиру два прекрасных памятника – училище-мечеть и мадрасу. Он является автором прозаических произведений, рукописного сборника стихотворений, хранящегося ныне в Датской королевской библиотеке. Диван (сборник) Каншао аль-Гури – важный источник для изучения культуры и идеологии черкесских мамлюков.

Поэтическим даром отмечены касыды Сейфеддина Муаеда (Кармоко), правившего Египтом и Сирией в 1412-1421 гг. Всему Ближнему Востоку известны имена египетских черкесских писателей и историков Абу-Халида аль-Макдиси (1416-1483) и Мухаммеда ибн-Ийяса (1448-1528). В XIX–XX вв. в Каире творили неоклассик египетской поэзии Махмуд Сами аль-Баруди (1838-1904) из кабардинского рода Наурзоко, эмир арабских поэтов Ахмед Шауки (1868-1932), в Стамбуле стали классиками турецкой прозы наши соотечественники Ахмет Мидхат Хагур (1844-1913), Омер Сейфеддин Хатко (1884-1920) и Четин Онер (Гъуэгул, 1943-2016).

Из среды адыгской диаспоры вышел турецкий писатель Нобелевский лауреат Орхан Памук (2006 г.).

Как рассказал писатель в эксклюзивном интервью газете «Взгляд» (Париж), турецкую фамилию Памук («хлопок») получили его предки, ушедшие в Османскую империю после окончания Кавказской войны в 1864 году.

Орхан Памук родился 7 июня 1952 года в Стамбуле. Там же окончил американский «Роберт колледж» и технический вуз. В 1980-х гг. Орхан жил в США, преподавал турецкий язык в Колумбийском университете.

«Поскольку мой дед был инженером, предполагалось, что все мы пойдем по его стопам, но я в нашей «технической» семье увлекался

искусством. Хотел стать архитектором, три года изучал предмет. Но запойное чтение привело меня к тому, что я решил стать писателем. Мой первый роман, однако, не принес мне ничего: ни денег, ни славы. Мои родители к тому времени развелись, да и времена в конце 70-х оказались довольно безрадостными: страна была на грани гражданской войны. Так что до тридцати лет я жил с матерью в маленькой комнатке, забитой книгами.

Мировую славу прозаику принес его роман «Черная книга». Другие бестселлеры Орхана Памука – «Белая крепость», «Меня зовут красный», «Снег», «Стамбул: город воспоминаний», «Рыжеволосая женщина», «Музей невинности» – переведены на сотни языков мира, в том числе русский.

В отношении писателя в 2005 году было возбуждено уголовное дело за его высказывания по проблеме геноцида армян в 1915 году и курдскому вопросу. Процесс вызвал резкую критику Евросоюза, который назвал его экзаменом на соответствие Турции демократическим нормам. На защиту черкесского романиста встали всемирно известные писатели Умберто Эко, Джон Апдайк, Габриэль Гарсиа Маркес, Гюнтер Грасс, Жозе Сарамага, Карлос Фуэнтес, Марио Варгас Льюса, Хуан Гойтисоло.

Постмодернизм по-турецки: уметь молчать и приспособливаться – качества, не очень совместимые с талантом. Именно эта страна, как никакая другая, несет в себе палимпсест – хеттов сменили персы, греков – римляне, византийцев – турки. Словно слоеный пирог, культура страны несет в себе столько влияний, что говорить о какой-то абстрактной «турецкости», не включающей в себя ту или иную ее составляющую, по меньшей мере странно.

Со времен первого президента страны Мустафы Кемаля Турция «славится» своим антилитературным режимом, ее Уголовный кодекс во многом ограничивает свободу слова. Пострадали от этого многие – поэт Назим Хикмет большую часть своей жизни провел в тюрьме, потом в изгнании в СССР, та же судьба постигла и знаменитого писателя Яшара Кемалю. С 2006 года, со дня получения Нобелевской премии, славный сын адыгского народа живет за пределами Турецкой Республики – то в США, то в Британии, то во Франции... Ему заказана дорога в страну, для которой он творит с начала 80-х годов. И не странно ли, что сегодня именно Орхан Памук не вписывается в систему, еще со времен Ататюрка построенную на табу, идеологии и вслух не называемую.

За что Орхан Памук получил Нобелевскую премию? Конкретно за мемуары «Стамбул: город воспоминаний». В то же время это не историческое исследование, а иллюстрация к сегодняшнему состоянию огромного мегаполиса. Нобелевский комитет учел выдающийся вклад Памука в развитие мировой культуры.

И, наконец, о том, что пишет пресса разных стран о нашем знаменитом соотечественнике.

Daily Telegraph:

В книге «Снег» Памук обнажает острые противоречия современной Турции. Высокое мастерство автора и прогрессивные тенденции настоящей политики заставляют нас ощутить кризис эпохи. Орхан Памук из тех писателей, для которых создана Нобелевская премия.

The New York Times Book Review:

Турецкий Умберто Эко, Орхан Памук – один из самых популярных в Европе писателей, чьи произведения изданы более чем в ста странах, лауреат многочисленных литературных наград, среди которых Премия мира Ассоциации немецких книготорговцев, присужденная ему в октябре 2005 года.

The Independent:

«Меня зовут Красный» – невероятно сильный роман, книга, работа над которой захватила Памука в 80-е годы и в результате сделала одним из лучших живущих ныне писателей.

The Spectator:

Орхан Памук бесспорно великий писатель.

Апполинария Аврутина, переводчик:

Роман «Снег» (2002) в России из-за бескрайней любви турецкого писателя к Достоевскому и Толстому мгновенно окрестили «самым русским его романом».

СНЕГ

Главы из романа

Женщины убивают себя из гордости
Действие последнее

Сунай в последний момент изменил название того, что он написал и под влиянием вдохновения, и под воздействием многих других явлений окружающей жизни, название пьесы «Испанская трагедия» Томаса Кида поменял на название «Трагедия в Карсе», и это новое название успели сообщить в постоянных объявлениях по телевизору только в последние полчаса. Толпа зрителей, состоявшая из тех, кого частично привезли на автобусах под контролем военных, и некоторых, кто верил в объявления по телевизору и в прочность правления военных, либо из тех любопытных, кто любой ценой хотел своими собственными глазами увидеть то, что будет (потому что в городе ходили разговоры о том, что «прямая» трансляция на самом деле передается в записи, а эта запись прибыла из Америки), и служащих, большинство из которых пришли сюда вынужденно (на этот раз они не привели свои семьи), этого нового названия не замечала. А если бы они даже и заметили, им вообще было бы трудно установить связь между названием и содержанием пьесы, которую они смотрели, как и весь город, ничего не понимая.

Трудно кратко изложить главную идею первой половины «Трагедии в Карсе», которую я смотрел, достав из видеоархива карсского телевизионного канала «Граница» спустя четыре года после ее первой и последней постановки. Речь шла о том, что в «отсталом, бедном и глупом» городке была кровная вражда, но почему люди начали убивать друг друга и что они не поделили, не рассказывалось, и об этом не спрашивали ни убийцы, ни те, кто умирал, как мухи. Один Сунай гневался, что народ предается такой отсталости, как кровная вражда, обсуждал эту тему со своей женой и искал понимания у второй, молодой женщины (Кадифе). Сунай был в образе богатого и просвещенного представителя власти, но он танцевал с нищим народом, обменивался шутками, мудро спорил о смысле жизни и играл им сцены из Шекспира, Виктора Гюго и Брехта, создавая своеобразную атмосферу пьесы в пьесе. К тому же нравоучительные и краткие сцены на такие темы, как движение в городе, вежливость за столом, свойства турок и мусульман, от которых они не смогли отказаться, воодушевление Французской революцией, польза прививок, презервативов и раки, танец живота богатой проститутки, то, что шампунь и косметика – не что иное, как подкрашенная вода, были разбросаны тут и там по пьесе в естественном беспорядке.

Единственное, что собирало эту пьесу, местами изрядно перемешанную с импровизацией и внезапными идеями, и что привязывало карского зрителя к происходящему на сцене, была страстная игра Суная. В тех местах, где воспринимать пьесу становилось тяжело, он внезапно проявлял гнев жестами из самых лучших моментов своей сценической жизни, поносил тех, кто довел до такого состояния страну, народ, и, переходя с одного края сцены в другой, прихрамывая с трагическим видом, рассказывал о воспоминаниях своей молодости, о том, что Монтень писал о дружбе, или о том, каким одиноким человеком был на самом деле Атагюрк. Его лицо было покрыто потом. Учительница Нурие-ханым, увлекавшаяся театром и историей, с восхищением смотревшая на него в спектакле два вечера назад, много лет спустя рассказала мне, что с первого ряда очень хорошо чувствовался запах раки, шедший от Суная. С ее точки зрения, это означало, что великий актер не пьян, а очень возбужден. В течение двух дней средних лет государственные служащие Карса, восхищавшиеся им так, что решались подвергнуть себя любой опасности, чтобы увидеть его вблизи, вдовы, молодые сторонники Атагюрка, уже сейчас сотни раз видевшие его изображения по телевизору, мужчины, интересовавшиеся приключениями и властью, говорили, что от него на передние ряды исходил какой-то свет, какое-то сияние и что невозможно было долго смотреть ему в глаза.

Месут, один из студентов лица имамов-хатибов, которых насильно привезли в Национальный театр на военных грузовиках (тот, который был против, чтобы правоверные и атеисты были похоронены на одном кладбище), спустя много лет сказал мне, что чувствовал, как к Сунаю что-то притягивало. Возможно, он мог признаться в этом, потому что прежде находился в одной маленькой исламистской группировке, четыре года совершавшей военные акции в Эрзуруме, а после того, как разочаровался во всем этом, вернулся в Карс и начал работать в одной чайной. По его словам, существовало что-то, что было сложно объяснить, что притягивало студентов лица имамов-хатибов к Сунаю. Возможно, это было из-за того, что Сунай обладал абсолютной властью, которой они хотели подчиняться. Или же то, что он установил запреты и тем самым «спас» их от опасных занятий, таких как организация восстания. «После военных переворотов все на самом деле втайне радуются», – сказал он мне. С его точки зрения, на молодых людей произвело впечатление то, что он, несмотря на то, что обладал такой властью, вышел на сцену и со всей искренностью отдал себя толпе.

Много лет спустя, когда я смотрел видеозапись того вечера на карском телеканале «Граница», я тоже почувствовал, что в зале забыли о противостоянии отцов и детей, представителей власти и мятежников, и все в глубоком молчании погрузились в свои полные страхов воспоминания и фантазии, и я ощутил существование этого чарующего чувства

«мы», которое могут понять только те, кто живет в националистических государствах, основанных на притеснении людей. Благодаря Сунаю в зале словно не осталось «чужих», все были безнадежно привязаны друг к другу общей историей.

Это чувство нарушала Кадифе, к присутствию которой на сцене жители Карса никак не могли привыкнуть. Операторы, транслировавшие спектакль, должно быть, тоже это почувствовали, и поэтому в моменты воодушевления они, сфокусировавшись на Сунае, совершенно не приближались к Кадифе, и зритель Карса мог ее видеть, только когда она ассистировала тому, кто двигал действие, подобно служанкам в бульварных комедиях. Между тем зрители очень интересовались, что будет делать Кадифе, потому что с полудня объявлялось, что во время вечернего спектакля она откроет голову. Ходило очень много разговоров о том, что Кадифе делает это под давлением военных, что она не выйдет на сцену и другие подобные слухи, а те, кто слышал о борьбе девушек в платках, но никогда не слышал ее имени, узнали о Кадифе лишь пару часов назад. Поэтому, хотя она и появилась на сцене изначально с непорочным видом и на ней было длинное красное платье, то, что она появилась с покрытой головой, сначала вызвало разочарование.

На двадцатой минуте пьесы, во время которой все чего-то ожидали от Кадифе, после одного диалога с Сунаем стало что-то проясняться: когда они остались на сцене одни, Сунай спросил у нее, «решила она или нет», и сказал:

– Я считаю невозможным, чтобы ты, рассердившись на кого-то, убила себя.

Кадифе сказала:

– Мужчины в этом городе убивают друг друга как животные, и когда они говорят, что делают это ради счастья города, кто может вмешиваться в то, что я хочу убить себя? – и улизнула, словно убегая от Фунды Эсер, появившейся на сцене.

Спустя четыре года, когда я слушал от всех, с кем мог поговорить, о событиях, происшедших в Карсе тем вечером, когда с часами в руке, по минутам пытался расписать все события, я вычислил, что когда Кадифе произнесла это на сцене, Ладживерт видел ее в последний раз. Согласно тому, что рассказали мне о нападении на Ладживерта соседи и сотрудники Управления безопасности, все еще работавшие в Карсе, когда в дверь дома постучали, Ладживерт и Ханде смотрели телевизор. Из официального пояснения: Ладживерт, увидев перед собой сотрудников Управления безопасности и военных, бросился внутрь, взял оружие, начал стрелять, а по рассказам некоторых соседей и молодых исламистов, для которых через короткое время он стал легендой, он закричал: «Не стреляйте!» и попытался спасти Ханде, но влетевшая в квартиру группа во главе с З. Демирколом за минуту изрешетила не только Ладживерта

и Ханде, но и всю квартиру. Несмотря на сильный шум, никто, кроме нескольких любопытных детей из соседних домов, не заинтересовался случившимся. Так было не потому, что в то время жители Карса привыкли к таким нападениям по ночам, но также и потому, что в тот момент никто в городе не мог интересоваться ничем, кроме передававшегося из Национального театра спектакля. Все тротуары были пусты, все ставни были закрыты, а чайные дома, кроме нескольких, не работали.

Сунай знал, что все глаза в городе прикованы к нему, и это придавало ему сверхъестественную уверенность и силу. Поскольку Кадифе чувствовала, что получит на сцене только то место, которое выделил ей Сунай, она приближалась к нему все больше и чувствовала, что то, что она хотела сделать, сможет осуществиться, только если она воспользуется удобным моментом, который Сунай, возможно, ей предоставит. Я не знаю, о чем она думала, потому что впоследствии, в отличие от своей старшей сестры, Кадифе избегала разговаривать со мной о тех днях. Жители Карса, осознавшие решимость Кадифе покончить с собой и открыть голову, с этого момента в течение сорока минут постепенно начали ею восхищаться. В пьесе происходило постепенное выдвигание Кадифе, и спектакль превращался в тяжелую драму, полную нравоучительного и отчасти раздраженного возмущения Суная и Фунды Эсер. Зрители ощутили, что Кадифе играет храбрую девушку, готовую на все из-за того, что она не утратила притеснений со стороны мужчин. От очень многих людей, с которыми я разговаривал впоследствии и которые долгие годы сокрушались о том, что случилось потом с Кадифе, я услышал, что даже если образ «девушки-мятежницы в платке» был вскоре полностью забыт, новую личность, которую она играла тем вечером на сцене, жители Карса сохранили в своих сердцах. Когда Кадифе выходила в тот вечер на сцену, наступало глубокое молчание, а большие и маленькие, смотревшие телевизор у себя дома, после ее слов спрашивали друг у друга: «Что она сказала, что она сказала?»

Во время одной из этих пауз послышался гудок первого поезда, покидавшего город впервые за последние четыре дня. Ка был в вагоне, куда его насильно усадили солдаты. Мой милый друг, увидевший, что из вернувшейся машины не вышла Ипек, а вытащили только его сумку, изо всех сил уговаривал солдат, охранявших его, позволить ему увидеться с ней, не получив разрешения, убедил их еще раз отправить военную машину в отель, а когда машина приехала опять без Ипек, стал умолять офицеров еще на пять минут задержать поезд, Ипек снова не появилась, и, когда поезд, отправляясь, издал гудок, Ка заплакал. Поезд тронулся, а его глаза, полные слез, все еще искали в толпе на перроне, в двери здания вокзала, обращенной на статую Казыма Карабекира, довольно высокую женщину с сумкой в руках, которая, как он представлял увидеть, будет идти прямо к нему.

Поезд, набиравший скорость, еще раз издал гудок. В этот момент Ипек и Тургут-бей вышли из отеля «Снежный дворец» и направились прямо к Национальному театру. «Поезд отправляется», – сказал Тургут-бей. «Да, – ответила Ипек. – Дороги скоро откроются. Губернатор и начальник гарнизона вернутся в город». Она сказала еще что-то о том, что так закончится этот глупый военный переворот и все вернется на свои места, но сказала она все это не потому, что считала это важным, а потому, что чувствовала, что если будет молчать, ее отец решит, что она думает о Ка. Она и сама точно не знала, насколько она думает о Ка, а насколько о смерти Ладживерта. В душе она чувствовала сильную боль от того, что упустила возможность стать счастливой, и огромный гнев к Ка. Она мало сомневалась в причинах этого гнева. Обсуждая со мной четыре года спустя, в Карсе, без особого желания, причины своего гнева, она испытает сильное смущение из-за моих вопросов и подозрений и скажет мне, что после того вечера сразу поняла – продолжать любить Ка стало почти невозможно. Пока поезд, увозивший Ка, гудел и покидал город, Ипек испытывала только разочарование; возможно, некоторое изумление. В действительности ее мучило то, как разделить свое горе с Кадифе. Тургут-бей по молчанию дочери понял, что она переживает.

– Весь город словно покинут, – сказал он.

– Призрачный город, – сказала Ипек только для того, чтобы что-нибудь сказать.

Перед ними проехал конвой из трех военных автомобилей и завернул за угол. Тургут-бей сказал, что эти машины смогли приехать, потому что дороги открылись. Отец с дочерью, чтобы отвлечься, посмотрели на огни проезжавшей перед ними и исчезавшей в темноте колонны. Согласно исследованиям, которые я провел позднее, в среднем фургоне находились тела Ладживерта и Ханде.

Тургут-бей в неровном свете фар только что проехавшего джипа увидел, что в витрине редакции городской газеты «Граница» вывешивают завтрашнюю газету; он остановился и прочитал: «Смерть на сцене. Известный актер Сунай Заим был убит выстрелом во время вчерашнего вечернего представления».

Прочитав статью два раза, они быстро пошли к Национальному театру. В дверях театра стояли все те же полицейские машины, а чуть поодаль, на спуске, виднелась тень того же танка.

Когда они входили, их обыскали. Тургут-бей сказал, что он «отец главной актрисы». Началось второе действие, и, отыскав в самом последнем ряду свободные места, они сели.

В это действие все-таки вошли некоторые шутки и веселые сцены, на умение подавать которые Сунай потратил годы: Фонда Эсер даже немного потанцевала с таким видом, будто смеется над тем, что сама делает. Но настроение пьесы стало очень тяжелым, в театре сто-

яла тишина. Кадифе и Сунай теперь часто оставались одни на сцене.

– И все же вы должны объяснить мне, зачем вы покончите собой, – сказал Сунай.

– Этого никто не может знать точно, – сказала Кадифе.

– Как это?

– Если бы кто-нибудь мог точно знать, почему он совершает самоубийство, если бы он мог ясно объяснить эту причину, он бы не покончил с собой, – сказала Кадифе.

– Не-е-е, это совсем не так, – сказал Сунай. – Некоторые убивают себя из-за любви, другие не могут вытерпеть побоев мужа или стерпеть бедность.

– Вы очень просто смотрите на жизнь, – сказала Кадифе. – Вместо того чтобы убивать себя из-за любви, можно немного подождать, и любовь станет меньше. И бедность не является достаточной причиной для того, чтобы совершить самоубийство. Вместо того чтобы кончать с собой, можно бросить своего мужа или же сначала пойти и попытаться где-нибудь украсть деньги.

– Хорошо, а в чем же настоящая причина?

– Настоящая причина всех самоубийств, конечно, гордость. Женщины, по крайней мере, убивают себя из-за этого!

– Из-за того, что гордость страдает от любви?

– Вы совсем ничего не понимаете! – сказала Кадифе. – Женщина убивает себя не из-за того, что страдает ее гордость, а для того, чтобы показать, какая она гордая.

– Ваши подружки поэтому убивают себя?

– Я не могу говорить от их имени. У каждого человека есть свои причины. Но всякий раз, когда я думаю о том, чтобы убить себя, я чувствую, что они думают так же, как я. Момент самоубийства – это время, когда женщина одинока и момент, когда она лучше всего понимает, что она женщина.

– Вы подтолкнули своих подруг на самоубийство этими словами?

– Они покончили собой по своему собственному решению.

– Все знают, что здесь, в Карсе, ни у кого нет своей собственной свободной воли, все поступают так, чтобы избежать побоев, чтобы вступить в какое-нибудь сообщество и защитить себя. Признайтесь, Кадифе, что вы с ними втайне договорились и навязали женщинам мысль о самоубийстве.

– Но как такое может быть? – спросила Кадифе. – Они стали еще более одинокими, совершая самоубийство. От многих из них отказались родители, потому что они покончили с собой, над останками некоторых из них даже намаза не совершили.

– И вы сейчас убьете себя для того, чтобы показать, что они не одиноки, что это общественное действие? Кадифе, вы молчите... Но если

вы убьете себя, не сказав, почему вы так поступаете, не будет ли неверно понято заявление, которое вы решили произнести?

– Я ничего не хочу сообщить моим самоубийством, – сказала Кадифе.

– И все же за вами наблюдает так много людей, беспокоятся. Скажите, по крайней мере, о чем вы сейчас думаете?

– Женщины убивают себя, надеясь победить, – сказала Кадифе. – А мужчины – если надежды победить не остается.

– Это верно, – сказал Сунай и вытащил из кармана пистолет марки «кырык-кале». Весь зал внимательно смотрел на блеск оружия. – Убейте меня вот этим, пожалуйста, когда поймете, что я окончательно побежден.

– Я не хочу угодить за решетку.

– Но разве вы не покончите с собой? – спросил Сунай. – Раз вы попадете в ад, когда убьете себя, вам уже не нужно бояться ни этого наказания, ни наказания в мире ином.

– Женщина как раз поэтому-то себя и убивает, – сказала Кадифе. – Чтобы суметь избежать любых наказаний.

– Я хочу в тот момент, когда я осознаю свое поражение, принять свою смерть из рук такой женщины! – произнес Сунай, картинно повернувшись к зрителям. Он немного помолчал. Он начал рассказывать историю, связанную с любовными похождениями Ататюрка, и именно в этот момент почувствовал, что зрителям стало скучно.

Когда второе действие закончилось, Тургут-бей и Ипек прошли за кулисы и разыскали Кадифе. Просторная комната, в которой когда-то репетировали акробаты из Москвы и Петербурга, армянские актеры, игравшие Мольера, музыканты и танцовщики, отправившиеся в турне по России, сейчас была холодной как лед.

– Я знала, что ты придешь, – сказала Кадифе Ипек.

– Я горжусь тобой, милая, ты была великолепно! – сказал Тургут-бей и обнял Кадифе. – Если бы он дал тебе в руки оружие, сказав: «Убей меня», я бы встал, прервал представление и закричал бы: «Кадифе, не вздумай стрелять».

– Почему?

– Потому что оружие может быть заряжено! – сказал Тургут-бей. Он рассказал о статье, которую прочитал в завтрашнем выпуске городской газеты «Граница». – Я боюсь не из-за того, что новость о событии, о котором Сердар написал заранее в надежде, что оно осуществится, окажется верной, – сказал он. – Потому что большая часть этих статей оказывается неверна. Но я волнуюсь из-за того, что знаю, что такую претенциозную статью Сердар никогда не написал бы без одобрения Суная. Ясно, что статью приказал написать Сунай. Это может быть рекламой. А может быть, он хочет заставить тебя убить его на сцене.

Доченька, милая, смотри, не убедившись, что пистолет не заряжен, не стреляй в него! И смотри, ради этого человека не открывай голову. Ипек не уезжает. Нам в этом городе жить еще долго, не серди понапрасну сторонников религиозных порядков.

– Почему Ипек передумала ехать?

– Потому что больше любит своего отца, тебя, нашу семью, – сказал Тургут-бей, держа Кадифе за руки.

– Папочка, мы можем опять поговорить наедине? – спросила Ипек. Как только она это сказала, она увидела, что на лице Кадифе появился страх. Пока Тургут-бей подходил к Сунаю и Фунде Эсер, вошедшим через другую дверь в конце этой полной пыли комнаты с высоким потолком, Ипек изо всех сил обняла Кадифе. Она увидела, что это движение пробудило в сестре страх, и, взяв ее за руку, повела в специальную часть комнаты, отделенную занавеской. Оттуда вышла Фунда Эсер с бутылкой коньяка и стаканами.

– Ты была очень хороша, Кадифе, – сказала она. – Располагайтесь, как вам удобно.

Ипек усадила Кадифе, которая постепенно теряла надежду. Она взглянула ей в глаза, словно хотела сказать: «У меня плохие новости». Потом с трудом произнесла:

– Ханде и Ладживерта убили во время нападения.

Кадифе на мгновение опустила взгляд.

– Они были в одном доме? Кто сказал об этом? – спросила она. Но, увидев решительное выражение на лице Ипек, замолчала.

– Сказал парень из лица имамов-хатибов, Фазыл, я сразу поверила. Потому что он видел это своими глазами... – Подождав мгновение, чтобы побледневшая, как полотно, Кадифе приняла известие, торопливо продолжила: – Ка знал, где находится Ладживерт, после того как он видел тебя в последний раз, он не вернулся в отель. Я думаю, что Ка сказал людям из вооруженной группировки, где скрываются Ладживерт и Ханде. Поэтому я не поехала с ним в Германию.

– Откуда ты знаешь? – сказала Кадифе. – Может быть, сказал не он, а кто-то другой.

– Может быть, я думала об этом. Но сердцем я так хорошо чувствую, что донес Ка, что поняла, что не смогу убедить себя, что донес не он. Я не поехала в Германию, потому что поняла, что не смогу его полюбить.

Силы, которые Кадифе потратила на то, чтобы выслушать Ипек, были на исходе. Ипек увидела, что сестра только сейчас полностью осознала смерть Ладживерта.

Закрыв руками лицо, Кадифе заплакала навзрыд. Ипек обняла ее и тоже заплакала. Пока Ипек беззвучно плакала, она чувствовала, что они с сестрой плачут по разным причинам. Они уже несколько раз плакали

так, когда обе не могли отказаться от Ладживерта и когда им становилось стыдно соперничать за него. Ипек чувствовала, что сейчас весь конфликт закончился: ей не надо было уезжать из Карса. В какой-то момент она почувствовала себя постаревшей. Стареть, будучи в согласии с окружающим миром, становится мудрой настолько, чтобы ничего не желать от мира: она чувствовала, что сможет это сделать.

Сейчас она гораздо больше беспокоилась за рыдающую Кадифе. Она видела, что сестра испытывает более глубокую и разрушительную боль, чем она. Она ощутила чувство благодарности за то, что не находится в ее положении (или же сладкое ощущение мести?), и ей сразу стало стыдно. Поставили кассету с той же музыкой, которую зрителей заставляли слушать управляющие Национальным театром в перерывах между фильмами, потому что это увеличивало продажу газированной воды и каленого гороха: играла песня под названием «Baby, come closer, closer to me», которую они слушали в Стамбуле в годы ранней молодости. В то время они обе хотели хорошо выучить английский; и обе не смогли этого сделать. Ипек почувствовала, что сестра заплакала еще сильнее, услышав музыку. В щель в занавеске она увидела, что отец и Сунай о чем-то беседуют в другом полутемном конце комнаты и подошедшая к ним с маленькой бутылкой коньяка Фунда Эсер наливает рюмки.

– Кадифе-ханым, я полковник Осман Нури Чолак, – сказал военный средних лет, грубо раздвинувший занавеску, и поприветствовал их, поклонившись до пола, как в фильмах. – Сударья, чем я могу облегчить ваше горе? Если вы не хотите выходить на сцену, я могу сообщить вам благую весть: дороги открылись, скоро в город придут военные силы.

Позднее в военном трибунале Осман Нури Чолак будет использовать эти слова в качестве доказательства, что он пытался защитить город от организаторов этого глупого военного переворота.

– Со мной абсолютно все в порядке, благодарю вас, сударь, – ответила Кадифе.

Ипек почувствовала, что в движениях Кадифе уже сейчас появилось что-то от наигранной манеры Фунды Эсер. А с другой стороны, она восхищалась усилием сестры взять себя в руки. Кадифе встала, предприняв над собой усилие; она выпила стакан воды и стала бродить, как призрак, туда-сюда по просторной закулисной комнате.

Когда началось третье действие, Ипек собиралась увести отца, не дав ему поговорить с Кадифе, но Тургут-бей подошел к ней в последний момент:

– Не бойся, – сказал он, подразумевая Суная и его друзей, – они современные люди.

В начале третьей сцены Фунда Эсер спела песню женщины, над которой надругались. Это привязало к сцене внимание тех зрителей,

которые считали пьесу местами слишком «интеллектуальной». Фонда Эсер, как всегда, с одной стороны, слезы лила, ругая мужчин, а с другой стороны, с пиететом рассказывала о том, что с ней произошло. После двух песен и пародии на маленькую рекламу, которая по большей части насмешила детей (показывали, что продукция «Айгаз» сделана из «выпущенных газов»), сцену затемнили, и показались двое солдат, напоминавших солдат, вышедших на сцену с оружием в руках в конце спектакля два дня назад. В середине сцены они принесли и установили виселицу, и во всем театре наступила нервная тишина. Заметно хромавший Сунай и Кадифе встали под виселицей.

– Я не думал, что события будут развиваться так быстро, – сказал Сунай.

– Вы хотите признаться в том, что вам не удалось сделать то, что вы хотели, или вы уже состарились и ищете предлога, чтобы красиво умереть? – спросила Кадифе.

Ипек почувствовала, что Кадифе прикладывает огромные усилия, чтобы продолжать играть свою роль.

– Вы очень сообразительная, Кадифе, – сказал Сунай.

– Это вас пугает? – спросила Кадифе натянуто и гневным голосом.

– Да! – игриво ответил Сунай.

– Вы боитесь не моей сообразительности, а того, что я – личность, – сказала Кадифе. – Дело в том, что в нашем городе мужчины боятся не женской сообразительности, а того, что женщины будут ими командовать.

– Как раз наоборот, – сказал Сунай. – Я устроил этот переворот, чтобы вы, женщины, командовали собой сами, как европейские женщины. Поэтому я хочу, чтобы вы сейчас открыли голову.

– Я открою голову, – сказала Кадифе. – Но чтобы доказать, что я сделала это не под вашим давлением, не из желания подражать европейцам, после этого я повешусь.

– Но вы очень хорошо знаете, что европейцы будут вам аплодировать из-за того, что вы, покончив с собой, поведете себя как личность, не так ли, Кадифе? Не укрылось от взгляда то, что и на том пресловутом тайном собрании в отеле «Азия» вы повели себя очень увлеченно, чтобы отправить обращение в немецкую газету. Говорят, что вы организовывали девушек, совершающих самоубийство, так же как и девушек с закрытой головой.

– Только одна девушка боролась за платок и покончила с собой. Это Теслиме.

– А вы сейчас будете второй...

– Нет, я открою голову до того, как совершу самоубийство.

– Вы хорошо подумали?

– Да, – ответила Кадифе. – Я очень хорошо подумала.

– Тогда вы должны были подумать и вот о чем. Самоубийцы отправляются в ад. Вы что же, убьете меня со спокойным сердцем, потому что считаете, что все равно попадете в ад?

– Нет, – ответила Кадифе. – Я не верю, что, покончив с собой, попаду в ад. А тебя я убью, чтобы избавиться от такого паразита, врага нации, веры и женщин!

– Вы смелая, Кадифе, и говорите откровенно. Но самоубийство превращается нашей религией.

– Да, в Священном Коране сура «Ниса» повелевает: «Не убивайте себя», – сказала Кадифе. – Но это не означает, что Всемогущий Аллах не простит юных девушек, убивших себя, и отправит их в ад.

– Значит, таким образом вы искажаете смысл текстов Корана.

– Верно как раз противоположное, – сказала Кадифе. – Некоторые девушки в Карсе убили себя потому, что не могли закрывать головы, так как им этого хотелось. Великий Аллах справедлив и видит, какие муки они терпят. Когда в моем сердце есть любовь к Аллаху, я уничтожу себя, как они, потому что в этом городе Карсе мне нет места.

– Вы знаете, что это рассердит наших религиозных предводителей (начальников), которые зимой, под снегом, приехали сюда, чтобы отговорить от самоубийства находящихся в безвыходном положении женщин этого нищего города Карса, не так ли, Кадифе?.. Между тем как Коран...

– Я не буду обсуждать мою религию ни с атеистами, ни с теми, кто от страха делает вид, что верит. И к тому же давайте закончим этот спектакль.

– Вы правы. А я начал этот разговор не для того, чтобы повлиять на ваше моральное состояние, а потому, что вы не сможете меня убить спокойно из-за боязни попасть в ад.

– Не беспокойтесь, я убью вас совершенно спокойно.

– Замечательно, – сказал Сунай обидчиво. – А я скажу вам о самом важном выводе, который я сделал за свою двадцатипятилетнюю театральную жизнь. Наш зритель ни в одном произведении не сможет вынести, не заскучав, диалога длиннее, чем этот. Если хотите, не затягивая разговоры, перейдем к делу.

– Хорошо.

Сунай вытащил тот же пистолет марки «кырык-кале» и показал и зрителям, и Кадифе.

– Сейчас вы откроете голову. А потом я дам вам это оружие и вы меня убьете... Поскольку такое впервые происходит в прямом эфире, я еще раз хочу сказать о смысле этого нашим зрителям...

– Давайте не будем затягивать, – сказала Кадифе. – Мне надоели речи мужчин, рассуждающих, почему девушки-самоубийцы совершили это.

– Вы правы, – сказал Сунай, играя оружием в руках. – И все-таки я хочу сказать о двух вещах. Чтобы те, кто верит сплетням, читая новости, которые пишут в газетах, и жители Карса, которые смотрят нас в прямой трансляции, не боялись. Смотрите, Кадифе, это магазин моего пистолета. Как вы видите, он пуст. – Вытащив магазин, он показал его Кадифе и установил на место. – Вы видели, что он пустой? – спросил он, как мастер-фокусник.

– Да.

– И все-таки давайте хорошенько убедимся в этом! – сказал Сунай. Он еще раз вытащил магазин и, как фокусник, показывающий шапку и зайца, еще раз показал его зрителям и установил на место. – Я в последний раз говорю в свою защиту: вы только что сказали, что убьете меня со спокойным сердцем. Вы, должно быть, питаете ко мне отвращение за то, что я, совершив военный переворот, стал тем, кто стрелял в народ, за то, что они не похожи на европейцев, но я хочу, чтобы вы знали, что я это делал также и ради народа.

– Хорошо, – сказала Кадифе. – Сейчас я открою голову. Пожалуйста, смотрите все.

На мгновение на ее лице отразилась боль, и она очень простым движением руки сняла платок, который был у нее на голове.

В зале сейчас не раздавалось ни звука. Сунай какое-то мгновение растерянно смотрел на Кадифе, словно это было что-то совершенно неожиданное. Они оба повернулись к зрителям, словно актеры-любители, которые не знают последующие слова.

Весь Карс долгое время с восхищением смотрел на прекрасные длинные каштановые волосы Кадифе. Операторы, собрав всю свою смелость, впервые сфокусировали объективы на Кадифе и показали ее вблизи. На лице Кадифе показался стыд женщины, которая расстегнула свое платье в толпе. По всему ее виду было ясно, что она очень страдает.

– Дайте, пожалуйста, оружие! – сказала Кадифе нетерпеливо.

– Пожалуйста, – сказал Сунай. Держа пистолет за ствол, он протянул его Кадифе. – Курок вот здесь.

Кадифе взяла пистолет в руку, и тогда Сунай улыбнулся. Весь Карс был уверен, что разговор продлится еще. Может быть, и Сунай, уверенный в этом, сказал было: «У вас очень красивые волосы, Кадифе. Я бы тоже ревниво прятал их от мужчин», – как вдруг Кадифе спустила курок.

Раздался выстрел. Весь Карс был поражен скорее не выстрелом, а тем, что Сунай, содрогаясь, будто и в самом деле был убит, упал на пол.

– Как все глупо! – сказал Сунай. – Они не понимают современное искусство, они не могут быть современными!

Зритель уже было ожидал долгого предсмертного монолога Суная, как Кадифе поднесла пистолет очень близко к нему и выстрелила еще

четыре раза. Каждый раз тело Суная в какой-то момент вздрагивало, поднималось и, будто становясь еще тяжелее, падало на пол. Эти четыре выстрела были сделаны очень быстро.

Зрители, ожидавшие от Суная скорее осмысленного монолога о смерти, нежели подражания смертельной агонии, утратили надежду, увидев, что после четвертого выстрела на лице Суная выступила кровь. Нурие-ханым, придававшая такое же значение натуральности событий и спецэффектов, как и тексту, встала и уже собиралась заплодировать Сунаю, но испугалась его лица в крови и села на свое место.

– Кажется, я его убила! – сказала Кадифе зрителям.

– Хорошо сделала! – прокричал из заднего ряда один из студентов лица имамов-хатибов.

Силы безопасности так были увлечены преступлением на сцене, что не поинтересовались местом, где сидел нарушивший тишину лицеист, и не стали преследовать его. Учительница Нурие-ханым, которая уже два дня с восторгом смотрела Суная по телевизору и теперь сидела в первом ряду, чтобы увидеть его вблизи во что бы то ни стало, заплакала навзрыд, и тогда не только те, кто был в зале, но и весь Карс ощутил, что происходящее на сцене было чересчур натуральным.

Двое солдат, странными и смешными шагами бегущие навстречу друг другу, задвинули занавес.

Сегодня здесь никто не любит Ка В Карсе спустя четыре года

Сразу после того, как занавес был закрыт, З. Демиркол и его друзья арестовали Калифе и, похитив ее через заднюю дверь, выходящую на Малый проспект Казым-бея, посадили в военную машину и «для ее собственной безопасности» отвезли ее в бывшее убежище в центральном гарнизоне, которое принимало у себя в гостях Ладживерта в последний день. Через несколько часов все дороги, ведущие в Карс, полностью открылись, и тогда в Карс, не встретив никакого сопротивления, вошли военные подразделения, чтобы подавить этот маленький «военный переворот» в городе. Заместитель губернатора, командир дивизии и другие руководители, которых обвинили в халатном отношении к событиям, сразу же были сняты со своих постов, а горстка военных и работников НРУ, сотрудничавших с «мятежниками» – несмотря на их возражения, что они делали это ради государства и нации, – была арестована. Тургут-бей и Ипек смогли навестить Калифе только три дня спустя. Тургут-бей во время всего происходящего понял, что Сунай на сцене был убит по-настоящему, сокрушался и все-таки, надеясь, что Кадифе ничего не будет, начал предпринимать усилия для того, чтобы еще

тем же вечером забрать дочь и вернуться домой, но успеха не добился и вернулся домой по пустым улицам далеко за полночь, держась за руку своей старшей дочери, и, пока он плакал, Ипек открыла чемодан и разложила его содержимое обратно по шкафам.

Большинство жителей Карса, следивших за происходившим на сцене, поняли, что Сунай действительно умер сразу же, после недолгой агонии, прочитав на следующее утро городскую газету «Граница». Толпа, заполнившая Национальный театр, беззвучно и безмолвно разошлась после того, как занавес закрылся, а телевидение больше ни разу не коснулось того, что происходило в последние три дня. Жители Карса, привыкшие со времен чрезвычайного правительства к тому, что власти или независимые группировки ловят на улицах «террористов», к тому, что они устраивают облавы и делают объявления, через короткое время перестали думать о тех трех днях, как о каком-то особом времени. Ведь Управление главного штаба приказало начинать со следующего утра административное расследование, ревизионная комиссия аппарата премьер-министра приступила к действиям, а весь Карс начал обсуждать «театральный переворот» не с политической точки зрения, а как событие в театральной жизни и в мире искусства. Как Кадифе, несмотря на то что Сунай Заим у всех на глазах зарядил пистолет пустым барабаном, смогла убить его из того же пистолета?

В этом вопросе, который выглядел не как ловкость рук, а как фокус, мне очень помог подробный доклад инспектора-майора, направленного из Анкары расследовать «театральный переворот» в Карсе после того, как жизнь вернулась в нормальное русло. Из-за того, что Кадифе отказывалась обсуждать то, что происходило с той ночи с отцом и сестрой, которые приходили ее навестить, и с прокурорами, и с адвокатами – даже если это было необходимо, чтобы защитить ее в суде, – инспектор-майор, чтобы найти истину, точно так же, как сделаю и я четыре года спустя, поговорил с очень многими людьми (точнее говоря, взял их показания) и таким образом исследовал все предположения и все разговоры.

Инспектор-майор сначала показал, что разговоры о том, что молодая женщина выстрелила из другого пистолета, который она в мгновение ока вытащила из кармана, или о том, что она стреляла из полного барабана, который поместила в пистолет, не соответствуют истине, чтобы опровергнуть точку зрения о том, что Кадифе убила Сунаю Заиму специально и умышленно, вопреки его воле. И хотя, как бы то ни было, на лице Суная проявилось выражение изумления, когда он был убит, расследование, проведенное позже силами безопасности, а также одежда, снятая с Кадифе, и видеозапись вечера подтверждали, что во время происходящего использовался единственный пистолет и единственный магазин. Другая достаточно любимая жителями Карса версия о том, что

в Суная стрелял в то же время кто-то из другого угла, была опровергнута баллистической экспертизой, присланной из Анкары, и проведенное вскрытие выявило, что пули в теле актера были из пистолета марки «кырык-кале», который Кадифе держала в руках. Последние слова Кадифе («Кажется, я его убила!»), положившие начало тому, что в глазах большинства жителей Карса она стала легендарной личностью – и героем, и жертвой, инспектор-майор расценил как доказательство того, что преступление она совершила не умышленно; он изучил в деталях такие два понятия – философское и юридическое, – как умышленное убийство и злой умысел, указав прокурорам, которые позднее должны были открыть судебное разбирательство на эту тему, направление действий, и рассказал, что тем человеком, кто спланировал все происшествие и все слова, произнесенные во время пьесы, которые Кадифе была вынуждена выучить и говорить на сцене под различным воздействием, была на самом деле не Кадифе, а покойный актер Сунай Заим. Сунай Заим, сказавший два раза, что магазин пуст, а затем поместивший его в пистолет, обманул и Кадифе, и всех жителей Карса. То есть, выражаясь словами майора, который спустя три года раннее положенного срока вышел на пенсию и, когда мы встречались в его доме в Анкаре, в ответ на то, что я указал на романы Агагы Кристи на полке, сказал, что в особенности ему нравится название ее книги: «Пистолет был заряжен»! Продемонстрировать заряженный барабан как пустой не было изящным фокусом актера: безжалостная сила, которая вот уже три дня применялась Сунаем Займом и его друзьями под предлогом воплощения западных взглядов и идей Ататюрка (число погибших вместе с Сунаем было двадцать девять человек), внушила такой ужас жителям Карса, что все они были готовы считать пустой магазин заряженным. С этой точки зрения участником происшествия была не только Кадифе, но и жители Карса, которые, хотя Сунай и объявил заранее о своей смерти, с удовольствием наблюдали, как он дает возможность на сцене убить себя под предлогом того, что это спектакль. В своем докладе майор ответил, что необходимо разделять реальность и искусство, развеяв и другой слух о том, что Кадифе убила Суная, чтобы отомстить за Ладживерта; что невозможно будет обвинить под другим предлогом человека, которому дают заряженный пистолет, сказав, что он незаряжен; развеяв утверждения исламистов, которые хвалили Кадифе за то, что она повела себя хитро и убила Суная, но сама, конечно же, не совершила самоубийство, а также на утверждения обвиняющих ее республиканцев светских взглядов. Версия о том, что Кадифе передумала убивать себя после того, как убила Суная Заима, убедив его до этого, что на самом деле собирается совершить самоубийство, была опровергнута тем доказательством, что виселица на сцене была картонной и об этом знал и Сунай, и Кадифе.

Доклад командированного Главным штабом трудолюбивого ин-

спектора-майора с огромным уважением восприняли военные прокуроры и судьи в Карсе. Таким образом, Кадифе была приговорена к трем годам и одному месяцу тюрьмы не за то, что убила человека по политическим причинам, а из-за того, что создала условия для гибели человека из-за своей оплошности и невнимательности, и, отсидев в тюрьме двадцать месяцев, вышла на свободу. Полковник Осман Нури Чолак был приговорен к серьезному сроку наказания, указанному в 313-й и 463-й статьях уголовного кодекса Турции, по обвинению в организации банд для убийства людей и в организации убийств, исполнитель которых был неизвестен, и был освобожден по амнистии, объявленной спустя шесть месяцев. И хотя ему угрожали, чтобы он никому не рассказывал об этих событиях, в последующие годы, по вечерам, когда он, встретившись со своими старинными армейскими товарищами, хорошенько выпивал, он говорил, что сам «по крайней мере» осмеливался делать то, что сидит в душе у каждого военного, сторонника Ататюрка, и, не слишком вдаваясь в детали, обвинял своих друзей в том, что они боятся сторонников религиозных порядков, в лени и трусости.

Офицеры, солдаты и некоторые другие служащие, замешанные в событиях – несмотря на их возражения, что они люди подневольные и патриоты, – так же точно были осуждены в военных трибуналах по различным обвинениям, начиная с того, что они организовывали банды, убивали людей, вплоть до того, что они без разрешения использовали государственное имущество, после чего все они тоже были отпущены на свободу после той же амнистии. После всего этого один легкомысленный младший лейтенант, который впоследствии стал исламитом, после выхода из тюрьмы напечатал в исламистской газете «Обет» свои воспоминания с продолжением, «И я тоже был якобинцем», но издание этих воспоминаний было приостановлено из-за оскорблений в адрес армии. Выяснилось, что вратарь Вурал сразу после переворота и в самом деле начал работать на местное отделение НРУ. Суд также принял во внимание и то, что он, как и другие участники спектакля, был «простым актером». Фунда Эсер в ту ночь, когда был убит ее муж, пережила нервный приступ, она бросалась на всех в гнев, всем на всех жаловалась и доносила, и поэтому четыре месяца ее содержали под наблюдением в психиатрическом отделении военного госпиталя в Анкаре. Спустя много лет после того, как она выписалась из больницы, тогда, когда ее голос был известен по всей стране, потому что она озвучивала ведьму в популярном детском мультсериале, она сказала мне, что все еще огорчается из-за того, что ее муж, погибший на сцене в результате производственного несчастного случая, не получил роль Ататюрка из-за зависти и клеветы, и что единственным ее утешением в последние годы стало то, что при изготовлении многих статуй Ататюрка стали использовать позы и жесты ее мужа. Поскольку в докладе инспектора-майора было доказано

участие в событиях и Ка, то военный судья – совершенно справедливо – пригласил в суд в качестве свидетеля и его и после двух заседаний, на которые он не явился, выпустил постановление о его аресте, для того чтобы взять его показания.

Тургут-бей и Ипек каждую субботу навещали Кадифе, отбывавшую наказание в Карсе. Весенними и летними днями, когда погода стояла замечательная, они по разрешению снисходительного начальника тюрьмы стелили белое покрывало под большую шелковицу на широком дворе тюрьмы и ели фаршированные перцы с оливковым маслом, которые делала Захиде, угощали котлетками из мяса и риса других заключенных и, перестукиваясь сваренными вкрутую яйцами, перед тем как их почистить, слушали прелюдии Шопена из переносного магнитофона марки «Филипс», который починил Тургут-бей. Тургут-бей, чтобы не воспринимать как нечто постыдное судимость дочери, расценивал тюрьму как школу-пансион, в которую необходимо пойти учиться каждому уважающему себя гражданину, и время от времени приводил с собой таких знакомых, как Сердар-бей. В одно из посещений к ним присоединился Фазыл, и Кадифе захотела видеть его еще и в следующие посещения, и через два месяца после освобождения она вышла замуж за юношу моложе ее на четыре года.

Первые шесть месяцев они жили в одной из комнат отеля «Снежный дворец», где Фазыл работал на рецепции. А когда я приехал в Карс, они вместе с ребенком переехали в другое место. Кадифе каждое утро приходила со своим полугодовалым ребенком Омерджаном в отель «Снежный дворец», Ипек и Захиде кормили ребенка, и, пока Тургут-бей играл с внуком, сама немного работала в отеле, а Фазыл, чтобы не зависеть от своего тестя, работал и в фотомастерской «Айдын», и на карсском телеканале «Граница» в качестве, как он, улыбнувшись, сказал мне, «ассистента телепередач», но на самом деле был «мальчиком на побегушках».

На следующий день после того, как я приехал в город, и после того, как мэр города устроил в честь меня ужин, в полдень мы встретились с Фазылом в их новой квартире на проспекте Хулуси Айтекина. Пока я смотрел на снег, медленно, большими хлопьями падавший на крепость и на реку Карс, Фазыл добродушно спросил, почему я приехал в Карс, я разволновался, решив, что он узнал о том, что вчера вечером, за ужином, который давал мэр города, Ипек вскружила мне голову, и с превеликим восторгом рассказал ему о стихах, которые Ка написал в Карсе, и что, возможно, напишу об этих стихах книгу.

– Если стихов нигде нет, как же ты можешь написать о них книгу? – спросил он по-дружески.

– Я тоже не знаю, – сказал я. – В телевизионном архиве должно быть одно стихотворение.

– Мы разыщем его вечером. Но ты все утро бродил по улицам Карса. Наверно, собираешься написать роман о нас.

– Я все время ходил по тем местам, которые Ка описал в своих стихах, – сказал я, нервничая.

– Но я по твоему лицу вижу, что ты хочешь рассказать о том, какие мы бедные, насколько мы отличаемся от людей, читающих твои романы. Я не хочу, чтобы ты писал обо мне в таком романе.

– Почему?

– Ты же меня совсем не знаешь! И даже если ты узнаешь меня и сможешь рассказать, какой я есть, твои европеизированные читатели не смогут понять мою жизнь потому, что будут сочувствовать моей бедности. Их насмешит, например, то, что я пишу исламистские научно-фантастические романы. Я не хочу, чтобы обо мне рассказывали, как о человеке, которому симпатизируют и, улыбаясь, презирают.

– Хорошо.

– Я знаю, ты расстроился, – сказал Фазыл. – Пожалуйста, не расстраивайся из-за моих слов, ты хороший человек. Но и твой друг был хорошим человеком, наверно, хотел нас полюбить, но потом сделал очень большое зло.

Фазыл смог жениться на Кадифе потому, что Ладживерт был убит. Поэтому сейчас мне показалось нечестным то, что он обвинял Ка в том, что он донес на Ладживерта, словно это было зло, которое Ка причинил ему самому, но я промолчал.

– Как ты можешь быть уверен в том, что это правда? – спросил я намного позднее.

– Об этом знает весь Карс, – сказал Фазыл мягким, почти нежным голосом, совершенно не обвиняя ни Ка, ни меня.

Я увидел Неджипа в его глазах. Я сказал, что готов посмотреть научно-фантастический роман, который он хотел мне показать; он спросил, буду я читать то, что он написал, или нет, сказал, что не сможет отдать мне написанное и хочет быть рядом, когда я буду читать. Мы сели за стол, где они по вечерам с Кадифе ужинали и смотрели телевизор, и, не говоря ни слова, вместе прочитали первые пятьдесят страниц научно-фантастического романа, написанного Фазылом, о котором четыре года назад мечтал Неджип.

– Ну как, хорошо? – спросил Фазыл только один раз и так, будто бы извинялся. – Если тебе стало скучно, давай закончим.

– Нет, хорошо, – сказал я и с удовольствием продолжал читать.

Позднее, когда мы вместе шли по заснеженному проспекту Казыма Карабекира, я еще раз искреннее сказал, что нахожу роман очень приятным.

– Ты, наверно, говоришь так, чтобы порадовать меня, – сказал Фазыл весело. – Но ты сделал мне добро. А я хочу сделать что-то для тебя.

Если хочешь написать роман, можешь рассказать и обо мне. При условии, что я скажу кое-что твоим читателям.

– Что?

– Я не знаю. Если смогу найти эти слова, пока ты в Карсе, скажу.

Мы расстались, договорившись вечером встретиться на карсском телевизионном канале «Граница». Я смотрел вслед Фазылу, пока он бежал в фотомастерскую «Айдын». Видел ли я Неджипа внутри него? Чувствовал ли он до сих пор Неджипа в себе, как он говорил Ка? Как человек может слышать в себе голос другого человека?

Утром я бродил по улицам Карса, разговаривая с людьми, с которыми разговаривал Ка, сидя в тех же чайных, и много раз чувствовал себя похожим на Ка. Рано утром я сидел в чайной «Удачливые братья», где он когда-то написал стихотворение «Все человечество и звезды», и, так же как мой любимый друг, представлял себе мое место в мире. Джавит на ресепшн отеля «Снежный дворец» сказал мне, что я беру ключ торопливо, «точно, как Ка-бей». Бакалейщик позвал меня, когда я шел по одному из переулков: «Это вы писатель, приехавший из Стамбула?», и пригласил меня внутрь; попросив меня написать, что во всех статьях, вышедших в газетах о самоубийстве его дочери Теслиме четыре года назад, была неправда, он разговаривал со мной так, словно говорил с Ка, и тоже угостил меня кока-колой. Насколько все это было случайностью, а насколько – моими умозрительными построениями? В одно мгновение, поняв, что я иду по улице Байтархане, я заглянул в окна обители Глубокочтимого Шейха Саадеттина и, чтобы понять, что чувствовал Ка, когда приходил в обитель, поднялся по крутой лестнице, о которой рассказал в своем стихотворении Мухтар.

Я нашел стихи, которые Мухтар дал Ка среди его бумаг во Франкфурте, а значит, Ка не отправил их Фахиру. А Мухтар уже на пятой минуте нашего знакомства сказал о Ка: «Какой почтенный человек!» – и после этого рассказал, что Ка очень понравились его стихи, когда он был в Карсе, и что он с хвалебным отзывом отправил их крупному высокомерному издателю в Стамбуле. Своими делами он был доволен и надеялся, что на будущих выборах его выберут мэром города от недавно образованной партии исламистов (прежняя Партия Благоденствия была запрещена). Благодаря Мухтару, уживающемуся со всеми, мягкому, мирному человеку, нас приняли в Управлении безопасности (нам не позволили спуститься на самый нижний этаж) и в больнице Социального страхования, где Ка целовал труп Неджипа. Мухтар, показывая мне помещения, оставшиеся от Национального театра, которые он превратил в склад бытовой техники, согласился с тем, что несет «небольшую» ответственность за то, что было разрушено здание, построенное сто лет назад, но постарался меня утешить тем, что «вообще-то здание было не турецкое, а армянское». Он показал мне по очереди все места,

которые вспоминал Ка с тоской и желанием однажды вновь увидеть Ипек и Карс: покрытый снегом овощной рынок, ряды лавок с мелкими скобяными изделиями на проспекте Казыма Карабекира, и, познакомив меня со своим политическим противником в деловом центре Халит-паши адвокатом Музаффер-беем, ушел. Выслушав прореспубликанскую историю Карса, рассказанную мне бывшим мэром города, в точности повторявшую ту, что он рассказывал Ка, я побрел по темным и тоскливым коридорам, и в этот момент один богатый владелец молочной фермы, стоявший в дверях Общества любителей животных, позвал меня: «Орхан-бей» – и, пригласив внутрь, рассказал мне, вспоминая все с поразительной точностью, как Ка четыре года назад вошел сюда тогда, когда был убит директор педагогического института, и как в зале для петушиных боев сел в углу и задумался.

Мне не понравилось до встречи с Ипек выслушивать подробности того момента, когда Ка понял, что любит ее. До того как пойти на нашу с ней встречу в кондитерскую «Новая жизнь», я вошел в пивную «Зеленая страна» и выпил порцию раки, чтобы снять напряжение и чтобы спастись от страха влюбиться. Но как только я сел перед Ипек в кондитерской, я сразу понял, что предпринятые мною меры сделали меня еще более беззащитным. Раки, которую я выпил на пустой желудок, не успокоила меня, а смешала мои мысли. У Ипек были огромные глаза и удлиненное лицо, как я люблю. Пытаясь осознать ее красоту, которая показалась мне еще несомненнее, чем я постоянно представлял себе со вчерашнего дня, я захотел еще раз безнадежно попытаться убедить себя, что именно любовь, которую она пережила с Ка, лишала меня разума и то, что все подробности этой любви я знал. Но эта боль напомнила мне еще одну мою слабую сторону: то, что я, вместо того чтобы быть настоящим поэтом, который может жить сам по себе, как того хотелось Ка, был писателем с простой душой, который каждое утро и каждый вечер работает в определенные часы, как секретарь. Может быть, поэтому я в розовых тонах отразил ежедневную жизнь Ка во Франкфурте как довольно упорядоченную: каждое утро он вставал в определенное время, проходил по одним и тем же улицам, садился за один и тот же стол в одной и той же библиотеке и работал.

– Вообще-то я решила поехать с ним во Франкфурт, – сказала Ипек и рассказала о многих деталях, которые подтверждали ее решение, вплоть до того, что она собрала чемодан. – Но сейчас мне уже трудно вспомнить, какой приятный человек был Ка, – сказала она. – Однако я хочу помочь вам написать книгу из-за уважения, которое испытываю к вашему другу.

– Ка благодаря вам написал в Карсе чудесную книгу, – захотел я процитировать ее. – Эти три дня он записал в свои тетради по минутам, не хватая только последних часов, предшествующих его отъезду из города.

С поразительной откровенностью, не скрывая ничего, испытывая затруднение лишь из-за того, что говорит о чем-то очень личном, но с правдивостью, восхитившей меня, она по минутам рассказала о последних часах Ка перед отъездом из Карса, так, как она их пережила и как их себе представляла.

– У вас не было никакого веского доказательства, чтобы передумать ехать с ним во Франкфурт, – сказал я, попытавшись ее обвинить.

– Некоторые вещи люди понимают сердцем сразу.

– Вы первая заговорили о сердце, – сказал я и, словно извиняясь, рассказал ей, что Ка в своих письмах, которые он не смог послать ей, но которые я был вынужден прочитать ради своей книги, весь первый год в Германии не мог спать из-за нее и поэтому каждую ночь принимал по две таблетки снотворного; что он напивался мертвецки пьяным; и когда бродил по улицам Франкфурта, каждые пять-десять минут принимал идущую вдалеке женщину за Ипек; каждый день, до конца своей жизни часами представлял себе, словно в замедленной съемке, моменты счастья, которые пережил вместе с ней; чувствовал себя счастливым, если мог забыть о ней хотя бы на пять минут; что до самой смерти у него не было никаких связей с женщинами; и после того, как он ее потерял, он называл себя «словно не настоящим человеком, а призраком», и, так как я заметил ее нежный взгляд, который, однако, говорил: «Пожалуйста, довольно!», и то, что она подняла брови, словно бы ей задали загадочный вопрос, я со страхом понял, что все это Ипек расценила не как мое желание, чтобы она поняла моего друга, а как желание, чтобы она приняла меня.

– Наверное, ваш друг очень меня любил, – сказала она. – Но не настолько, чтобы попытаться еще раз приехать в Карс.

– Его должны были арестовать.

– Это было неважно. Он бы пришел в суд и поговорил бы там, с ним бы не случилось неприятностей. Не поймите меня неверно, он хорошо сделал, что не приехал, но Ладживерт на протяжении многих лет много раз тайно приезжал в Карс, чтобы увидеть меня, хотя был отдан приказ его убить.

Я увидел, что когда она сказала «Ладживерт», в ее карих глазах появилось сияние, а на лице – настоящая печаль, и у меня защемило сердце.

– Но ваш друг боялся не суда, – сказала она, словно бы утешая меня. – Он очень хорошо понял, что я знаю его настоящую вину, и поэтому я не пришла на вокзал.

– Вы никогда не могли подтвердить его вину, – сказал я.

– Я очень хорошо понимаю, что вы ощущаете вину за него, – сказала она с понятливым видом и, чтобы показать, что наша встреча подошла к концу, положила в сумку свои сигареты и зажигалку. Вот почему с понимающим видом: как только я сказал эти слова, я с чувством по-

ражения понял, что она узнала, что на самом деле я ревную не к Ка, а к Ладживерту. Но потом я решил, что Ипек намекала не на это, просто я был чрезмерно поглощен чувством вины. Она встала, довольно высокого роста, все в ней было красивым, и надела пальто.

Мысли мои совершенно смешались. С волнением я сказал:

– Мы сможем еще раз увидаться этим вечером? – В этих словах не было никакой необходимости.

– Конечно, мой отец вас ждет, – сказала она и ушла, шагая приятной походкой.

Я сказал сам себе, что меня огорчает то, что она искренне верит в то, что Ка «виноват». Но я вводил себя в заблуждение. На самом деле я хотел спокойно и красноречиво поговорить о «любимом убитом друге» Ка, неторопливо выявить его слабости, заблуждения и «вину», и так, перед его священной памятью, вместе сесть на один корабль и вместе с ней отправиться в наше первое путешествие. Мечта, которая появилась у меня в первый вечер – увезти Ипек с собой в Стамбул, сейчас была очень далеко, и внутри я ощущал стремление доказать, что мой друг был «невиновен». Насколько это означало, что из двоих умерших я ревновал не к Ка, а к Ладживерту?

Я почувствовал еще большую грусть, когда стемнело, и я побрел по заснеженным улицам Карса. Карсский телеканал «Граница» переехал в новое здание перед заправочной станцией на проспекте Карадаг. На коридоры этого трехэтажного бетонного делового центра, который жители Карса воспринимали как признак экономического подъема, грязная, нечистая, темная и обветшавшая атмосфера города за два года повлияла с избытком.

Фазыл, радостно встретивший меня в студии на втором этаже, доброжелательно представил меня каждому из восьми человек, работавших на телевидении, и после этого сказал: «Друзья хотят, чтобы вы сказали несколько слов для сегодняшних вечерних новостей», а я подумал, что это может поспособствовать моим делам в Карсе. Во время пятиминутной съемки, записанной на пленку, ведущий молодежных программ Хакан Озге, который делал репортаж со мной, внезапно сказал, возможно, потому, что об этом ему сказал Фазыл: «Оказывается, вы пишете роман о происшедшем в Карсе!» Я удивился и что-то промямлил. О Ка мы не говорили ни слова.

Войдя в комнату директора, мы разыскали по датам на видеокассетах, хранившихся, как того требовали правила, на стенных полках, записи двух первых прямых трансляций, сделанных в Национальном театре. Я сел перед старым телевизором в маленькой душевой комнате и, глотая чай, сначала посмотрел «Трагедию в Карсе», где на сцену вышла Кадифе. Я был восхищен «критическими сценками» Суная Займа и Фунды Эсер, тем, как они насмеялись над некоторыми довольно

популярными четыре года назад рекламными клипами. А сцену, когда Кадифе открывает голову и показывает свои красивые волосы и когда сразу после этого она убивает Суная, я отмотал назад и внимательно посмотрел несколько раз. Смерть Суная и в самом деле выглядела будто часть пьесы. У зрителей не было возможности разглядеть, кроме тех, кто был в первых рядах, был ли магазин пистолета пуст или заряжен.

Просматривая вторую кассету, я сначала понял, что очень много сценок из пьесы «Родина или платок», множество пародий, приключения вратаря Вурала, танец живота приятной Фунды Эсер было теми шутками, которые театральная труппа повторяла на каждом спектакле. Крики, политические лозунги и гул в зале делали разговоры на этой старой ленте совершенно непонятными. Но все же я много раз отмотал пленку назад и записал большую часть стихотворения, которое читал Ка и которое он впоследствии назвал «Место, где нет Аллаха», на бумагу, которая была у меня в руках. Фазыл спрашивал, почему, когда Ка читал стихотворение, Неджип встал и что-то говорил, когда я дал ему, чтобы он прочитал, ту часть стихотворения, которую я смог записать.

Мы два раза посмотрели, как солдаты стреляли в зрителей.

– Ты очень много ходил по Карсу, – сказал Фазыл. – А я тебе хочу сейчас показать одно место в городе. – Слегка стеснясь, немного загадочным голосом он сказал мне, что, может быть, я напишу в своей книге о Неджипе, и что он хочет показать мне общежитие ныне закрытого лицея имамов-хатибов, где Неджип провел последние годы своей жизни.

Мы шли под снегом по проспекту Гази Мехмед-паши, и когда я увидел на лбу черного как уголь пса совершенно круглое белое пятно, я понял, что этот был тот пес, о котором Ка написал стихотворение, и купил в какой-то бакалейной лавке хлеб и яйцо вкрутую, быстро почистил его и дал псу, радостно помахивавшему своим хвостом-колечком.

Фазыл, увидевший, что собака от нас не отстает, сказал:

– Это пес с вокзала. – И добавил: – Я не говорил об этом, потому что вы, может быть, не пойдете. Старое общежитие пустое. После ночи переворота его закрыли, назвав гнездом террора и реакционности. С тех пор внутри никого нет, поэтому я взял с телевидения фонарь.

Он зажег фонарь, и когда осветил им в грустные глаза черного пса, шедшего следом за нами, пес помахал хвостом. Садовая калитка бывшего общежития, которое некогда было армянским особняком, а потом зданием консульства, где жил русский консул вместе со своей собакой, была заперта. Фазыл, взяв меня за руку, помог мне перепрыгнуть через низкий забор.

– Мы убежали здесь по ночам, – сказал он и ловко пролез внутрь через высокое окно с разбитым стеклом, на которое показал, осветил фонарем все вокруг и втащил меня внутрь. – Не бойтесь, кроме птиц, никого больше нет, – сказал он.

Внутри здания, окна которого от грязи и льда не пропускали свет, а некоторые были заколочены досками, была крошечная тьма, но Фазыл поднимался по лестнице со спокойствием человека, приходившего сюда и раньше, и освещал мне дорогу лампой, которую держал за спиной, словно те, кто показывает места в кинотеатрах. Везде пахло пылью и плесенью. Мы прошли через разбитую дверь, сохранившуюся с ночи переворота четыре года назад, и прошли между пустых ржавых коек, обращая внимание на следы пуль на стенах, на углы высокого потолка на верхнем этаже, на то, как голуби, свившие гнездо на сгибе печной трубы, взволнованно забили крыльями.

– Это моя, а вот это – Неджипа, – сказал Фазыл, указывая на две верхние койки рядом. – Чтобы от нашего шепота не проснулись, иногда по ночам мы ложились в одну кровать и разговаривали, глядя на небо.

В щели разбитого стекла, в свете уличных фонарей были видны огромные, медленно падавшие снежинки. Я смотрел внимательно, с уважением.

Потом Фазыл сказал:

– А это – вид с кровати Неджипа, – указывая на узкий проход внизу.

Я увидел проход шириной в два метра, который нельзя было даже назвать улицей, втиснутый сразу за садом, между глухой стеной здания Сельскохозяйственного банка и задней стеной без окон еще одного высокого жилого дома. На его грязную землю с первого этажа здания падал лиловый флюоресцирующий свет. Чтобы этот проход никто не считал улицей, в середине был помещен красный знак «Проход запрещен». А в конце этой улицы, которую Фазыл с вдохновением Неджипа называл «Это конец мира», было темное дерево без листьев, и, как раз когда мы смотрели, оно внезапно покраснело, словно бы загорелось.

– Красная лампочка на вывеске фотомастерской «Айдын» уже семь лет сломана, – прошептал Фазыл. – Красный свет то и дело загорается и гаснет, и каждый раз дикая маслина там, если посмотреть с кровати Неджипа, выглядит, будто она загорелась. Неджип иногда в мечтах наблюдал эту картину до самого утра. То, что он видел, он назвал «этот мир» и утром, после бессонной ночи, иногда говорил мне: «Я всю ночь смотрел на этот мир!» Значит, он рассказал твоему другу, поэту Кабею, а он написал об этом в своем стихотворении. Я привел тебя сюда, потому что понял это, когда смотрел касету. Но то, что твой друг назвал стихотворение «Место, где нет Аллаха», – это неуважение к Неджипу.

– Покойный Неджип рассказал об этом виде Ка, назвав его «Место, где нет Аллаха», – сказала я. – В этом я уверен.

– Я не верю, что Неджип умер атеистом, – сказал Фазыл осторожно. – У него были лишь сомнения.

– Ты больше не слышишь в себе голос Неджипа? – спросил я. – Раз-

ве все это в тебе не пробуждает страх, что ты постепенно становишься атеистом, как человек в рассказе?

Фазылу не понравилось, что я знаю о его сомнениях, о которых он рассказывал Ка четыре года назад.

– Теперь я женат, у меня есть ребенок, – сказал он. – Я не интересуюсь этими темами так, как раньше. – Он сразу же расстроился, что повел себя по отношению ко мне, словно я был человеком, приехавшим с Запада, и пытался обратить его к атеизму. – Мы потом поговорим, – сказал он мягко. – Мой тесть ждет нас на ужин, давайте не будем опаздывать.

Все-таки, перед тем как спуститься, он показал стол в одном из углов широкой комнаты, которая некогда была кабинетом русского консула, осколки бутылки из-под раки и стулья.

– После того как дороги открылись, З. Демиркол и его группа оставались здесь еще несколько дней и продолжали убивать курдских националистов и исламистов.

Меня испугала эта деталь, напоминавшая мне о том, что до того момента мне удалось не вспоминать. Мне не хотелось думать о последних часах Ка в Карсе.

Черный пес, ожидавший нас у калитки в сад, пошел за нами следом, когда мы возвращались в отель.

– Ты погрустнел, – сказал Фазыл. – Почему?

– Ты не зайдешь в мою комнату до ужина? Я отдам тебе кое-что.

Когда я брал ключ у Джавита, я ощутил через открытую дверь квартиры Тургут-бея восхитительную атмосферу внутри, увидел накрытый стол, услышал разговоры гостей и почувствовал, что Ипек находится там. У меня в чемодане были сделанные Ка в Карсе ксерокопии любовных писем Неджипа, которые он написал Калифе четыре года назад, я отдал их в комнате Фазылу. Намного позже я подумал о том, что сделал это потому, что хотел, чтобы и он стал беспокоиться из-за призрака умершего друга так же, как и я.

Пока Фазыл сидел на краю моей кровати и читал письма, я достал из чемодана одну из тетрадей Ка и еще раз взглянул на снежинку, которую впервые увидел во Франкфурте. Так я собственными глазами увидел то, о чем подспудно знал уже давно. Ка поместил стихотворение «Место, где нет Аллаха» как раз на верхнюю часть кристалла памяти. Это означало, что он ходил в опустевшее общежитие, в котором разместился З. Демиркол, что смотрел из окна Неджипа и, перед тем как уехать из Карса, открыл настоящий источник «видения» Неджипа. Стихотворения, которые он поместил на кристалл памяти, рассказывали только о собственных воспоминаниях Ка, которые он пережил в Карсе или в детстве. Таким образом, я убедился в том, о чем знал весь Карс, что когда мой друг не смог убедить Кадифе в Национальном театре, ког-

да Ипек была заперта в комнате отеля, он пошел в общежитие, где его ждал З. Демиркол, чтобы рассказать, где скрывается Ладживерт.

На моем лице тогда, должно быть, было выражение не лучшее, чем выражение на лице Фазыла, пребывавшего в замешательстве. Снизу доносились неясные разговоры гостей, а с улицы – вздохи печального города Карса. И я, и Фазыл исчезли, беззвучно затерявшись среди наших воспоминаний, чувствуя существование наших неоспоримых основ, более страстных, более сложных и более истинных, чем мы сами.

Я посмотрел из окна наружу, на падавший снег и сказал Фазылу, что нам уже надо идти на ужин. Сначала ушел Фазыл, растерянно, словно совершил проступок. Я лег на кровать и с болью представил, о чем думал Ка, когда четыре года назад шел от дверей Национального театра к общежитию, как отводил глаза, разговаривая с З. Демирколом, как издали показывал дом, в котором прятались Ладживерт и Ханде, сказав «вот там», и сел в одну машину с нападавшими, чтобы показать дом, адрес которого не знал. С болью? Я попытался подумать об этом, рассердившись на себя, что я, «секретарь-писатель», получаю тайное, очень тайное удовольствие от падения моего друга-поэта.

Внизу, на приеме у Тургут-бея, меня еще больше ошеломила красота Ипек. Я хочу кратко описать этот длинный вечер, когда мне очень хорошо отнеслись, хотя я был даже слишком пьян: Реджаи-бей, культурный начальник телефонного управления, любитель читать книги и воспоминания, журналист Сердар-бей, Тургут-бей. Каждый раз, когда я смотрел на Ипек, сидевшую напротив меня, внутри у меня что-то обрывалось. Я, стыдясь своих нервных движений руками, посмотрел в новостях репортаж, в котором я участвовал. На маленький диктофон, который я всегда в Карсе носил с собой, как сонный журналист, не веривший в свое дело, я записал разговоры, которые вел с хозяевами дома и их гостями на такие темы, как история Карса, журналистика в Карсе, воспоминания о ночи переворота, происшедшего четыре года назад. Когда я ел чечевичный суп, приготовленный Захиде, я почувствовал себя героем старого провинциального романа 1940-х годов! Я сделал вывод, что тюрьма сделала Кадифе взрослой и успокоила ее. Никто не говорил о Ка и даже о его смерти; а это разбивало мне сердце еще больше. Кадифе и Ипек в какое-то время пошли посмотреть на спящего в дальней комнате маленького Омерджана. Я было хотел пойти следом за ними, но ваш писатель, о котором говорили, что «он, как все люди искусства, очень много пил», был пьян настолько, что не мог устоять на ногах.

И все-таки есть кое-что, что я очень хорошо запомнил из этого вечера. Было уже поздно, когда я сказал Ипек, что хочу увидеть комнату номер 203, где останавливался Ка. Все замолчали и повернулись к нам.

– Хорошо, – сказала Ипек. – Пожалуйста.

Она взяла на рецепции ключ. Я поднялся следом. Открытая комната. Занавески, окно, снег. Запах несвежего воздуха, мыла и легкий запах пыли. Холодно. Пока Ипек пристально смотрела на меня, недоверчиво, но доброжелательно, я сел на кровать, где мой друг провел самые счастливые часы своей жизни, занимаясь с Ипек любовью. Умереть ли мне здесь сразу, признаться Ипек в любви, посмотреть в окно на улицу? Все, да, все ждут нас за столом. Мне удалось насмешить Ипек, сказав ей несколько глупостей. В тот момент, когда она мило мне улыбнулась, я сказал несколько постыдных слов, произнося которые я понял, что готовил их заранее:

– Человека в жизни ничего не делает счастливым кроме любви... ни романы которые он пишет ни города которые он видит... я очень одинок в жизни... и если я скажу, что хочу жить до конца своей жизни здесь в этом городе рядом с вами что вы мне скажете?

– Орхан-бей, – ответила Ипек. – Я очень хотела полюбить Мухтара, ничего не получилось; я очень любила Ладживерта, ничего не получилось; я верила, что смогу полюбить Ка, ничего не получилось; я хотела, чтобы у меня был ребенок, не получилось. Я не думаю, что после этого смогу любить кого-нибудь. Теперь я хочу лишь присматривать за моим племянником Омерджаном. Спасибо, но ведь и вы говорите не всерьез.

Я поблагодарил ее за то, что она впервые сказала не «ваш друг», а «Ка». Мы все-таки могли бы опять встретиться завтра в кондитерской «Новая жизнь» после полудня, чтобы поговорить только о Ка?

К сожалению, она занята. Но, как хозяйка дома, она дает слово, что придет и проводит меня на вокзал вместе со всеми завтра вечером, чтобы не огорчать меня.

Я опять поблагодарил, признался, что у меня не осталось сил, чтобы вернуться за стол (я еще боялся и заплакать), и, бросившись на кровать, сразу же заснул.

Утром, не попавшись никому на глаза, я вышел на улицу и обошел весь Карс сначала с Мухтаром, а потом с журналистом Сердар-беем и Фазылом. Из-за того, что мое появление в вечерних новостях немного успокоило жителей Карса, я с легкостью узнавал некоторые подробности, необходимые для окончания моего рассказа. Мухтар познакомил меня с владельцем первой политической исламистской газеты Карса «Копье», выходявшей в количестве 75 экземпляров, и с главным редактором газеты, аптекарем на пенсии, который немного опоздал на собрание в редакции. Я узнал от них, что исламистское движение в Карсе пришло в упадок в результате антидемократических мер, что вообще-то школа имамов-хатибов не пользуется такой же популярностью, как раньше, и некоторое время спустя вспомнил, что Неджип и Фазыл планировали убить этого пожилого аптекаря за то, что он два раза странно поцеловал Неджипа. Владелец отеля «Веселый Карс», донесший Су-

наю Займу на своих постояльцев, тоже сейчас писал статьи в той же газете, и когда разговор зашел о прошедших событиях, напомнил мне о том, что я вот-вот готов был забыть: слава богу, что человек, убивший четыре года назад директора педагогического института, был не из Карса. Личность этого администратора чайной из Токата была установлена с помощью не только пленки, записанной во время преступления, но и баллистической экспертизы, проведенной в Анкаре, так как он совершил тем же оружием и другие преступления, и настоящий владелец этого оружия был пойман; человек, сознавшийся, что его пригласил в Карс Ладживерт, на суде был признан невменяемым и, проведя три года в психиатрической больнице Бакыркей, вышел из нее, и в Стамбуле, где поселился позднее, открыл кофейню «Веселый Токат», и стал писать мелкие статьи в газете «Обет», защищающей права девушек, закрывающих голову. Сопrotивление девушек в платках, подорванное тем, что Кадифе четыре года назад открыла голову, вроде опять начало подниматься, но это движение уже было не таким сильным в Карсе, как в Стамбуле, потому что тех, кто занимался борьбой, выгнали из учебных заведений, или же потому, что они уехали в университеты в других городах. Семья Ханде встречаться со мной отказалась. Пожарный с зычным голосом стал звездой еженедельной программы «Наши приграничные народные песни» после того, как народные песни, которые он пел после переворота, очень полюбились всем. Его близкий друг, один из постоянных посетителей Глубокочтимого Шейха Саадеттина, привратник карсской больницы, любитель музыки, записывался по вечерам каждый вторник на пленку, и по вечерам по пятницам звучал его аккомпанемент на сазе в выходящей передаче. Журналист Сердар-бей познакомил меня и с мальчиком, выходявшим на сцену в ночь переворота. «Очкарик», которому его отец с того дня запретил выходить на сцену даже в школьных спектаклях, теперь был взрослым человеком и все еще распространял газеты. Благодаря ему я смог узнать, что делают социалисты Карса, читающие газеты, выходявшие в Стамбуле: они все еще всем сердцем уважали смертельную борьбу курдских националистов и исламистов с властями и не делали ничего значительного, кроме того, что писали непонятные воззвания, которые никто не читал, и хвалились своими геройскими и самоотверженными поступками в прошлом. Все, кто говорил со мной, пребывали в ожидании самоотверженного героя, который спасет всех от безработицы, бедности, безысходности и преступлений, и, поскольку я был довольно известным писателем, весь город расценивал меня с точки зрения мечты об этом великом человеке, который, как все мечтали, однажды придет, и заставляли меня чувствовать, что им не нравятся многие мои недостатки, с которыми я совсем сжился в Стамбуле, моя задумчивость и рассеянность, то, что разум мой занят моим делом и моим рассказом, то, что я нетерпелив. К тому же я должен был

пойти в дом портного Маруфа, историю жизни которого я выслушал, сидя в чайной «Единство», должен был познакомиться с его племянниками и выпить алкогольные напитки, должен был остаться в городе еще на два дня из-за доклада, который устраивали молодые сторонники Ататюрка в среду вечером, я должен был дымить всеми сигаретами, которые мне по-дружески предлагали, должен был выпить весь чай (и большую часть я и выкурил, и выпил). Армейский друг отца Фазыла из Варто рассказал мне, что за четыре года очень много курдских националистов или убили, или посадили в тюрьму: никто теперь и к партизанам не присоединялся, и ни одного из молодых курдов, пришедших на собрание в отель «Азия», уже не было в городе. Симпатичный племянник Захиде, заядлый картежник, втолкнул меня в толпу на петушинных боях, которые проводились под вечер по воскресеньям, и я в какой-то момент с удовольствием выпил две рюмки раки, которая предлагалась в чайных стаканчиках.

Надвигался поздний вечер, я, чтобы выйти из отеля никем не замеченным, вернулся в свою комнату задолго до времени отправления поезда, медленно шагая под снегом, словно совершенно одинокий и несчастный путешественник, собрал чемодан. Выходя через кухонную дверь, я познакомился с агентом Саффетом, которому Захиде все еще наливала каждый вечер суп. Он вышел на пенсию, знал меня потому, что вчера вечером меня показали по телевизору, и собирался мне что-то рассказать. Когда мы сидели вместе в кофейне «Единство», где все читали газеты, он рассказал мне, что, несмотря на пенсию, все еще сдельно работает на власти. В Карсе агент никогда не мог быть пенсионером; он откровенно сказал, улыбнувшись, что если я сообщу ему о том, что я приехал сюда раскопать (старые «армянские» события, о курдских повстанцах, о группах сторонников религиозных порядков, о политических партиях?), что очень интересует службы Разведывательного управления города, то он сможет заработать несколько курушей.

Смущаясь, я рассказал о Ка, напомнил ему, что четыре года назад он какое-то время следил за каждым шагом моего друга, и спросил о нем.

– Он был очень хорошим человеком, любившим людей, собак, – сказал он. – Но он все время думал о Германии, был очень замкнутым. Сегодня здесь его никто не любит.

Мы долгое время молчали. Я, смущаясь, спросил его о Ладживерте, думая, что у него есть какие-либо сведения, и узнал, что точно так же, как я приехал ради Ка, год назад в Карс приезжали какие-то люди из Стамбула, чтобы узнать о Ладживерте! Саффет рассказал, что эти молодые исламисты, враги властей, очень старались, чтобы найти могилу Ладживерта: очень вероятно, что они вернулись ни с чем, потому что покойник был выброшен в море с самолета, чтобы могила не стала

объектом поклонения. Фазыл, севший за наш стол, рассказал, что слышал от своего старого приятеля из лица имамов-хатибов те же разговоры, что и молодые исламисты, которые помнили, что когда Ладживерт «эмигрировал», сбежали в Германию и основали в Берлине постоянно увеличивающуюся радикальную исламистскую группировку, и в первом выпуске журнала «Хиджра», который они выпускали в Германии, написали, что отомстят тем, кто отвечает за смерть Ладживерта. Мы предположили, что Ка убили именно они. Представив на мгновение, что единственная рукопись книги стихов моего друга под названием «Снег» находится в руках одного из берлинских сторонников Ладживерта и Хиджры, я посмотрел наружу, на падающий снег.

Другой полицейский, подсевший в этот момент за наш столик, сказал мне, что все сплетни, появившиеся о Ка, являются ложью.

– У меня глаза не из металла! – сказал этот полицейский.

А что такое «глаза из металла», он не знал. Он любил покойную Теслиме-ханым, и, если бы она не покончила с собой, он, конечно же, на ней женился бы. В тот момент я вспомнил, что Саффет четыре года назад в библиотеке прибрал к рукам студенческий билет Фазыла. Они, возможно, давно забыли этот случай, о котором написал в своих тетрадях Ка.

Выйдя со мной и Фазылом на заснеженную улицу, двое полицейских пошли вместе с нами, что, как я понял, было проявлением или дружбы, или профессионального любопытства, и сетовали на жизнь, на скуку, на свои любовные страдания и старость. У обоих не было даже шапок, и снежинки лежали на их белых редких волосах, совершенно не тая. В ответ на мой вопрос о том, стал ли город за четыре года еще беднее и опустел ли еще больше, Фазыл сказал, что в последние годы все стали еще больше смотреть телевизор, а безработные, вместо того чтобы идти в чайные, сидят по домам и бесплатно смотрят фильмы всего мира через антенны-тарелки. Все накопили денег и повесили на окна по одной из белых антенн-тарелок величинной с кастрюлю, и за четыре года это было единственной новинкой в городе.

Купив по одной сладкой лепешке с грецкими орехами в кондитерской «Новая жизнь», которые стоили директору педагогического института жизни, мы съели их вечером вместо ужина. Полицейские, догадавшись, что мы идем на вокзал, расстались с нами, и после этого мы прошли мимо закрытых ставней, пустых чайных, покинутых армянских особняков и заледеневших освещенных витрин, под каштанами и тополями, ветки которых были покрыты снегом, прошли по печальным улицам, освещенным редкими неоновыми лампами, слушая звуки наших шагов. Мы свернули в переулки, поскольку полицейских за нами не было. Снег, который в какой-то момент вроде

бы прекращался, вновь усилился. Я ощущал чувство вины, словно шел в пустом городе один, оставив Фазыла, потому что на улицах совершенно никого не было, и мне доставляло боль сознание того, что я уезжаю из Карса. Вдалеке, из тонкой занавесы, сотканной двумя дикими маслинами, сухие ветки которых перемешались с сосульками, свешивающимися с ветвей, выпорхнул воробей и, пролетев между медленно падавших огромных снежинок, пролетел над нами и исчез. Пустые улицы, покрытые совершенно новым и очень мягким снегом, были такими беззвучными, что мы не слышали ничего, кроме звуков наших шагов и нашего дыхания, усиливавшегося по мере того, как мы уставали. Это безмолвие на улице, по обеим сторонам которой были расположены дома и магазины, создавало впечатление, будто находишься во сне.

На мгновение я остановился посреди улицы и проследил за снежинкой, которую заметил где-то наверху, до тех пор пока она не упала на землю. В то же время Фазыл указал на блеклую афишу, которая вот уже четыре года висела на одном и том же месте, потому что была повешена у входа в чайную «Браво», на возвышении:

ЧЕЛОВЕК – ШЕДЕВР АЛЛАХА,
И САМОУБИЙСТВО – КОЩУНСТВО.

– К афише никто не прикаснулся, потому что в эту чайную ходят полицейские! – сказал Фазыл.

– Ты чувствуешь себя шедевром? – спросил я.

– Нет. Вот Неджип был шедевром Аллаха. После того как Аллах забрал его душу, я отдалился и от своей внутренней боязни атеизма, и от своего желания еще больше любить моего Аллаха. Пусть Он меня теперь простит.

Мы дошли до станции, совсем не разговаривая, между снежинками, которые были словно подвешены в воздухе. Здание, построенное на заре Республики, о чем я рассказываю в «Черной книге», красивое каменное здание вокзала было разрушено, а на его месте было построено что-то уродливое из бетона. Мы заметили Мухтара и черного как уголь пса, ожидавших нас. За десять минут до отправления поезда пришел и Сердар-бей и, отдав старые выпуски газеты, где были статьи о Ка, попросил рассказать в моей книге о Карсе и его бедах, не очерняя город и его людей. Мухтар, увидевший, что тот достал подарок, сунул мне в руки полиэтиленовый пакет с флаконом одеколona, маленьким кругом карсского овечьего сыра и подписанным экземпляром своей первой книги стихов, которую он отпечатал в Эрзуруме на собственные деньги, так словно бы совершал преступление. Я купил себе билет, а черному как уголь песику, о котором мой любимый друг написал в своем стихотворении, – бутерброд. Пока я кормил пса, дружелюбно помахивавшего своим завитым в колечко хвостом, прибежали Тургут-бей и Кадифе. О

том, что я уезжаю, они в последний момент узнали от Захиде. Мы коротко поговорили о билетах, о дороге, о снеге. Тургут-бей, стесняясь, протянул мне новое издание одного романа Тургенева («Первая любовь»), который он в тюрьме переводил с французского. Я погладил Омерджана, сидевшего на руках у Кадифе. На концы волос его матери, покрытые элегантным стамбульским шарфом, падали снежинки. Повернувшись к Фазылу, поскольку я боялся слишком долго смотреть в красивые глаза его жены, я спросил, что если однажды напишу роман о Карсе, что бы он хотел сказать читателю.

– Ничего, – решительно ответил он.

Увидев, что я расстроился, он смягчился и сказал:

– У меня в голове есть кое-что, но вам не понравится... Если вы напишете обо мне в романе о Карсе, то я бы хотел сказать, чтобы читатель не верил ничему, что вы напишете обо мне, о нас. Никто посторонний не сможет нас понять.

– Вообще-то никто такому роману и не поверит.

– Нет, поверят, – сказал он с волнением. – Они, конечно, захотят поверить в то, что могут любить нас и понимать нас в таком положении, поверить в то, что мы смешные и симпатичные, для того чтобы считать себя умными, превосходящими нас и человечными. Но если вы напишете эти мои слова, у них останется сомнение.

Я дал ему слово включить его слова в роман. Кадифе, увидев в какой-то момент, что я смотрю на дверь вокзала, подошла ближе.

– Говорят, у вас есть маленькая красивая дочь по имени Рюйя, – сказала она. – Моя сестра не смогла прийти, но попросила, чтобы я передала привет вашей дочери. А я принесла вам вот это напоминание о моей театральной карьере, оставшейся незаконченной. – Она дала мне маленькую фотографию, на которой была она и Сунай Заим на сцене Национального театра.

Машинист дал гудок. Кажется, кроме меня, на поезд никто не сел. Я обнялся с каждым в отдельности. Фазыл в последний момент впихнул мне в руки сумку, в которой вместе с копиями видеокассет была ручка Неджипа.

Мои руки были заполнены сумками с подарками, я с трудом поднялся в тронувшийся вагон. Все стояли на перроне и махали мне руками, а я свесился из окна и помахал им. В последний момент я увидел, что черный как уголь пес, высунув огромный розовый язык, радостно бежит по перрону почти рядом со мной. А потом все исчезло в падавших огромных снежинках, которые постепенно темнели.

Я сел и, посмотрев на желтоватый свет последних домов в окраинных кварталах, показавшихся среди снежинок, на ветхие комнаты, где смотрели телевизор, на тонкие, дрожащие, изящные струйки дыма, поднимавшиеся из низких труб на покрытых снегом крышах, заплакал.

*Наталья ШИНКАРЕВА,
руководитель «Общества книголюбов КБР»,
заслуженный работник культуры КБР*

МНОГОГРАННЫЙ ДАР САКИНАТ МУСУКАЕВОЙ

Сакинат Азноровна Мусукаева – настоящий певец национальной культуры. Она гордится тем, что может называть себя истинной горячей, достойной представительницей балкарского народа.

С. Мусукаева многогранна в своем писательском творчестве, она довольно давно и громко заявила о себе как поэт, прозаик, переводчик и публицист. Благодаря огромной работе, проделанной автором в области литературного перевода, герои мировой и российской классики заговорили на балкарском языке. Она автор научно-исследовательских трудов в области национальной словесности. А как редактор и наставник Сакинат Азноровна открыла многих талантливых, литературно одаренных детей, направив их на писательскую стезю. Её творчество знают и любят не только в республике, но и далеко за её пределами.

Ни одно произведение Мусукаевой не остается без внимания читателей и литературоведов, каждое из них привносит в жизнь нечто необычное, автор пишет интересно, её литературный язык богат и разнообразен. Сюжеты произведений не избиты, а повествование увлекает и затягивает читателя, отвечая на его внутренние вопросы и потребности в познании жизни и мира чувств, затрагивают его воображение и обогащают внутреннюю вселенную. У писателя фундаментальные знания и понятия об историческом развитии балкарской литературы и народов Северного Кавказа, что выгодно выделяет как самобытность автора, так и соблюдение основных канонов национальной литературы.

Её глубоко философские размышления о жизни и смерти, о бренности всего живого, о древних устоях народа, несмотря на все горести пережитого, бережно передаваемых поколениями, делают малую прозу автора довольно ёмкой. Характерная черта произведений – это интертекстуальность, то есть обилие культурных отсылок, аллюзий, фольклора и священного писания с его архетипической основой. Примером может служить притча «Женщина и жизнь», где через призму мироздания удалось показать высокую миссию женщины на Земле, всю важность её предназначения и ответственность за будущее человечества. А также рассказ «Разговор с рекой»:

«– А радости были?

– Радости? – серебряное лицо реки становится еще ярче. – Они здесь начинались и улетали в небо, к солнцу. Мне не обидно за это. Как можно обидеться на тех, кто рожден тобой? Радости, они же как дети,

их нельзя держать рядом, надо отпускать их в большой мир, с пожеланием счастья. А оно, это счастье там, на небесах.

Река знает, если даже радость, счастье, добро рождаются на земле, живут там, высоко».

Красиво и достоверно живописует писательница своеобразные народные традиции и обычаи. Каждое прочитанное произведение Мусукаевой не отпускает, заставляет размышлять, проживать всё описанное вместе с её героями. Например, перебирать каждое слово Балкыз, сумевшей сохранить семью и собственное достоинство в страшные годы изгнания. Восхищаться её мудростью, впитавшей в себя всё наследие балкарской женщины; переживать все лишения, которые выпали на долю воина и пленника Хусея в рассказе «Балкыз».

«Жамбот и Бислимаг родились тогда, когда счастье уже закончилось у того, кто его раздавал. И все же... Приходя на эту землю, не уйдешь бесследно. Все равно большой или маленький, но след от человека остается», – пишет автор в рассказе «Жамбот», вкладывая в эти слова и ответственность, и надежду, и предопределение для каждого, кто пришел в этот мир, чтобы пройти свой личный путь, тот малый, но ответственный отрезок между жизнью и смертью.

Каждый рассказ или повесть обладают определенными особенностями, но их жанр можно определить как бытовое произведение с частыми философскими отступлениями. Темой писательницы является поведение людей в необычных или новых условиях, в экстремальной ситуации. Герои Мусукаевой – простые люди, жизнь которых, по независящим от них причинам, существенно меняется. Мало кто из них был счастливым человеком и стал таковым, но все они находят наиболее удобный для себя способ существования в этом мире и соответственно чести и достоинству, впитанными с молоком матери, строят свои жизни.

Сакинат Мусукаева подчёркнуто индивидуальна и, как представитель «женской прозы», игнорирует такой прием массовой литературы, как нивелирование авторской точки зрения, – везде чувствуется неповторимость и личность автора.

Много лет назад Джейн Остин, Жорж Санд, Агата Кристи, поэтессы Серебряного века и другие удивительные женщины перевернули закоряченные устои и прежде нерушимое правило о том, что миром правят мужчины. Смогли своим талантом и умом доказать, что могут быть не хуже мужчин в деле писательства, в котором женщинам долгое время не было места.

Сегодня роль женщины в литературе, в том числе российской национальной, – огромна, и я желаю одному из ярчайших авторов, представителей женской писательской элиты Кабардино-Балкарии покорения новых творческих высот, сравнимых с нашим Минги-Тай!

Мусукаева Сакинат Азноровна родилась в 1957 году в Киргизии. Окончила филологический факультет КБГУ. Трудовую деятельность начала в издательстве «Эльбрус» в 1980 году и в течение восемнадцати лет была младшим редактором, техническим редактором, ведущим редактором учебного отдела. В 1998 году на съезде писателей КБР была избрана на должность главного редактора журнала «Нюр», и следующие восемнадцать лет, с 1998 по 2016-й, руководила этим журналом.

С апреля 2006 года по настоящее время заведует отделом культуры газеты «Заман».

Сакинат Мусукаева – автор более чем тридцати книг (стихи, проза, драматургия), награждена почетными грамотами СЖ РФ (2007, 2017), Парламента Карачаево-Черкесской Республики (2012), Министерства культуры КБР (2017), медалью Расула Гамзатова. Ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБР». Член СП РФ, СЖ РФ.

ЖЕНЩИНА И ЖИЗНЬ

Жизнь была создана во времена богов, долгое время шла, гонимая крыльями ветра, вплоть до эпохи нартов. Позже, после слияния богов и нартов, началась эра человека. Восхваляемый, грешный мир. Боги и нарты остались только в легендах, сказках, песнях. Лишь человек остался на земле...

Жил человек. Долго жил. Пока весь мир не заполнился его грехами и проклятиями. Помнишь, как вода смыла всю землю? В то время спустился один из богов на берег океана. Зашёл в его солёные воды. Почувствовав облегчение на своих плечах, будто избавился от тяжкого груза, вышел оттуда налегке. Вспомнил и попросил у главного среди них Бога:

– Пусть всю сушу заполнит вода и смоет с сердец и лиц грехи!

Услышал он его. Грехов было много. Чтобы очистить землю, нужно было много воды. Земля наполнилась водой. Лишь по две твари живых – человека, животного, птицы – поместились в ковчег Ноя. Как он выбрал?!

Земля, покрытая тяжкими грехами, не смогла выбраться из воды,

тонули большие города, сёла, мечети, люди – старики, молодые, младенцы. Увидев такое всемирное бедствие, человек, вошедший впервые в воду, пожалел о своей мольбе. Не понимал, благодарить Бога или упрекать его за исполнение своей просьбы. Смотря на происходящее, его глаза наполнились слезами. Как же теперь забрать свою мольбу обратно у Всемогущего Бога? Испугался, пожалел. Снова обратился с мольбой:

– Всемогущий из Всемогущих, отныне люди продолжают жить по твоим законам! Не наказывай их таким несчастьем!

Всемогущий Бог, пытаясь унять его боль, провёл по небу радугу, подводя черту и показывая, что началась новая жизнь.

Продолжая свою жизнь, человек быстро забыл щедрость Бога. Забыл и про конец света, вызванный потопом. Снова началась борьба за блага земные. Ради богатства, похвалы, красивой жизни, первенства среди других, ради больших и малых побед люди стали убивать друг друга. И Он придумал новое наказание.

– Уходи, – сказал мужчина идущей вслед за ним женщине, остановившись возле гробницы. – Будь вверенной богам.

– Разве станут меня жалеть боги, которые не пожалели тебя? Если и пожалеют, то только вместе с тобой!

– Уходи, ради ребенка под сердцем твоим, – охотник был тверд. – Отныне воздух, которым мы дышим, совершенно разный для нас с тобой. Тебе и ребёнку он не подойдёт. Видишь, смерть играет с мечом.

– Поместившая тебя гробница поместит и меня. Мы должны быть вместе.

– Если наш ребёнок не увидит мир, какое воспоминание о своей любви и счастье мы оставим?

– А наша песня? Та, что ты посвятил мне? Она вовеки не забудется!

– И она забудется, если завтра её некому будет спеть. Поспеши!

Она поняла, что, если будет смотреть вслед своему мужчине, она не уйдет и примет неправильное решение, ошибется и побежит за ним, послушавшись последнего наказа. Она осознала, что мужчина прав, и отправилась навстречу новому дню.

До потери сознания, чтобы не слышали рядом ни живые, ни мёртвые, мужчина вторил шёпотом:

– Всемогущий, убегающая от смерти женщина – близкий мне человек. Внутри неё есть жизнь. Защити её! Может, по твоей милости, рождённый ею мальчик будет началом новой жизни!

Взбираясь на одну гору, спускаясь с другой горы, обходя холодные скалы, сколько дорог проложила женщина! Она долго шла. Устала. Решила отдохнуть.

Она сидела на берегу небольшой реки. Будто понимая её мысли, пенящаяся вода утихла. На белом камне сидела женщина – сама пе-

чаль. Вглядевшись в воду, она увидела свое отражение. Увидела, но не узнала себя. Раньше, приходя с друзьями к роднику за водой, она часто смотрелась в её темное зеркало. Поэтому она хорошо себя знала. Но сидящая здесь женщина ничуть не походила на ту девушку-певунью. Это был другой человек. Единственное, что она заметила, – на её ушах блестели сережки, подаренные любимым. Увидев их, она обрадовалась. Потянувшись, она сняла их с ушей и спрятала в ладони. Странно, серьги не утратили тепло отца её ещё не родившегося сына. Не было на свете дорожке и ценнее этих сережек у неё ничего.

– Всемогущий! Возьми мои золотые серьги. У меня больше ничего нет для тебя. Возьми их и пожалей ребёнка, находящегося под моим сердцем! – взывала с мольбой она. – Он будет похож на своего отца, – добавила шёпотом про себя, смущаясь, что это услышит Аллах.

А он слышал всё. Бросив сережки в воду, долго сидела женщина на камне. Поторопилась бы, но... Куда? Кто её ждёт? Пусть придет в себя, поймет, что спаслась от смерти. Эта мысль снова заполнила её мысли, женщина обернулась и посмотрела в сторону места, где оставила своего отца, мать, возлюбленного. Кто знает, какие мысли посещали её, но шевеление ребенка внутри заставило её оторвать взгляд и идти вперед.

Сколько гор и морей она обошла, кто знает, наконец, остановилась у края горы на равнине.

Женщина была из рода охотников, не растерялась. Да и некогда было. Заплела плетень, смазала глиной и соорудила себе укрытие. Осталась в новом доме, куда не падал ещё луч солнца, дабы выветрить запах глины. Во сне к ней пришел мужчина. Она обрадовалась, что он вернулся с охоты. Неосознанно вспомнив всё, что с ними случилось в последнее время, она подумала: «Как же он меня здесь нашёл?» – и выбежала ему навстречу.

– Пусть твой новый дом будет во благо! – сказал он с порога. – И горы рядом, и равнина широка. Хорошее здесь место.

Женщина обрадовалась:

– Если нравится, оставайся со мной здесь!

Лицо охотника изменилось. Стало печальным.

– Разве мужчине пристойно жить в доме, который построил не он сам? – вопросом ответил он. Немного погодя добавил: – Не бойся! Я здесь... на небе...

Хотел пожалеть?

– Ты ангел или Бог, чтобы жить на небе? – хотела спросить женщина, но не успела, проснулась.

Чтобы увидеть свой сон ещё раз, она бы проспала весь день, месяц, весь год. Но он не повторился. Тогда она встала и направилась к речке. Умылась, помолилась, попросила у Всемогущего: земле – мира,

благополучия, ушедшему в иной мир охотнику, родственникам, своему народу – рай. В конце обратилась с самой главной мольбой:

– Боже, даруй жизнь ребёнку, сердце которого бьется во мне.

Зайдя в воду, подолом своего платья она поймала рыбу. Догадывалась ли она, что рыба была послана ей охотником с неба?

Она ждала, что в один из дней покой гор и равнин будет разбужен криком ребёнка, похожего на её возлюбленного. Ради этой любви и жила женщина. Из-за этого не смогла она зайти в гробницу вместе с охотником.

Одинокая искра одинокого костра мерцала в ночи.

Перевод с балкарского Л. Аппаевой

ЛЮБОВЬ СУЛТАНА

Ехал по песчаной дороге султан. На белом коне, гордый, ловкий, сильный, питающий надежду. Поклонялся он только лишь богам, обращаясь к ним с мольбой. Хоть он и султан, его научили поклоняться им. Он не слышал имя Аллаха, не знал о Его существовании, единстве, силе и могуществе.

Направляясь на охоту, увидев тебя, он забыл про всё остальное. Забыл о богах, о наложницах, лошадях, врагах, победах. Лишь ты осталась у него в памяти, в сердце, мыслях, на языке – в жизни.

Ты была дочерью Апсаты – Байдымат. Он не знал об этом. В поисках тебя он много ходил по горам, утром, днём, вечером, день и ночь, в прошлом году, в этом... в уходящем, в будущем временах...

Его жёны, рабыни, привезённые с побежденных им земель женщины, родили ему детей. Много мальчиков и много девочек. Храбрых мальчиков и красивых девочек. Но он не умел их любить. Не сумели они разбудить в его сердце вкус отцовства. Увидев тебя, он потерял покой, хотел, чтобы только ты была теперь матерью его будущих детей. Не мог найти себе места, любовь, не вытекающая наружу, стала тяжестью для его мыслей, сердца и тела.

Ехал султан верхом на своем резвом коне, по горячим песчаным пустыням, по холодным белым снегам, по льду, соединяя пыль адских и звёздных дорог. Пыль одной дороги – золото, будто состоящее из огня и солнца, горит. Обманет, заставит споткнуться. Другая – отликает серебром, будто из новолуния. Смягчит, обольстит.

Шёл он, убегая от пыли, в сторону звёзд, надеясь найти тебя там. Эта сила не покинет его даже спустя сто и тысячу лет, не оставит султана, который вышел в путь в поисках любимой.

– Как облегчить путь моему венценосцу?! – говорило Солнце, страдая от бессилия.

– Как помочь мне моему султану?! – плакала Луна, освещая его ночной путь.

В это время Байдымат, чей дом находился в ледяных отрогах снежных гор Минги-Тау, облачённая в кожаное одеяние, вешала на цепь полный снега казан и думала про султана-охотника. Она боялась его – он мог убить её своей стрелой, ведь она выходила из дома в образе лани. Но её тянуло к нему.

Солнце и Луна молились. Они хотели, чтобы Аллах услышал их мольбу и поместил в сердце Байдымат маленькую искорку огня, пылающего в груди хана. И еще они знали Аpsаты – Бога охоты и туров. И потому не верили, что он согласится отдать любимую дочь за охотника?

С тех пор минуло тысячу лет. Боги, не сумев излечить мирские раны, недовольные собой, ушли на небо вместе с нартами. На их месте появился Аллах. Теперь Он наш правитель.

А султан не знает об Аллахе ничего, не знает, кто днём и ночью переживает за него, посылая своих ангелов ему на помощь. Всевышний Аллах, Единственный Аллах, Милостивый Аллах, Милосердный Аллах, Предопределяющий Аллах, любящий нас Аллах, помогающий найти решение Аллах. Не ведал о Нем ничего. Но, иногда, он всё же слышал шелест крыльев и чей-то голос...

– Могущественный султан, это ты ищешь дочь Аpsаты Байдымат?

– Да, Господь, ищу!

– Великий султан, чтобы твоя дорога была светла, равнина и холмы были видны, я повесил на небе Луну.

– Спасибо, Господь, помог!

– Могущественный султан, и она, и ты, чтобы не были одинокими, вокруг Луны я повесил звёзды.

– Господь! Я думал, это искры от копыт моего коня!

– Великий султан, чтобы ты смог найти дочь Аpsаты Байдымат, я вытащил со стороны стеклянных скал солнце. Чтобы оно помогло оттаять ледяным дорогам, ведущим к твоей любимой.

– Господь, что, если растают?

– Могущественный хан, увидев один раз, тысячу раз потеряв свой покой, вернувшись с охоты пустым, ты заплакал как ребенок, тогда я вселил в твое сердце веру.

– Господь, я снова вышел в путь!

– Великий султан, устав от княгинь, лошадей, рабов, охоты, в поисках возлюбленной ты ушёл в небо, блуждая по звёздным дорогам, я даровал тебе здоровье, силу и надежду.

– Господь, я не устаю! Летаю на своём коне с крыльями, будто сегодня вышел в дорогу!

– Могущественный султан, на берегу моря ты расставил шатёр, пока ты спал, вдыхая аромат утренних цветов, я послал орлов охранять твои сны.

– Да, Господь, задремал!

– Это я привёл в твой сон Байдымат – дочь Апсаты, узнав, что она и есть твоя возлюбленная.

– Видел Господь! Слезами были наполнены её дикие глаза. Они качались в её глазах, я боялся, что, расплескавшись по зеленой траве, померкнут её чёрные очи. Не могу забыть её грусть. Взглянуть бы хоть раз в её глаза наяву!

Просил султан помощи у богов, ушедших с греховных земель! Молод был. Глухой, слепой! Не видя сердцем, разве можно рассмотреть глазами! Не знал, что боги ушли.

Посланные Аллахом орлы и ангелы кружили над его головой, охраняя сон. Аллах ждал, пока он откроет глаза, сумеет понять и обратиться к Нему. Любящий мольбу Аллах помог бы, стоит ему произнести: «Аллах, помоги!». Не знал, а то сказал бы.

Байдымат, дочь Апсаты, боялась летящей стрелы султана-охотника. От этого были наполнены её глаза слезами. Лучником же был сам хан...

Испокон веков, прокладывая дорогу, султан поклоняется богам. Сколько бы тысячелетий ни прошло, не слышал он имя Аллаха, не знает Его Силу, Единство. А Он дарует ему теплоту Солнца, возрождающую жизнь, свет Луны и звёзд, неиссякаемую силу, веру, прокладывает Млечный Путь, чтобы он смог найти дорогу к любимой.

Грустны глаза у Байдымат – дочери Апсаты, она всё ещё боится султана-охотника. А за этим страхом вот уже веками живет её не пронувшая любовь к нему.

Перевод с балкарского Л. Анпаевой

САНСАБИЛ

Несправедливо как-то – длинные тревожные дни проходят, но не уносят с собой тревоги людей. Потому и ночи беспокойные. Именно ночью они начинают толпиться вокруг тебя. К ним еще присоединяются те думы, на которые не нашлось времени днем. Кто-то посмотрит со стороны и скажет: «Ну, уж если даже тебе не хватает времени...». Да, так и скажет. Многие уверены, если человек одинок, то не о чем и думать.

Сансабил так живет уже давно. С тех пор как не стали приходиться

вести от его единственного сына. Это было ещё перед войной. Он уже был большим мальчиком, да, так и называет она своего сына – жашчык, учился уже в десятом классе. Лучшим математиком его называли. Учителя у него хорошие были. Русские. Соревновались в меткости ребята. Из Осоавиахима приезжал военрук. Мишенью ребята сделали книгу. Азрет попал в десятку. Но это не обрадовало пошедшего позже военрука – портрет Сталина был пробит пулей насквозь. Вот за это и забрали его. В тот день жизнь поделилась надвое у бедной Сансабил.

Муж её вернулся живым с фронта. Недолго был его век. Умер от ран.

С тех пор пыль времени укрыла много чего. Но что может заставить Сансабил забыть о своём сыне?

В последнее время она часто вспоминает их. Много чего раздает. Каждый раз выращивает несколько баранов на случай возвращения сына, а потом ими же поминает его. Поминает мужа. Она по этой причине и живет. А так, зачем?

Дом Сансабил, утопающий в деревьях, находится на горке. Оттуда хорошо видно дорогу. Это хорошо – никто не видит, что она следит за дорогой. А она первой узнаёт, кто вниз по мосту проходит, кто наверх. Новых людей тоже замечает первая. Вот она накормила скотину и села возле окна. Прядёт, вяжет, а глаза – на дороге. Поздно ночью, перед тем как лечь в постель, иногда она выговаривает обиду своему сыну:

– Сколько бы я ни смотрела, не приходишь, не спрашиваешь меня. Наверное, не будет тебе дороги сюда.

Через стенку растёт ореховое дерево. Оно высокое, ветви его уже давно стелются по крыше. Дерево скрипит каждую ночь, стучит то по крыше, то по стене. Оно тоже старое. Может, хочет войти в дом? Мысли женщины прерывает звук открываемой двери. Она не видит его, но сердцем чувствует, что человек проходит и садится на деревянную табуретку возле печи. Стул скрипит под ним. Он тоже старый, как и все остальное в доме. Хозяин сам его сделал когда-то, в той еще жизни, до войны. Стар стул, но разве настолько плох, чтобы не выдержать тень человека?

– Ты пришёл? – спрашивает по привычке (или здороваешься?) женщина.

Тот не отвечает. Сансабил не может терпеть тишину, висящую в воздухе, и нарушает её:

– Отец моего сына, знаю, что ты здесь. Даже по поступи узнала тебя.

Он был тихим человеком, целый год пас овец. Иногда, когда наступала его очередь, весной пахал огород. Пар поднимался от него высоко. Летом косил, осенью привозил скошенное сено домой. Сено было из трав и цветов, потому приятный аромат разносился по двору, по дому. Женщина помнила это. Ей так хотелось туда. Она шла, но... каждый

раз обрывалась дорога, и она возвращалась обратно.

Теперь уже неважно, было так или нет. В той жизни остались все её радости и огорчения. Она ждала сына и мужа в Средней Азии, беспокоилась, что они её не найдут. Она хорошо помнила день, когда нашел её муж, весь покрытый пылью дорог. Встал перед глазами тот день, и она произнесла:

– Как только я тебя увидела там, в Азии, сразу поняла, что жить тебе недолго.

Ночной гость промолчал. Так и было, в тот же год между осенью и зимой не стало его. Что он может сказать? Молчал, как будто хотел вину за эту несправедливость тоже взять на себя.

Он – отец её сына – всегда был немногословным. «Всю жизнь провёл в горах, – подумала она про себя. – Потом ушел на войну. А когда вернулся, разве до разговоров было? Еле-еле волоча ноги, добирались до постели. Так работали на свекловичных полях... Наверное, не успел сказать, что хотел, и не может успокоиться. Но и оттуда не приносит вести, молчит...».

Долго они сидели так, Сансабил – на железной кровати, опустив ноги вниз, а отец ее единственного сына – на табуретке перед печью. Сидели, пока не прошла добрая половина ночи. И после тоже. Они не говорили о сыне. Как будто забыли о нём, как будто его и не было никогда у них. Как будто они его не проводили туда, откуда мало кто возвращается. Как будто отец не поспешил, не попросился на фронт, думая, что они там встретятся... Может, боялись сделать друг другу больно, не говорили о нем. Не забыли, конечно. Как можно, если кроме него никаких дум у них не осталось? Только им наполняли эти двое свои мысли.

«Ты, наверное, встретил его там, – думала женщина про себя, – просто не признаешься в этом. Конечно, встретились, разве там есть границы, как здесь? Удивительно, почему же ты не приведешь его ни разу с собой сюда?.. Может, и приводил, откуда мне знать? Но, если бы жашчык был здесь, я бы это почувствовала...»

Ночь стала уходить, белая рань сначала появилась где-то далеко, потом приблизилась к окнам Сансабил. Тогда она сказала:

– Тебе, наверное, уже пора.

Она знала всё наперед. Вот уже тридцать лет так проходила её жизнь – дни и ночи.

Кружится веретено Сансабил по привычке, она смотрит из окна, затенённого деревьями, на протянувшуюся перед ней серую дорогу. «Привыкла и смотришь, – ругает она иногда себя без обиды, без укора, мягко, – а иначе кто к тебе заспешит по ней?»

Перевод автора

ПЕСНЯ ПАСТУХА

Хлеб и песня всегда вместе. Не будь хлеба, песня не будет столь певучей и желанной. Не будь песни, хлеб не покажется ароматным и вкусным. Там, за облаками, на той стороне горы пастух каждое утро вытаскивает из золы круглый румяный хлеб. Вытаскивает, поднимает наверх и дует не него, чтобы очистить от золы. Потом удивляется тому, как похожи хлеб и солнце друг на друга, улыбается своим думам и не спеша выводит свою отару на выпас. Он положил хлеб за пазуху, поближе к сердцу. И потому тепло ему и приятно. Всё вокруг нравится ему.

Пастух идет ближе к солнцу, туда, где из-за горы оно начинает светить, и запекает старинную песню, где уживаются любовь и несчастье, неудача и победа, борьба и покой. Он держит свою пастушью палку на поясе со спины. Поэтому ему легко идти. Он поет. Слова и мелодия песни так подходят друг другу, что их невозможно различить.

Песня, как хорошее предвестье, разливается и подходит совсем близко к скалам. Кажется, что она вот-вот ударится об эту скалу и разобьется. Но подлетает ветерок, поднимает песню на крылья, чтобы она не оборвалась, и летит с ней прямо к солнцу.

Услышав песню, солнце начинает светить ещё ярче, стараясь показать, доказать миру, этим горам свою любовь. Солнце радо этому утру, оно подмигивает горной речушке, заигрывая с ней, а потом бежит к рисистому полю.

Роса, омывающая глаза желтым азалиям, розовому бессмертнику, голубым василькам, полевым гвоздикам, ромашкам, каплями лежащая на голубом типчаке, под солнцем начинает сверкать. Вся природа просыпается: речка, что проложила серебряную дорогу вдаль, орлы на гребне скалы, ласточки, что прибились к кошу пастуха и построили свои гнезда на самом солнечном углу, запевают дрозды и жаворонки. Просыпаются лес и его жители. Вот медведица-мама ведет малышей своих на речку, чтобы искупать.

А там, в селе, любимая пастуха с коромыслом идет за водой. Она увидит себя и небо в зеркале родника и, полюбовавшись собой, наберет и принесет домой солнечной воды. А потом ею будет поливать высокие цветы, всеми красками украшающие её палисадник. Её бабушка нальет в кумган солнечной воды и совершит омовение, чтобы потом сделать намаз. В этой молитве она будет просить у Всемогущего мира и добра всем – семье, соседям, народу своему, своей стране и всей земле. Попросит здоровья больному, рай умершему...

А там, в горах, пастух продолжает петь. И эта удовлетворенность от песни, и этот хлеб за пазухой, так похожий на солнце, прибавляют

радости его песне. Он надеется, что там, в селе, его любимая слышит его. «Это так!» – восклицает утро, провожая отрывающиеся от скал туманы в небесную даль.

Перевод автора

ЗОЛОТОЙ ХАРДАР И ТЫ

Памяти Алима Тёнпеева

Это листья шепчутся на деревьях и травах, или малая речушка, бегущая по долине, рассказывает о своих тайнах? Или это туры, жаждающие воды, после того как облизали соленые камни, забыв про охотников, спускаются с гор? Или это тейри¹ на небесах, облетающие землю на белокрылых конях? Или это крик журавлей долетает с высоты, восхваляя ангелов?

– Тейри Неба, скажи мне, мои молитвы поднимаются до твоей высоты? Или крик моего сердца растворяется в рокоте самолетов, в первых весенних громах, в огнях ракет и молний?

Ответа нет. Ты идешь по некошеной высокой траве, которая давно закрыла дороги, проложенные людьми, когда-то жившими там. Но ты их чувствуешь, поэтому выбрал ту, которая ведет наверх, в гору. Думаю, хочешь быть ближе к Тейри Неба, чтобы услышать его ответ.

– Ты счастлив?

Не сразу отвечаешь. Останавливаешься и возвращаешься к дорогам, по которым шел, и память твоя останавливается на значимых для тебя, незабываемых вещах. Не всё человек помнит, помнит то, что для него дорого или больно. Хоть и мало ты прожил, удивляешься тому, как много видел. А потом отвечаешь:

– Кто знает, – говоришь ты. – Я был стихотворцем... в начале пути. Поэтом. А потом стал рассказчиком... После и большие вещи писал... – память помогает тебе. – Слава Аллаху за то, что он мне помогал.

Ты как-то давно встретился с Золотым Хардаром – Богом земли. С тех пор, как ты узнал его в лицо, покой покинул тебя – тебе хотелось увидеть его снова, услышать его снова. Это безумное желание привело тебя в гробницу в Карачае. Ты зашел в неё, поздоровался со всеми, кто был там. А они, все покинувшие этот мир по одной неведомой нам причине, были! Тебе было страшно, но тебя вел Золотой Хардар и ты крепился. Посередине гробницы росло дерево, чьё семя непонятно как оказалось там. Ты прислонился спиной к стволу того дерева, смотрел

¹Тейри – так называли языческих богов.

в темноту и слушал тех, кто когда-то жил на земле. Ты слышал дыхание тейри, их рассказы о далеких походах, о неведомых нам дорогах. У каждого была своя легенда, своя сказка. Беседа была мягкой, голоса тихие. Тогда ты понял, что их не надо бояться, сердце твое покинул страх. Спокойствие вернулось к тебе. Золотой Хардар был среди них и оберегал тебя.

Большой Тейри – Всемогущий Тенгри, который по утрам провожает своих невидимых тейри во вселенную, проводил тебя тоже, как ровню тейри, на рассвете на встречу с солнцем.

Как только розовой ранью с призывом: «Хыррейт!» – пастух повел свою отару в горы, ты вышел из гробницы...

Вселенная большая. Сколько бы ты ни шел, не дойдешь до края, только ноги устанут. И взгляд тоже. Глаза устанут, они исчерпают свои слезы и станут похожи на осеннее высохшее дерево. Не сможешь тогда поместить картину большого мира в них. Только у мысли, у памяти бывают ноги быстрыми, а взгляд – острым. Они несли тебя навстречу к Золотому Хардару.

Давным-давно, когда весь мир состоял из воды, звёздное небо видело свое отражение в ней. Солнце, что восходило утром, как красное пламя, горело там. В один из таких дней Всемогущий Тенгри (наверное, услышал мольбы поэтов) создал лебедей и отпустил их в небо. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь... летели они, вытянув шеи, повернув головы к солнцу.

Долго летали лебеди. Как бы им это ни нравилось, устали. Стали искать, где бы приземлиться, да так и не нашли. Они снова опустились в воду. Большой Тенгри сделал их перья настолько невесомыми, что они оставались все время наверху.

Проходило сто дней, проходила тысяча дней, и все они были похожи друг на друга. Когда нет ничего такого, что могло бы их делать непохожими, какой смысл во времени, какой смысл в жизни? Их даже считать невозможно. Один из лебедей не вытерпел, он нырнул глубоко вниз и принес оттуда немного земли в клюве. Так же сделал второй. То же самое повторил третий... Таким образом, из той глины, что принесли они, образовался островок, а потом выросла земля. С тех пор белые лебеди, если пожелают, могут летать, могут плавать часами, могут отдыхать на земле... как память человека.

«В грядущих и будущих веках, когда мольбы поэтов устанут в роге, их поднимут на крылья лебеди и понесут к Большому Тенгри», – так, видимо, подумал Золотой Хардар и решил помочь тебе.

Он знал, что вслед за веком тейри наступит век человека. Предвидел, что ты по его желанию на земле, созданной им, посадишь деревья: вишни, яблони, кизилловые и грушевые деревья, кусты барбариса и шиповника... Он знал, что ты построишь не один дом с большими окнами

ми, чтобы ты сам, твоя любимая, твои дети видели, как утром восходит солнце, освещая своими лучами росы на травах и цветах, чтобы они любовались луной и звездами, созданными Золотым Хардаром. Такой он – и в мастерстве, и в памяти сильный.

Тарпан ²Золотого Хардара летел по небу рядом со звездами.

– Хорошо ходить по дорогам, – сказал он. Хотел, чтобы ты понял. – Глаза не просто смотрят, они понимают то, что ты видишь. А ум наполняется, посылая мысли далеко и близко, к тем, кто тебе дороги, и к тем, кого ты не любишь, к сказке и правде жизни. Много о чем есть человеку подумать.

Когда он сказал это, ты захотел отправиться в дорогу, сердце твое обрело крылья.

– Человек, взгляд твой ушел далеко. Видно, ты хочешь измерить землю. Если хочешь собраться в дорогу, стать путником, готов ли ты открывать себе и другим бесконечные тайны жизни? – остановившись и обернувшись к тебе, так спросил Золотой Хардар.

Как странно – идёшь, идёшь, а земля из-под ног не уходит. Солнце заходит, луна прячется, звезды гаснут, вода в реках мельчает, а земля все так же крутится...

Ты шёл пешком. Услышав колокольный звон, обернулся и увидел, что вслед за тобой летят шесть белых лошадей в упряжке. За ними летела золотая колесница. Дойдя до тебя, лошади остановились. С правой стороны и левой стороны колесницы одновременно открылись невысокие дверцы и вышли две женщины. Они остановились в ожидании...

Солнце вдруг стало невыносимо палить. От него оторвалась искра. Она спалила твои белые одежды. Ты сам чуть не сгорел. Так тебя наказала любовь. Если бы ты не полюбил, все было бы иначе. Но... Не верь тем, кто говорит: «Смысл жизни вовсе не в любви. Он в другом!». Не верь им. Это неправда.

– Человек растёт, он не может постоянно ходить по одной дороге, не может пить только из одного родника, – сказал ты, подняв голову, Золотому Хардару, как будто просил прощения за мысли свои. – Даже глаз солнца, видишь, кёремисе, сегодня вечером покинет нас, сомкнется, чтобы завтра снова выйти в путь, который у него не кончается, – добавил ты, не отводя взгляд от заходящего солнца.

Ты ушел далеко. Только скажешь: «Теперь я добрался до края земли! Я там, где земля и небо присоединяются друг к другу!» – а это оказывается неправдой! Видишь, опять они разлетаются, небо бежит наверх, а земля продолжает тянуться дальше, далеко.

Когда стрела, выпущенная из лука охотника, ранила птицу, она с

²Тарпан – сильный конь.

криком упала на дорогу прямо перед тобой. Тебе стало больно так же, как ей. Слеза, что покатилась из её бусинки-глаза, прожгла не только землю, но и сердце твоё.

«Видит ли это Золотой Хардар?» – ты посмотрел в небо. А там – журавли. Они ласковым криком прощались с тобой и треугольником улетали на юг. Тогда ты понял, что жизнь и смерть ходят по одной дороге, рукавами и подолами задевая друг друга. Так устроено на земле.

Женщины и птицы не уходили из глаз. «Услышал бы мою горячую мольбу Золотой Хардар!» – пожелал ты, и, выбрав на зеленой поляне солнечный островок, поклонился в намазе ему.

– Чего ты просил у Золотого Хардара?

Ты молчишь. Я не обижусь, если даже не ответишь. Это не тайна. Знаю, чего может попросить стихотворец у Большого Тенгри. Особенно тот стихотворец, тот рассказчик, романист, который из глубоких веков до сегодняшнего дня идет по следу Золотого Хардара.

На одной стороне дороги, по которой ты идешь, находятся ложь, беспросветность, голод, злоба, насилие, а на другое её стороне – правда, доброта, свет, любовь, милосердие... Их одинаково освещает солнце.

Ты встал с намаза. Седина опустилась на твою голову. Может, от молитв, а может от времени. Кто знает.

Ты помнишь ту тарелку муки, на которую твой отец обменял оставшийся в наследство от прадедов кинжал? Тарелка с мукой была похожа на луну. Вначале, радуя сердца, рождая надежды, они обе были полны. А потом день ото дня становились меньше, темная ночь голода и нужды закрыла собой весь мир...

Много могил на дорогах Аллаха. А ты выжил. Выжил, чтобы стать писателем и рассказать миру о дорогах Золотого Хардара... Как похожи те далекие, древние молитвы на сегодняшние!

Золотой глаз солнца закрыло облако. «Э-ге-гей!» – кричит ветер своим быстрым коням. Этот крик будит спящую сладко молнию. Она видела хорошие сны. Ой, зря ее разбудили! Она рассердилась и, порвав семикратную глубину неба, дотянулась до земли. Ты, будучи ребенком, испугался и заплакал на чужой земле, которая служила наказанием твоему народу непонятно за что. Мать твоя была далеко – работала на свекольных плантациях под жарким солнцем. но она тебя услышала и сердце её готово было вырваться из груди... Не могла она тебе помочь. Как узнал?! Чтобы утешить тебя, спустился с неба Золотой Хардар. Ты тогда очень удивился: «Как нашел меня мой Золотой Хардар так далеко от дома – в киргизском селе, он же оставался дома на Кавказе?!»

– Прогони из сердца страх, – сказал он тебе тогда. – Это испытание. Кто хочет, чтобы его мечты сбылись, кто стремится открыть тайны мира, тот должен быть решительным и смелым. Тот, кто идет

по жизни, жалея себя, кто безразличен к тому, что видит – не путник, а слуга. Он служит себе. Такому человеку легко перешагнуть через любую беду. Не будь таким. Потом, когда встретишься с Аллахом, и тебе придется рассказать ему о том, что ты видел, испытал, что ты ему скажешь, если ничего не прикипит к твоему сердцу?

Ты тогда понял, что в первом крике только что родившегося младенца и в последнем вдохе прожившего жизнь старца живет надежда. Мольба людей ходит вместе с этой надеждой, не оставляя ее одну. Когда они вместе, становится светлее.

На одной стороне трона Золотого Хардара висит луна, на другой – солнце. Приходят к нему с молитвами, те, с кем живет надежда. Кто-то просит славы, кто-то – богатства, кто-то хочет быть первым, потому что быть первым престижно, это хорошо слышится, да и достоинства прибавляет...

А ты летишь на крылатом Пегасе и смотришь с небес на нас – тех, кто остался на земле. Смотришь на нас – на всех тех, кто просит у Аллаха такие незначительные вещи. Смотришь и видишь, как многие из нас живут по привычке – ходят по одной и той же тропе, пьют из одного родника, боятся свернуть с дороги и так скучно проводят жизнь... Ты удивляешься этому или переживаешь за нас? Может, горюешь? Или всё это вместе?

Золотой Хардар, он так просил, почему ты не спустился на землю? Почему ты не помог человеку сделать правильный выбор на дорогах вечности, даря ему одну, всего одну короткую жизнь?

Золотой Хардар, переживающий за всех рождённых им, печален. Может от того, что устал от дорог. А может от того, что переживает за тебя?

Ты не был похож на других.

Перевод автора

ВЕРНОСТЬ

Когда по телефону сообщили, что Хажмурид совсем плох, все, кто смогли поместиться в машину Мухамеда, отправились к нему в соседнее село Аргудан. Хажмурид и Мухамед были сыновьями родных братьев, к тому же ровесниками и многое их связывало с самого детства.

Как только услышал голос Мухамеда, больной открыл глаза:

– Мухамед, брат мой... – произнес он слабым голосом.

Душа его наполнилась радостью, но из-за того, что он лежит перед ним вот такой слабый и даже не может привстать, слезы навернулись на глаза и потекли по пожелтевшим щекам, пролагая себе просоленную дорогу вплоть до подушки.

При виде обессиленного Хажмурида сердце разрывала жалость.

Мухамед знал его совсем другим – смелым, решительным и веселым. Он старался, очень старался, чтобы больной не понял, о чём он думает.

– Даст Бог, скоро ты поправишься, Хажмурид, – бодро сказал Мухамед. – Помнишь, какой ты был после аварии? Все уже было простились с тобой, а ты молодец – выкарабкался. Тейри, никто не верил, что ты после этого будешь жить. Даже врачи.

– Тогда я был молод, – промолвил больной с трудом.

– А сейчас что, старый?! Не выпускай вожжи из рук! – бодро сказал Мухамед, но, видимо, голос его подвёл, так как Хажмурид, явно усомнившись в его искренности, устремил взгляд на других родственников, которые сидели и стояли возле него.

Мухамеду показалось, что он ищет у них подтверждения тому, что услышал, – взгляд его говорил: «Вы тоже так думаете?». Все в один голос стали говорить, что всё будет хорошо.

Больной собрал силы и внятно произнес:

– Хорошо, что вы все приехали, я по вам скучал.

Его взгляд остановился на фотографии, висевшей на стене, и он, как будто что-то вспомнил, попросил:

– Мухамед, тебе хочу сказать...

В это время пригласили гостей к столу и, пока они угощались, братья говорили.

Возвращались домой молча, все понимали, что Хажмурид, любимый всеми, скоро покинет этот мир. Мухамед был так опечален, что даже случайного слова не обронил за всю дорогу. Оно и понятно, Хажмурид был ему не только братом, но и лучшим другом. Дома он отказался от ужина, а утром, как только рассвело, вновь отправился к Хажмуриду в Аргудан. За рулем сидел его старший сын. Он пытался вызвать отца на разговор, чтобы освободить его от тяжких мыслей.

– В этом году весна пришла рано.

Мухамед молчал.

– Всё расцвело, как бы не пошел снег, а то почки замерзнут. Да и деревья не опылятся...

Мухамед не поддержал беседу, и сын больше не стал нарушать тишину и уводить его от печальных дум.

Целый день сидел Мухамед возле Хажмурида.

Они родились в одном доме, вместе росли, кормились молоком одной матери. Трудно сказать, какое родство больше брало верх – кровное или душевное. Но долгие годы они были вместе.

Много чего рассказал Мухамед Хажмуриду в тот день.

– Помнишь, как наши отцы уходили на войну? Мы бежали за ними до большой дороги, а потом возвращались и представляли, как они побьют фашистов и вернуться с орденами и пистолетами. Не оправдал моих надежд мой отец, Хажмурид, не вернулся.

– Скоро я их увижу, – умиротворенно сказал Хажмурид и попытался улыбнуться, – хоть одна радость от смерти.

Мухамед сделал вид, что не услышал его.

– Помнишь, наши родственники из Старого Черека подарили нам корову? Это когда фашисты ушли и всех коров забрали в колхоз. И мы эту корову днём пасли в лесу, чтобы, не дай Бог, не увидел председатель колхоза.

– Хаути... – простонал больной.

– Да, Хаути, откуда только он узнал тогда про нашу корову? Отобрал же... Когда мою маму-балкарку выселяли, как и весь ее народ, нана, твоя мама, моя тоже, да будет она в раю, пыталась меня оставить здесь. Наверное, так и сделала бы... это я, дурачок, привязался к маме. Думал, что там меня ждет что-то хорошее... Отец мой так и не вернулся с войны. Передать не могу, как я тогда скучал по вам, как мне вас не хватало. Хажмурид, ты не поверишь, но если я видел во сне тебя или нану, весь день ходил радостный. А когда кончилась война и к нам приехал Заурбек, весь в медалях и орденах, киргизы подумали, что приехал мой отец, так я был похож на него. Не обижайся, но больше, чем ты. А что тут такого, на кого мне быть похожим, если не на брата своего отца? Как завидовали мне тогда мальчишки! Он очень помог нам...

Мухамед старался не говорить о том, что засело у него в голове, после вчерашнего разговора с Хажмуридом. Он не смог бы даже намекнуть на это.

В ту ночь он проводил своего друга и брата, к которому был привязан кровью, материнским молоком и душой. Еще три дня, пока не закончился дууа, сидел у него во дворе. Потом стал ходить на его могилу.

Дети и внуки пытались утешить Мухамеда. Жена Жаннет видела, как велико его горе.

– Что делать, жизнь так сложена. Кто стал железным деревом, чтобы простоять века и не умереть? Тому, кто пришел в этот мир, положено увидеть и тот, иной мир, – говорила она мягким голосом.

– Да, это так. И ожидающих нас там немало... – произнес Мухамед и осекся.

Жаннет понимала его:

– Жалко, что не было детей у Хажмурида. Был бы хотя бы один, не забывал бы отца, продолжился бы его род. А эта бедняга, невестка, высохла, как дерево, одна осталась на старости. Как ты думаешь, может её взять к себе?

Знала, что Мухамед не возразит, но смотрела на него вопрошающе, чтобы решение принял он – глава семьи, дома.

Мухамед долго молчал и смотрел в окно. Потом решительно сказал:

– Откуда могут быть дети у человека, у которого не было жены?

Только после этого он огорченно тяжело вздохнул.

– Что ты сказал? Что это значит?

– Говорю, что у Хажмурида, моего брата, не было жены. Потому и детей у него быть не могло. Как ты не понимаешь?

– А как же келин?

– А келин... Она была и есть, что уж говорить, осталась нашей келин.

Старший брат Хажмурида – Мажмудин был очень уважаемым человеком. И не только в селе. Он учился в Нальчике на педагога. Занимался в аэроклубе, летал на самолете. Правда, в аэроклубе самолет был деревянным. Келин, Кулина, тоже грамотная. В Аргудан она приехала из Лескена, направили учить детей. Многим она пришлось по нраву, многие не осмеливались просить ее руки – косы были до пят, стройная, красивая, с глазами лани. Любой дом она могла украсить. Так вот, это счастье досталось Мажмудину. Но и месяца молодые не прожили вместе, Мажмудин ушел на войну даже раньше отца своего, Заурбека.

Он окончил школу авиации и уже офицером был направлен на фронт. Погиб в Прибалтике. Всего-то два письма получили родные от него. Часто Кулина их перечитывала матери своего мужа. Было и третье письмо, о котором Кулина никогда никому не говорила. Оно хранило их сердечные тайны и голос Мажмудина, адресованный только ей. Он говорил там, чтобы если вдруг с ним что-то случится, она устроила свою жизнь с другим. Он говорил, что хороших людей много. Но разве мог он знать, что такой, как он, – один на всем белом свете?

Когда Заурбек вернулся с фронта, Хажмурид был уже взрослым парнем. Тогда и решили Кулину оставить дома и выдать замуж за Хажмурида – младшего брата её мужа Мажмудина. Был такой обычай у наших народов.

Сорок лет они были вместе. И никто не знал, что это долгое время они прожили как брат и сестра. Только уходя из этого мира, Хажмурид открыл их тайну Мухамеду.

Он сказал:

– Не смог я нежиться на постели своего умершего брата. Как ты думаешь, он будет доволен мной? – спрашивал он и добавил: – Не суди нас...

А Келин, Кулина, не захотела оставить дом, в котором, хоть и на короткое время, но была счастлива с Мажмудином. Она недолго прожила после ухода Хажмурида. И в последний свой путь отправилась из дома, куда привел её муж – летчик Мажмудин.

Перевод автора

НА НЫГЫШЕ ³

Сидит одинокий старик на ныгыше, подперев спиной забор, за которым его двор со всеми шумами и запахами жизни. Издали он напоминает черную птицу. Никого нет поблизости. Дорога пуста. Поэтому он сидит, и кажется, что он один остался во всей вселенной. Годы легли на его плечи, и это сразу бросается в глаза – его руки, ноги, голова стали тяжелыми, ушли вниз и потянули своего хозяина к земле. Все его тело истончилось. Мир огромен, а человек по сравнению с ним кажется не больше муравья.

Старик посохом провел черту на земле, и рыжий муравей остановился возле этой черты, на приподнятом посохом краю и посмотрел оттуда вниз, никак не решаясь спуститься и продолжить свой путь.

Именно в это время старик поднял голову и посмотрел на три желтые скалы, стоящие рядком и венчающие кюнлюм ⁴. Им, этим голым скалам, все равно, почему старик вышел к ныгышу, с кем и о чём он хочет поговорить сегодня. Им всё равно, о чем он думает.

Человек, которого, видно, жизнь хорошо потрепала, знал что-то такое, чего не ведали даже эти вечные скалы, кюнлюм, на котором они стояли. Он знал, чего не знала река, что поделила село на две части, не знал лес, что рос на другой прохладной даже жарким летом стороне. Поэтому он улыбался своим думам, смотря сверху на село, видное как на ладони.

Дорога всё так же бежала вниз, маленькие, как игрушечные, машины, спешили по ней, одна в ту сторону, другая в эту. Возле ворот появилась его невестка. Не любил старик на неё смотреть, так как на её лицо когда-то упала тень недовольства, да так и осталась там навсегда. Хорошо им, недовольству и ей, вместе, думал он.

Она какое-то время смотрела туда, где остановил свой взгляд старик, – в сторону кладбища. Потом заскрипела, как несмазанные двери:

– Живут где попало, а когда умирают, их привозят сюда и хоронят.

Кого она укоряла, непонятно, – то ли тех, кто умирал где-то, то ли тех, кто привозил их хоронить сюда.

– Люди где попало не хоронят своих близких, – ответил свекор, не повернув головы в сторону своей невестки, хриплым голосом. – Привозят их туда, где жили их предки, чтобы они свой путь в мир иной начинали там, где это делали их отцы и деды. Это, наверное, неспроста.

Он вспомнил, что о смерти думал всегда: когда воевал, когда вернулся с войны раненным, когда снова ушел на фронт, когда после войны искал своих родных на чужбине и чувствовал бессилие от того, что ничего не может изменить...

³ Ныгыш – место, где старики коротают время в беседах.

⁴ Кюнлюм – солнечная сторона.

Он думал о ней, о смерти, все долгих тринадцать лет... Что такое тринадцать лет по сравнению с тем, какую долгую жизнь он прожил? Нет, они тянулись гораздо больше – дольше жизни. Так и идет до сегодняшнего дня. А то, что люди живут где-то... что делать, если судьба так решила?

– Никто его не оплакивает, – добавила келин. – А кто по нему будет плакать, если здесь его никто не знает, не помнит. Наверное, не осталось и тех, кого он знал. Может ему этого и не надо. Надоело людям оплакивать умерших, так много их сейчас стало. Только и делаем, что ходим на соборезнования.

Старик вспомнил тот день, когда его отец упал со скалы и разбился. Тогда так горько плакали сестры его отца, что это невозможно забыть. Он и не забывает. Этот плач не смог поднять их мертвого брата, но всё омыл вокруг слезами. Сколько похвалы, сколько мольбы, сколько укора было в этом плаче! Да, сейчас не умеют так оплакивать ушедшего. А если бы умели, стали бы люди чище и лучше, чтобы вновь родиться другими, жаждущими совершать благодеяния...

Если смотреть со стороны, можно подумать, что этот старик, сидящий на ныгыше, ничем не отличается от других: живые, полные мудрости глаза, ставшие тонкими и нежными руки, войлочная шляпа. Но... он был другим. Особым. Он многих проводил, кого молодым, кого старым. И вот остался последним в этом ауле.

Он хотел подняться на кладбище. Готовился к этому. Он обязательно пойдет, лишь бы хватило сил. Теперь, наверное, уже заканчивают рыть могилу.

Внук повез его на кладбище с маленьким стульчиком – не мог дед стоять дольше минуты-двух. Он видел лицо сына умершего, и ему стало хорошо от того, что мужчина, который потерял сегодня отца, был честен перед смертью – он горевал от души. Легко пришли к старику на ум и сердце слова, которыми он постарался утешить его. После он пожелал всем, кто стоял на кладбище, не видеть горя, которое заставило бы их забыть это, сегодняшнее. Добавил, чтобы Бог вселил в их души покой. Он знал, что только Бог может примирить смерть и жизнь, того, кто объят горем, и сделать это так, как будто никто до этого не умирал, и никто после не умрет. Сын покойного горевал искренне.

Старик прочитал из Корана те суры, которые обычно читались в такое время. Он просил Бога простить грехи умершего.

После вернулся домой. Хоть и туда ехал на машине и сюда вернулся не пешком, устал, как будто целый день был на сенокосе. Таким бессильным и пришел он на ныгыш. Благо он был у ворот его дома, прямо у нового каменного забора. Видно, из уважения к старику так решили его младшие собеседники.

Даже после того, как были подоены коровы, покормлена скотина, было сделано всё, что полагается вечером в ауле, даже тогда, когда все нашли свои дома, он не покинул ныгыш. Невестка позвала, после звали сын, внук, но он не спешил домой.

С того конца улицы поднимался наверх сын похороненного сегодня человека. Он остановился возле старика, но не осмелился сесть рядом. Так и стоял, пока старик не предложил:

– Будь гостем в моем доме.

– Нет, – сказал мужчина, – спасибо, меня ждут.

– Тогда присядь. Расскажи, как живешь. Что там, в городе, нового?

– Отец очень любил свое село. Но... он был обижен. Его не пощадили, хотя он много сделал для страны, для аула, для его людей. Его не защитили. Обида слишком глубоко в нем сидела.

– На время разве можно обижаться? Его не поймашь, не накажешь. На государство тоже не следует обижаться – права такого нет.

– На людей он обижался. На односельчан. Когда его арестовали, никто не выступил в его защиту. А отец мой служил немцам только потому, что его просили об этом всем селом. Это многие знали и знают. Он раненый лежал в госпитале в Ростове, когда фашисты подошли близко. Всех раненых отправили по домам. Он был капитаном... Почему я об этом говорю сегодня? Вы и так всё знаете.

– Да, ты прав. Твой отец был учителем. Грамотным был, много знал. Знал и немецкий язык.

– Это его и подвело. Он не сегодня покинул этот мир, он умер в тот день, когда его арестовали как фашистского пособника. И его никто не защитил, никто не вспомнил, почему он на это решился. А потом, после лагеря, жил как тень. Разве это можно назвать жизнью?

– Человек живет, пока Бог не скажет, что его дорога в этом бренном мире закончилась и не пошлет ему смерть. А душа... она, чтобы не лежать под ногами, ищет истину. Ищет, но не всегда находит. Тогда ты и сам должен бы это знать, во всем мире шла борьба между жизнью и смертью – война, депортация... Это было время испытаний. Старики, которых не взяли на войну, так как годы давно сделали их бессильными, пошли просить Ахмата, чтобы он согласился работать на врага.

Старик замолчал на некоторое время. После, заметив, что его собеседник глаз не сводит с того места, где нашел свой последний приют его отец, продолжил:

– Когда его арестовали... В то время люди оказались на чужбине. Каждый думал о том, как бы выжить – голод, холод, нищета, унижения... Кто бы послушал твоих стариков, на которых стоило только подуть и они не выстояли бы? Да, они все померли, пока мы верну-

лись с фронта, в первый же год... Скажи мне, кто когда-нибудь смог бы вынести на суд то, что стало между мертвыми и живыми? За то, что, видя несправедливость, торжествующую у них на глазах, они не смогли защитить обиженного, остались равнодушными и промолчали, когда надо было сказать? Мёртвые на том свете не найдут покоя, а живые – здесь.

Солнце потихоньку уходило за гору, освещая красным заревом желтые скалы. Темень, которая должна была окутать аул, должна была спуститься с той скалы, которая была посередине – с Острой скалы, как её называют. Она днем пряталась там, где были чуть заметные отсюда, снизу, маленькие пещеры. Старик с детства знал, что там живет эхо. Они мальчишками поднимались туда и разговаривали с эхом – Дочерью скалы, как его называют в народе. Именно оттуда приходила темнота. Старик смотрел туда, как будто хотел увидеть, как происходит это таинство. А его гость, который не прошел домой, стоял и не сводил глаз с новой могилы. Слезы, которые он старался скрыть, блеском своим предательски выдавали всё, что происходит у него в душе. Казалось, что он всё ещё не простился с детством. Таким искренним было его горе.

«Хорошего сына вырастил Ахмат», – подумал старик. Его благодарность судьбе за сына Ахмата поднялось высоко на небо и сразу же вокруг новой неполной луны появились звезды. Это она, людская благодарность, зажигала их по вечерам.

Сидели на ныгыше двое, про себя благодарили и укоряли время, которое мчалось вперед, не исправляя свои ошибки. Смотрели ему, бегущему, вслед.

Перевод автора

ОДИНОЧЕСТВО

«Если повернуть налево, потеряешь коня, если пойдешь направо, сам погибнешь, а конь твой будет жить, если пойдешь прямо, не умрёшь, но потеряешь память...»

Понятно, что смельчаки, герои, выберут второй путь – захотят изменить судьбу и сохранить душу – коня своего.

За окном лежат дороги, спешащие в Европу, проложенные через рыжие степи, зеленые горы, синие моря. Они несут всех, богатых и бедных, довольных и недовольных жизнью людей. Хотя, если будешь умиротворен судьбой, разве, рискуя потерять покой, станешь искать новый путь с желанием изменить жизнь? А Европа что? Её цари и цветочники, её портные и пекари, её земледельцы и скотоводы кажутся счастливыми. А наши люди, много людей, стремятся туда, надеются, что найдут там справедливость,

которая почему-то покинула их. А там тысячи и тысячи смельчаков погибают или превращаются в камни, или становятся скалами. Они пошли туда с надеждой, что найдут там любовь и понимание, которых здесь им так не хватает. Они были готовы бороться за это, но... проиграли.

Сидит в туманном Альбионе, в печальном, безжизненном замке древняя, забытая красавица. Она при свете свечи рассматривает картины, что висят на стене напротив неё. Её многие любили, а она – никого. Девушка не читает книг. Умерли и сказочники, что забавляли её своими сказками и рассказами. Давно это было. Она уже не помнит их имен. А девушка сидит, страшась открыть старые книги и прочитав там про девичьи безрассудства.

Книги покрыла пыль. Теперь, наверное, их никто больше не читает. А кому их листать, здесь, когда туман опускается к ночи, становится так тоскливо. Это потому, что ушли те, кто верил в завтрашний день, в солнце и счастье, кто читал книги и мечтал встретить ту единственную, ради которой был бы готов жить долго или умереть вмиг.

Идет дождь при солнце, слепой дождь, который у нас называют дождем марала, его капли чисты, как слезы. Ими ангелы смывают кровь с лица земли. Они измучены тем, что не могут остановить войны, большие и малые сражения.

А эта девушка, которая вышла из сказки, живет как тень, двор её замка, где она уже не гуляет в окружении фавориток её отца, давно зарос травой, стены здания покрылись мхом. Так она и живет в давно забытом, холодном замке. Сон убежал от нее, и теперь, когда она поняла, что он не вернется, всё ходит и ходит по своему замку по ночам при слабом свете свечей. А на сон не обижается, понимает, что он не хочет, как она, находиться в таком мраке.

Как дым, как облака, как вода в реке, как шум, уходят века невооруженно. Если бы они стали говорить о том, сколько знают о героях и их борьбе за честь, за любовь и счастье, если бы они посчитали сердечные тайны красавиц, сами бы удивились тому, как они богаты. Ревность встала бы между веками, если бы они, спешащие друг за другом, знали, насколько каждый из них был полон и богат.

Кривыми золотыми ногами танцуют в старых домах по ночам троны, оставшиеся без царей. А здесь, в старом замке, где победил сумрак, сидит по ночам на своем троне царь – отец красавицы. Он не говорит ни слова, не стучит своим золотым посохом по земле, никто перед ним не склоняет своей головы... Он молчит. Возможно, горюет о своей одинокой дочери и не найдет покоя в том мире, куда ушел.

А его дочь, которая живет далеко от нас и с которой мы не знакомы, смотрит на своего великого отца. Его волосы покрыла седина, но он всё ещё красив и дорог ей. Она вспоминает тех джигитов, которые летали на крылатых конях, совершали подвиги во имя её, искали её любви, а

он, царь, превратил их в камни и скалы. Она вспоминает тех батыров, которые сражались с врагами, сжигали их дома и убивали их людей, чтобы о них слагали песни. Песни не получались. Плач – да...

Со всех сторон окружает её одиночество, она сидит, завернутая в старые кружева. Её венчает золотая корона, как и подобает царевне. Мы переживаем, что она одна, а она уверена, что человек никогда не бывает одиноким. В её памяти звон мечей, сражение джигитов, которые налетали черными стаями друг на друга на её глазах.

В одном из священных писаний про одного из пророков написано: «Он умер и вернулся к своему народу». Смерть, победившая даже таких близких к Аллаху, как они, людей, заблудилась. Может, она потеряла дорогу, которая привела бы её сюда, а может она мстит девушке, доведя её до той черты, когда уже бесполезно считать время. Кто знает. Ангелы тоже сюда не приходят.

Кто её будет ждать на той стороне, когда она пройдет мост Сыйрат? Она не познала любви, её сердце и ум были полны только осознанием своей власти на земле. Проходят века, а она никак не может отправиться в мир иной и испытать всё то, что испытывают те, кто приходят на землю, а потом покидают её. Кто скажет ей, где все те джигиты, которых она погубила? Она не верила в сказки, но поверила бы в Священную книгу, только... как её найти среди этого множества покрытых сыростью и мхом книг?

Эти нескончаемые века, которые несут ей вечное одиночество, кажутся девушке вражеской ратью. Давным-давно, на незнакомой нам далёкой земле жила красавица. Те слова, что она не сказала батырам, которые ради нее побеждали эмегенов⁵ и алмасты⁶, превратились в ветра и дожди. Они постоянно повторяются на земле как песня-плач, и потому сначала стали гладкими, а потом превратились в пыль.

Душа девушки, которая никогда не говорила ласковых слов этим джигитам, превратилась в лоскутки и теперь дрожит в пропахшем сыростью замке в его старом воздухе. Если приклонить ухо к маленькому оконцу, то можно услышать, как скулит, похожий на вой немого, никогда не устающий, вечно её укоряющий ветер. Он говорит: «Если повернуть налево, потеряешь коня, если пойдешь направо, сам погибнешь, а конь твой будет жить, если пойдешь прямо, не умрёшь, но потеряешь память...» Она не знает, что ему ответить.

Так проходят века, спешат они, уступая место тем, которые придут за ними, считая тысячи и тысячи лет.

Перевод автора

⁵Эмеген – многоглавый великан.

⁶Алмасты – снежный человек.

ЖАМБОТ

Днём он выходит на улицу и садится на свою длинную деревянную скамью. Кажется, что они всегда были вместе – старик и эта скамейка. Отдельно их трудно представить.

Мимо проходят люди, пожилые и молодые, дети. Они здороваются со стариком, кто-то, подходя и пожимая его слабую руку, кто-то издалека громко, кто-то кивком головы, безмолвно. Он же смотрит им вслед, пока не появится новый прохожий. Любит смотреть вслед радостным детям. Думает, что это поколение счастливее предыдущего. Может, оно и так, кто знает. Девушкам и парням он завидует. Завидует так, как завидуют в осенний солнечный день листья, что ещё висят, тем, которые уже сорвались и летят вниз. Разве они понимают, что ждёт их там, внизу?

Иногда он останавливает детей и беседует с ними. Спрашивает, как поживают их близкие – семья, соседи, родственники. Спрашивает, что нового в их местах. Вечером, когда село наполняется привычными звуками – коровы мычат, овцы блеют, слышится ритмичный звон молока, бьющего белыми быстрыми струями по дну ведра... – он сидит и смотрит на кладбище, которое лежит неподалеку, на ближнем склоне горы, и всем своим видом говорит о скоротечности жизни.

Его память уже давно бродит по дорогам. Они, эти дороги, иногда бывают очень близки, иногда уводят старика далеко отсюда. Где только они ни тянутся, там его молодость, его любовь, его война, его одиночество... Как только они ни путаются... Старик удивляется их бесконечности.

Жизнь не останавливается, она продолжает идти и рождает из одной думы другую, из одного воспоминания следующую.

– Сердце моё давно уже перегорело, наверное, я изменился. Когда мы встретимся на том свете, когда я приду к тебе, ты узнаешь меня, Бислима? – спрашивал он у своей любимой.

Она слышит. Он это знает. Но не отвечает. Только смотрит и смотрит с небесной высоты на него, будто не может наглядеться. Старик жалеет, что плохо видит. Видел бы хорошо, по лицу её догадался бы, что она хочет сказать. Ведь не всё скажешь, что думаешь, а лицо не скроет.

Кто знает, может Бислима тоже вспоминает Жамбота, которого знала с детства и полюбила, но замуж за которого так и не пошла. Далеко отсюда, там, куда был изгнан их народ, она стала спутницей другого и родила ему пятерых детей. «Ему? Ему ли? Да что он от них видел?» – добавляла Бислима про себя, когда думала о муже, погибшем в горах. Он пас овец и, поскользнувшись на типчаке, упал со скалы.

Да, они, Жамбот и Бислима, родились тогда, когда счастье уже закончилось у того, кто его раздавал. «И все же... Приходя на эту землю,

не уйдешь бесследно. Все равно большой или маленький, но след от человека остается», – говорит Жамбот себе, удивляясь тому, сколько на свете еще тайн, сколько еще вещей, которым человек не дал названия.

А Бислимаат смотрит с небес. То ли на него смотрит, то ли на что-то другое возле него, глаз не может оторвать от этого места. Жамбот чувствует это и даже радуется.

Она умерла в Казахстане. Но её сыновья, исполняя завещание матери, привезли и похоронили её здесь, в родном селе, где покоятся их предки. Этому старик тоже рад. Что бы ни говорили, Аллах заблаговременно определяет, кому где лежать. Поэтому люди не могут где угодно похоронить своих родных. Это хорошо. Так думает старик.

С того дня, как Бислимаат попала в землю, где она родилась, старик ещё больше стал осознавать некую важность смерти. «...Если бы было иначе, не было бы смысла и в жизни. Человек остался бы без радости рождения и печали смерти. Хорошо, что века идут, не обрываясь. Человек что-то успевает, что-то за него делают другие. Откуда у него столько дней, сколько песчинок в песке, чтобы ошибаться и исправлять свои ошибки? Потому смерть важна так же, как и жизнь», – думает он.

В тот день, когда хоронили Бислимаат, Жамбот, ни на минуту не отвлекаясь, всё время думал о ней. Думал, когда шел на кладбище, когда читали молитву по её душе, когда её опускали в землю, когда снова читали молитву... Думал, но держался, не плакал. Слова даже не проронил – голос его стал хриплым и он боялся выдать себя. Поэтому и молчал.

Потом, когда начало светать, и односельчане должны были собраться на утреннюю молитву возле её могилы, он раньше других пришел к ней и поздоровался с ней:

– Доброе утро, Бислимаат! – сказал он.

Много о чём он рассказал ей в то утро. И теперь говорит, когда бывает там, или сидит вот так и смотрит в сторону кладбища. Говорит ей о судьбе, о времени, о молодости, о войне... А о любви не говорит – смущается. Упрекнуть Аллаха за судьбу, предназначенную им, тоже не может. Как он может обидеться на него, на Аллаха, если даже много раз он бросал его под ноги судьбы, и сердце его было растерзано, как об этом сказать, если Аллах создал для него Бислимаат? Он вспоминает её солнечные, полные любви глаза и улыбается. Не зря, совсем не зря он прожил жизнь. И так будет всегда, до тех пор, пока не закроются его глаза.

Кончилась война. Он ещё год очищал землю от фашизма. Год искал родных в Киргизии. Их там не было. Когда он в поисках родных приехал в Казахстан, многих не нашел живыми – холодные степи приняли их души. Кто-то болел, кто-то умер от голода, холода, от нехорошей воды... Из большой семьи Жамбота в девять человек, как он узнал, в

живых осталась только младшая сестренка Мариям. Но он не нашел её в детском доме, куда её отдал, чтобы она тоже не умерла с голоду, председатель колхоза. Полвека ищет её, но так и не находит.

А Бислимат он нашел. Но она была замужем за другим. Четыре сестры их было. Выжили. Кто знает, если бы Жамбота освободили сразу после войны, может, она и дождалась бы его, но он задержался. Чтобы её сестренки, как их родители, не умерли от голода, Бислимат вышла замуж за казаха.

Он нашел её. Этот день Жамбот хорошо запомнил, но только... ему бывает больно вспоминать об этом. Когда Бислимат увидела его, не обрадовалась. Она горько заплакала. А ночью пошла к большой реке. Хотела утопиться. Сердцем понял Жамбот, чего она хочет, и остановил ее. Откуда тогда он, огрубевший в войну, нашел такие слова, чтобы утешить её? Сам не знает. Это тоже Аллах. Он подсказал. Жамбот, видевший столько смертей, особо ценит жизнь и благодарен Всевышнему за Бислимат, за прожитые ею годы. В первый и последний раз в жизни он тогда обнял её на минуту, на миг, чтобы остановить от рокового шага, и проводил обратно в дом. Больше ни одной женщины не было рядом с ним.

Теперь он уже не считает дни, годы. Зачем считать время? Разве его пересчитаешь? Думает Жамбот об этом мире, о том, где Бислимат и его родные. Он верит в то, что между ним и Аллахом ходят тысячи ангелов. Одному из них он рассказывает свои сердечные тайны и просит на том свете рая для Бислимат и родных, для своих однополчан, для тех, кто умер далеко от дома...

Его сердце освещают воспоминания. Они у него наделены негаснущим светом. Он любит ходить по их нескончаемым, незабываемым дорогам. Вот и сегодня то спускается вниз, то идет наверх, поднимаясь все выше и выше. Это подобно тому, как человек поднимается в горы.

А луна, похожая на белую латку в войлочном сером кийизе его судьбы, остановившись над ним, молча смотрит на старика, сидящего на длинной деревянной лавке, и на большого пса, лежащего у его ног.

Перевод автора

КОГДА ГОВОРЮ О РОДИНЕ

Когда туман в небесном перламутре
Рассеивался вдруг, и спящее село
Вплывало в мир, отец с приходом утра
Уже взлетал в привычное седло
И в горы путь держал – давным-давно,
Когда был всадником....

Когда отец был всадником, я помню,
Копыта звонко цокали сквозь сон.
Глаза от солнца пряча под ладонью,
Я вижу тень – там мама у окон
Украдкой смотрит вслед,
И сквозь туман времён
Уходит всадник, скачет белый конь...

Из шкуры тура – коврик для намаза
И бабушка за чётками на нём...
Нужды в насущном не было ни разу,
Когда все были рядом – нипочём
Все беды и заботы. Просыпаясь,
Я видела вершины – отсвет рая.

Все те же горы, словно на ладони,
Картиной в раме – и зимой и летом.
А осенью стоят они в короне
Из солнечных лучей, и дивным светом
Мир соткан, кажется. В порывах ветра
Качается листва, его огнём согрета.

По дому бродит луч – хорошая забава!
Подпрыгну и схвачу, услышу мамин смех.
Окно открою в сад – и в лиственной оправе
Сорву шафран, свой яблоневый грех.
Лукавый ветер сбросит рядом в травы
Горсть слив к ногам и абрикос шершавый.

И вот уже, босая, по росе
Ловлю в ладони тёплый дождик мая.
А если непокрытой по грозе
Под ливнем мчатся, струи догоняя,
Длиннее косы станут. Выжимая,
Так и стою в саду земного рая.

Нам иногда молчанье помогает.
Люблю закаты слушать в тишине,
И с небом говоря наедине,
Смотреть, как солнце ярко угасает.
Светлее думы в час прощанья с ним,
Их отблеск в сердце долго мы храним.

Огнем горят хребты, папахи снега,
Уходит солнце за гряды вершин,
Застыл марал над пропастью теснин,
Затихло всё, и царственная нега
Накрыла мир. А я смотрю с земли
И чувствую: дороги увели

Всех тех, кто дорог нам, и время,
Вонзая в плоть безжалостное стремя,
Разводит нас все дальше, навсегда.
Уходит мама полем, молода,
То взгляд бросая грустно, то с улыбкой,
И мир плывет, неведомый и зыбкий,

И золото лучей на поле льётся, льётся,
Идет по полю мама и смеётся...
И сердце летним солнцем вновь кровит,
По капельке кровит прощально солнце –
Жизнь, как душа, и лечит, и болит –
Как день пройдет, так ночь и отзовется...

ГОРИТ ОСКОЛОК ЗВЕЗДЫ

За облаками спряталась луна,
В смятении застенчивость скрывая.
Не подойду, пусть даже влюблена,
Если уйдет любовь твоя, сгорая.

А дома у меня черней беды
Подушка в изголовье, и на ней
Обугленный осколочек звезды.
Горюет, плачет горше и сильней.

Как спрятать боль? Я не ждала гостей,
И ни о чём невольно не просила,
Но вдруг ударил в окна сноп огней,
Вошел луч солнца, и нездешней силой

Наполнились слова. Вновь на порог
Взошли надежды, изгнанные тьмою.
И возвращений радостных итог –
Их спутница заблудшая мечтою

Вдохнула жизнь в меня. Я ни о чём
Их спрашивать не буду – всё пустое.
Они вошли вдвоем, к плечу плечом,
Снимаю траур радостно – нас трое!

На гвоздь повешу шляпы и пальто,
И тапочки подам. За разговором певчим
Чай с мёдом пьем, и в думах о простом
Мне на душе взволнованней и легче.

КАК КОРОТКА ЖИЗНЬ!

Как скоротечна жизнь, как коротка!
И человек так часто недоволен:
То звёзды далеки, то ночь близка,
То малое дано, то большего достоин,
То радует судьба, а то грозит обманом,
То в небо увлекает, когда земля зовёт,
То бережёт от бед, то шлёт их неустанно
И в землю возвращает, прервав его полёт.

Потоком времени уносится земное:
Владычества былые, мощь держав,
Большие, малые народы, – всё мирское.
И нас ждёт череда его расправ:
В песок и в пыль всех обратят века,
И времени могучая река
Взметнёт наш прах над высью вечных гор
И вынесет последний приговор –

Развеет над землёй и над морями.
А что останется? Лишь песня о былом,
Как к роднику припав, нам пить её горстями –
Рассказы об ушедших, о живом, –
О том, что было. Пусть потомки знают,
Пусть вслушаются в песни наших гор
И, всей судьбой сквозь почву прорастая,
Хранят свой дом всему наперекор.

Перевод Миясат Муслимовой

От редакции

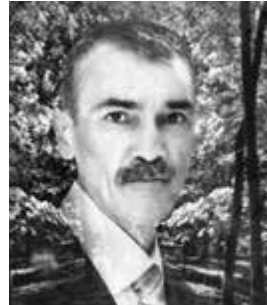
Представляем вашему вниманию интервью М. А. Котляровой с Дж. П. Кошубаевым – редактором книжного издательства «Эльбрус» (Нальчик), автором книг: «Логос без имени» (2002), «Абраг» (2004), «Палимпсест» (2008), «Иное небо» (2012), «Прозрачные тени» (2016), «Обратный переход: штрихи к портрету Георгия Яропольского» (2017), «Сподвижники времени: слово и искусство» (2020).

ПОЭЗИЯ – ЭТО СВОБОДА ДУХА

(К 60-летию Джамбулата Кошубаева)

– Поэзия не имеет возраста, а поэт, как и обычный человек, взростеет и отмечает юбилей. Подводит некие итоги.

– Да, 60 лет, это, конечно, возраст и опыт, который никуда не приложишь. Жизнь так устроена: что ты сделал, то и остается. Мечтания и благие помыслы ничего не значат, если нет их реализации. Человек обычно склонен себя недооценивать или переоценивать. Я стараюсь избегать переоценки. Считаю очень непродуктивным пребывать в прошлом, о чем-то сокрушаться. Лучше думать о том, что впереди, невзирая ни на какие юбилеи. Важно то, что происходит сегодня, что делаешь сейчас, что сможешь сделать завтра.

Дж. П. Кошубаев

– То есть главная установка – труд?

– Безусловно. Именно общественно полезный, значимый труд. К сожалению, мы живем в перевернутое время. Когда произошла великая катастрофа – крушение Советского Союза, я это воспринял как самую большую трагедию. СССР обладал огромным потенциалом для дальнейшего развития, были грандиозные свершения и великие цели. Цели, как и идеология, должны быть, без них невозможно ни движение вперед, ни единство. Мы до сих пор ощущаем негативные последствия этого крушения во всех сферах, в том числе и в литературе. Ее место и значение сильно изменились.

– Насколько сильно? Всё же почти полвека разумного наблюдения.

– Мне представляется, что изменились кардинально. Прежде всего, исчезло в стране единое литературное поле. Литература приобрела региональный, местечковый характер. Во-вторых, возник огромный неконтролируемый поток интернет-литературы, который и осмыслить-

то не представляется возможным. Разве можно поставить по значимости в один ряд имена лауреатов премии «Большая книга» с именами Распутина, Айтматова, Кулиева или Танзили Зумакуловой? Сейчас мы видим, какие происходят в стране сдвиги, изменения. Дай Бог, чтобы это дало толчок чему-то хорошему и в литературе.

– ***Вы это хорошее как видите? Уже ведь не таким розовым взором, каким когда-то смотрели в будущее. Ведь доминирует мнение, что чем дальше, тем хуже.***

– Я с этим не соглашусь.

– ***Почему?***

– Жизнь так устроена, что времена всем поколениям достаются трудные. И особенно трудно бывает тому, кто занят настоящим делом. Сталкиваясь с неизбежными препятствиями, он вынужден преодолевать их и при этом совершенствоваться. Просто природа человека такова, что он стремится всегда к лучшему. Это его внутренняя потребность.

– ***Может, и потому, что литература в том числе убедила его, что человек рожден для счастья?***

– Безусловно, человек рождается для счастья. Я не считаю, что именно литература убедила его в этом, она лишь озвучила эту аксиому. Вообще стремление к счастью, к красоте, к любви, к справедливости изначально заложено в человеке.

– ***А к преодолению препятствий? Это не закладывается?***

– Знаете, закладывается. Думаю, что люди рождаются с этим, с характером. Характер – это судьба. Насколько человек разовьет-не разовьет свои лучшие качества, поймет вообще свой характер и правильно с ним справится – от этого многое зависит.

– ***Эти представления в Вас заложила бабушка, которая Вас воспитала? Именно она сыграла главную роль в том, что Вы стали писателем и поэтом?***

– Сара Шумафовна Аутлева, моя бабушка, была для меня всем. Именно она определила многое в моем мировоззрении. Я называл ее мамой. В жизни так сложилось. Она была фольклористом, кандидатом филологических наук, автором первого в истории адыгской фольклористики монографического исследования, посвященного адыгским историко-героическим песням 16-19 веков. Жизнь у нее была сложной, многотрудной и в то же время удивительной. Я рад, что в 2020 году к 100-летию бабушки я смог выпустить том ее «Избранных трудов» и книга оказалась востребована. Все, кто знал Сару Шумафовну, вспоминают о ней как об особенной личности, живом носителе адыгской культуры и этикета.

– ***Вы же адыгеец...***

– Я родился в Майкопе. Мой отец – Пшимаф Карбечевич Кошубав, народный писатель Республики Адыгея. Наша семья переехала в

Нальчик в 1967 году. Через пять лет моя мать Мира ушла из жизни, и моим воспитанием занималась бабушка.

– *А мама, она тоже занималась наукой?*

– Она работала в институте усовершенствования учителей, готовилась поступать в аспирантуру, уже были первые научные публикации. Мама была очень одаренным человеком – прекрасно шила, рисовала, любила книги.

– *Есть у какой-нибудь из Ваших книг своя особая история? Или они все одинаково Вам дороги, потому что каждая из них создавалась в таком особенном состоянии?*

– Все книги одинаково дороги. Если, к примеру, говорить о «Палимпсесте», эссе о Лермонтове, я очень долго к нему шел. Говорить о великом русском поэте крайне сложно. Потому что о нем писали такие выдающиеся исследователи и писатели, как Андроников, Мануйлов, Григорьян, Висковатый, Кайсын Кулиев. Но когда любишь поэта, всегда кажется, что ты тоже можешь что-то свое сказать или высветить новую грань его творчества. Я очень надеюсь, что у меня это получилось.

– *Вам ведь тоже кажется, что он очень современный поэт, Лермонтов?*

– Как и всякий классик. Классики чем отличаются? Они проникают в самую суть вещей, в такие глубины человеческой природы, что время долго не может поколебать их открытия. Их творчество остается актуальным и современным и переходит из века в век. Такая счастливая участь выпадает немногим.

– *В романе «Абраг» ощущается чувство Вами национального фольклора, а не только знание его. Там есть и боль, и сострадание...*

– Нартский эпос – бездонный кладезь. Я понимаю, что роман, замысленный на его основе, предполагал определенную дерзость. Благодаря бабушке, фольклор сопровождал меня с детства. Когда я, повзрослев, стал вчитываться в текст эпоса, с удивлением обнаружил, как тесно он соприкасается с днем сегодняшним. Эпос содержит ответы на многие вопросы современности и многое объясняет в нас нынешних, какие мы есть и почему. Все это вылилось в конечном итоге в роман.

– *Два года назад вышла Ваша книга «Сподвижники времени: слово и искусство». Там собраны статьи и интервью со знаковыми личностями в нашей культуре, с некоторыми Вы сотрудничали, работая в издательстве.*

– Газетная журналистика дала мне возможность общаться с широким кругом творческих личностей. А в издательстве это общение происходит уже на другом, более глубоком уровне. Мне посчастливилось,

например, быть редактором двух книг доктора культурологии Фатимы Урусбиевой. Она не могла не восхищать качеством мышления, качеством видения литературных проблем. Фатима Анваровна была выдающийся литературовед; в истории литературоведения Кабардино-Балкарии ее имя, влияние надолго. К ее трудам будут постоянно обращаться и учиться у нее.

– *Кстати, о Ваших учителях...*

– Я учился в 5-й нальчикской школе, учителя там были замечательные. Замечательны тем, что были внимательны, равнодушны. Благодаря им я попал в литературное объединение «Горный родник», которым руководила знаменитая Антонина Васильевна Рыжеволова. В девятом классе я познакомился с нашим известным писателем Валентином Григорьевичем Кузьминым. Он меня направил на семинар молодых писателей при Союзе писателей Кабардино-Балкарии. И, конечно, следует вспомнить университетских преподавателей. Поддержка и заинтересованное отношение с их стороны ощущались всегда. Я благодарен всем, кто вкладывал свои знания, силы и время в наше образование.

– *Наверно, отдельно надо сказать про поэта Георгия Яропольского...*

– Редкий день, чтобы я не вспомнил, не подумал о нем. В нашем поколении он был самый яркий, самый талантливый, самый преданный призванию поэт и литератор. Мне Георгий очень не хватает.

– *Вы написали, что он был потрясающий друг.*

– Дружба с годами понимается по-разному. В детстве хочется, условно говоря, бегать с другом, взявшись за руки, не расставаясь. Потом понимаешь – не обязательно каждый день видеть человека, слышать его. Достаточно знать, что он есть. Георгий был надежный, абсолютно бескорыстный друг и обладал потрясающим мужеством.

– *Хотелось, чтобы Вы сказали о своем восприятии нашей местной литературы, ведь зачастую мы видим ее недооцененность именно нами самими.*

– По моему мнению, кабардинцы и балкарцы – счастливые народы, поскольку они имеют очень развитые литературы, которыми по праву можно и нужно гордиться и которые ни в чем не уступают другим национальным литературам России. Возьмем, к примеру, балкарскую литературу. Это Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Танзила Зумакулова, Магомед Мокаев, Ибрагим Бабаев, Али Байзулла. Творчество каждого – необозримое поле для научного и художественного осмысления, для написания монографий. Их творчество богато, глубоко, современно и еще долго-долго будет занимать ум и сердце читателя. Как и творчество кабардинских писателей – Бекмурзы Пачева, Алима Кешокова, Али Шогенцукова, Бетала Куа-

шева, Лиуана Губжокова, Афлика Оразаева, Анатолия Бицуева, Хабаса Бештокова. Это состоявшиеся литературы.

– *Давайте вернемся к Вашей книге «Сподвижники времени: слово и искусство». В ней Вы и литературовед, и искусствовед. А самое главное, раскрыли время, в которое герои Вашей книги себя проявили, в 90-е годы прошлого века...*

– Да, замечательное было время, очень насыщенное событиями в культуре.

– *Так, может, в этом есть закон, когда происходит перелом, слом каких-то установок и смена эпох, грубо говоря, у творческого человека большие возможности увидеть что-то новое?*

– Удивительно, что именно в трудные времена что-то большое происходит, рождается в искусстве. У того же Георгия Яропольского самый плодотворный период приходится именно на эти годы. Вспомним и театр «Коврик», его создателя и вдохновителя Казбека Дзудтагова. Мы были очень богаты в культурном плане в те годы.

– *И мне кажется, что мы становимся все богаче. Мой опыт общения с молодежью, а он у меня достаточно большой, свидетельствует, насколько содержательные поколения идут нам на смену.*

– Мне тоже приходится общаться с молодежью. Интересно вообще следить за тем, как нынешние молодые люди мыслят и что их интересует.

– *Вы замечаете в них больше позитива, чем было у нас, или Вас что-то другое в них удивляет или радует?*

– Мне кажется, у них больше свободы. И это, с одной стороны, хорошо для самореализации. А с другой стороны, так можно потерять свою национальную самобытность, поддавшись чарам глобализации. Чары пройдут, и что останется?

– *Я знаю, что у Вас есть муза, есть поддержка, потому что Вы целый раздел сборника «Прозрачные тени» посвятили – и это не совсем привычно в национальной литературе, национальном обществе, – своей супруге Асе Додуевой.*

– В жизни очень важно и ценно найти своего человека, это едва ли не самое главное. У Микеланджело есть одно короткое, но емкое стихотворение: «Любую боль, коварство, напасть, гнев // Осилим мы, вооружась любовью».

– *Вернемся к литературе... Чего ожидаете от нее в будущем?*

– Скажу очень просто: хотелось бы увидеть много талантов. Разных. Талант решает все.

– *А талант кто воспитывает? Жизнь?*

– Талант дается от Бога. Должно сойтись много всего, чтобы талант реализовался и явил себя. Настоящее Слово всегда находит дорогу к сердцу. Так было всегда. Так оно и будет.

СТАРИННОЕ ФОТО

Всегда серьёзные на вид –
из вечности взирают в вечность.
Запечатлел дагерротип
их простоту и человечность.

По моде безвозвратных лет –
кинжал, папаха и черкеска.
Им, пережившим столько бед,
дана на время передышка.

Они не знают, что грядут
и революция, и голод,
и на расстрел уже ведут
того, кто верен, чист и молод.

Все впереди, и здесь пока
они с уверенностью в завтра
спокойно смотрят. Лишь слегка
тень набежала от чинара.

Над Саур-Могилой ветер –
ветер доблести и славы,
ради жизни – против смерти
здесь солдаты умирали.

Встали новые герои –
не для славы, ради чести,
и Саур-Могилу с боем
снова взяли, с вами вместе.

Будут нечисти штандарты
к вашим брошены могилам –
пусть спокойно спят солдаты –
правда, брат, и вправду – сила!

БРЕЙГЕЛЕВСКИЙ МОТИВ

Рае Кучмезовой

1

Белеет снег. От холода дрожат собаки.
Охотники спускаются с холмов.
Им видятся уже очаг и тёплый кров,
тяжёлые с трудом передвигая ноги,
охотники спускаются с холмов.

2

С утра был гон. Звенел собачий лай –
они гнались за перепуганной лисицей –
от смерти ей уйти не удалось.
С нелёгкой, но заслуженной добычей
охотники спускаются с холмов.

3

И скоро, разомлевши от тепла,
они раскурят трубки и расскажут,
как страшен лес, про поиски следов
и про дракона, что живёт в пещере, –
охотники спускаются с холмов.

4

– Я говорю, драконов было два,
тому свидетель – рыжая лисица.
Из первых слышал уст – не с чьих-то слов! –
Ну как поверить в эти небылицы?!
Охотники спускаются с холмов.

5

Все глуше голоса и разговоры:
– ...какою снежной выдалась зима...
– ...а главное – вернулся жив-здоров...
– ...корова отелилась, молока...
Охотники спускаются с холмов.

6

Снег быстро заметёт следы шагов,
и надо проследить, чтоб не отстали
ни юный Питер, ни хвостатый Плут,
за партией плетущийся устало.
Охотники спускаются с холмов.

Не гладиаторы – варвары праздные,
мы на арене стоим Колизея.
Каменным ложа
смешны и ничтожны
зрелища наши
и пресен наш хлеб.
Им, воочию видевшим Цезаря
и бога Поллара,
вселявшего ужас в сердца, –
мы непонятны.
Солнцем согретым,
изнеженным варварам
трудно представить,
что Ужас – прекрасен,
что в колеснице бога войны –
не Марс, а мы сами,
и правит могучей квадригой
возница Поллар – Ужаса бог.
Варваров праздных
тени скользят по камням,
их голоса отдаются
эхом приветствий
идущих на смерть.

РАЗГОВОР С МИКЕЛАНДЖЕЛО

I

Вверх по стропилам – к чистому небу капеллы:
от сотворения мира – до Судного дня
путь бесконечен.
Кто совершенства в душе не таит – тому
уповать бесполезно
на вечные муки искусства –
он отлучён от огня.

II

И весь я выгнут, как сирийский лук.
Буонарроти Микеланджело
Что чувствовал Буонарроти,
когда последний положил мазок,

Сикстинский обессмертив потолок?
Титан, своей не узнающий плоти,
что чувствовал?
След гневного отчаянья
оставил молоток.

III

Я слышу голос твой –
глухой и низкий,
так о скалу
тяжелый молот бьет,
пытаясь вырвать
у нее из тела
живого мрамора
торжественную плоть.
Я вижу взмах
твоей могучей длани –
чтоб красоту извлечь
из тьмы молчанья –
тебе дарована была
божественная мощь.
Я чувствую, как сердце
Страх и Трепет
пронзают перед тем,
как явишь ты –
удар последний – образ
живой «Пьеты».

IV

ПЬЕТА РОНДАНИНИ

1

Моля не оставить его,
лицом прижимаясь к руке,
беспомощно тело
прильнет напоследок
к уходящей душе.

2

Тело прильнуло к душе
или душа к телу –

не разобрать:
перестал быть камнем камень.
Ваять
рука не устала
и много еще
сказать бы успела,
да время приспело
самому
на чужих руках
тяжестью стать онемелой.
Колебался. Но верой своей
одолевал страх.
Знал – предстоит остаться в веках
символом совершенства,
знал, сомневаясь в совершенстве своем,
поскольку шел к горизонту
и всегда
отодвигал горизонт.
Видел – приближается час.
До последнего вздоха
творил неустанно,
словно сам себя
умножал многократно.
Слыл неуживчивым.
Можно подумать,
что булочник или жена мясника
к людям терпимей.
Терпеть – особое нужно искусство.
Работал, не разгибая спины –
потому
неуживчивым слыл у бездельников.
Что до любви –
вся она перед вами.
И если хоть кто-то
так был любим
и способен любить,
то имя ему –
Микеланджело Буонарроти.

Не выразить страдания и счастья,
когда так равнодушна и прекрасна
ты мимо дома проходила моего.
Ромео и Меджнун с их силой страсти

не ведали и сотой доли власти
тех чувств, что овладели мной.

Так под базальтом огненная лава,
до времени сокрытая от глаз,
кипит и ждёт назначенного часа.

ТРЕПЕТ

Асе Додуевой

1

У слов любви священное есть право,
Когда уже напрасны все слова,
Пробиться к людям тихим словом правды,
Как через камень пробивается трава.

Каким бы ни казался беспросветным,
Каких бы мир ни насылал нам бед, –
В начале было Слово, и об этом
Поведать мог лишь истинный поэт.

И мы равняем это Слово с хлебом,
Его мы превращаем в острый меч.
Но счастливы лишь в час, когда под небом
Звучит любви взволнованная речь.

Дать голосам любви минувших лет
Услышанными быть – тебе, сонет.

2

Услышанными быть – тебе, сонет,
Вверяли чувства Данте и Петрарка,
И в наши дни пленяется поэт
Твоей гармонией бесстрастной.

Холодный опыт и глубокий ум
Безудержной не терпят страсти.
Хоть строг сонет, любви безумств
Он не избегнет соучастья.

Под мраморной суровостью его
Любви таится огненная лава,
Ему под силу удержать её –

Прочнее слов не существует сплава.

Рискну, огранив каждую октаву,
Их заключить в алмазную оправу.

3

Их заключить в алмазную оправу –
Живые чувства трепетной любви.
Ты сердцу своему найди управу
И все забудь, чтоб снова оживить.

Чтоб засверкали блеском первозданным,
Как в первый день творенья своего,
Роса в траве, звезда на небе дальнем, –
Как отраженье красоты Её.

Любовь во всем – и в малом, и в великом,
Она проста, не требует прикрас.
Я освещён твоим прекрасным ликом,
Мне ввек не отвести влюблённых глаз.

Тебе, любимая, любви прощальный свет
Доверил я на склоне моих лет.

4

Доверил я на склоне моих лет
Тебе одной и жизнь мою, и слово.
И знаю я, сомнений в этом нет,
Ты здесь из мироздания иного.

Скрещение невидимых миров –
Наш путь предначертали звезды.
Любовь твоя – основа из основ
И путь блаженства, и страданий крестных.

*«Любую боль, коварство, гнев, напасть
Осylim мы, вооружась любовью» –
Мы помним, как молитву, чтоб не пасть
Под гнетом зависти и суесловья.*

На острие пера и нежность, и отвага –
Стих за стихом ложится на бумагу.

5

Стих за стихом ложится на бумагу –
Меня страшила белизна листа.
Темнеет небо, набирая влагу, –
Предвестьем речи мучит немота.

Не верь тому, кто скажет: слов не надо.
Не надо слов, что сеют зло и страх.
Слова признаний юны и крылаты,
Из века в век звучат они в устах.

Поэты лгут в отсутствии таланта,
Избытком в крови пролитых чернил.
Поэзия – ни в чем не виновата,
Влюблённых защитить достанет сил.

Поэзия любви идёт на бой –
Отважных рыцарей непобедимый строй.

6

Отважных рыцарей непобедимый строй –
Качаются знамёна и плюмажи.
Порой любовь похожа на разбой,
Сдаётся крепость, преданная стражей.

Но незавидна участь рыцарей иных,
Кто верность данному храня обету,
Всю жизнь вдали от гордых дам своих
В их честь свершают подвиги по свету.

Пред тем как твой переступить порог,
Я был во тьме, в своих скитаньях дальних,
И на чужих пирах я изнемог –
Я ждал тебя, я был разлукой ранен.

И строю чувств моих – назад ни шагу! –
Я знамени любви давал присягу.

7

Я знамени любви давал присягу,
И ей не изменю – ни мёртвый, ни живой.
Я с благодарностью в сырую землю лягу
Лишь потому, что ты была со мной.

И знаю точно: надо мной не властна
Судьбы и времени карающая длань –
Забвение покроев тех бесстрастно,
Кому любовь не наносила ран.

И даже раненный тобой смертельно,
Твоей пощады я не попрошу –
Ты овладела мною безраздельно,
Одной тобой и грежу, и дышу.

И до своей минуты роковой
Я остаюсь – бессменный часовой.

8

Я остаюсь – бессменный часовой.
Но юный караул спешит на смену,
На горизонте – чёрный вестовой
С известьем неизбежной перемены.

Как все живое, мы заплатим дань,
Хотя не каждому, увы, под силу
Принять с улыбкой приглашение на казнь –
На собственную казнь в кругу любимых.

И ветер гонит дым, и развеивает прах,
И, кажется, что некуда деваться:
Когда угас огонь и не горит очаг –
Нет смысла больше в доме оставаться.

На отмели под солнцем рыбы бьются –
Мелеет жизнь, но не скудеет чувство.

9

Мелеет жизнь, но не скудеет чувство,
Хоть голова предательски седа,
Я, как Адам, не избежал искуса
И мы вкусили грешного плода.

Без радости и не имея воли,
Среди красы невиданных зверей
Бездумно мыкать век – вот это горе,
И вряд ли что-то может быть страшней.

И коль другого нет пути познания,
И лишь любовь открыла нам глаза
На совершенство тел и мироздания,
То грех такой и осудить нельзя.

О как волнует звук твоих шагов!
И снова не хватает точных слов.

10

И снова не хватает точных слов.
«Люблю» – неужто в этом слове
Я пред тобой предстану юн и нов,
Поверить в это – разве не смешно ли?

«Всю душу выставляет напоказ», –
Ты говоришь с насмешливой улыбкой.
Когда б услышал от тебя хоть раз
«Люблю!» – ты слова избегаешь, как ошибки.

И все ж другого слова в мире нет.
Пять букв всего, но ты попробуй
Произнести: «Люблю». В ответ
Услышишь ли его звучащим робко?

Мой юный друг, без всякого занудства,
Я повторяю, что любовь – искусство.

11

Я повторяю, что любовь – искусство,
Из всех искусств не сыщется сложней.
Оно не переносит почувствования,
В его палитре нет полутеней.

У подмастерья – ни холстов, ни краски,
Да и уроки не у кого брать,
Пока он сам своей тоски и страсти
Не переплавит в пламенную страсть.

Но даже и тогда он не достигнет
Заветной цели, если рядом с ним
Не будет сердца, что дороже жизни, –
Одной любви, дарованной двоим.

Мы верим лишь тогда искусству слов,

Когда горячая его питает кровь.

12

Когда горячая его питает кровь,
Для сердца нет преграды и предела.
Оно готово умереть, чтоб вновь
Торжествовала жизнь – цвела и пела.

О если бы все было только так,
И лишь в стихах встречались *кровь с любовью*.
Безумно время: не любовь – теракт
Рифмует смерть с непреходящей болью.

Пусть кровь кипит, не покидая жил,
Пусть будит вдохновение поэта.
Чтоб словом оберечь того, кто в жизнь вступил,
Кому любовь и мир подарят море света.

Любовь над нами – вечное светило,
Бессмертен тот, чьё сердце озарила.

13

Бессмертен тот, чьё сердце озарила
К живому миру вечная любовь,
И счастлив тот, чья сила пробудила
Чужой души нетронутую новь.

Тобой не околдован – обессмертен,
Ведь что мне смерть, когда передо мной
Сиянье глаз, которыми отмечен,
Небесный ангел – ангел мой земной.

И если превращусь я в камень,
Навеки облика лишившись своего, –
Настанет час, и трепетным касаньем
Меня ты вызволишь из плена моего.

Есть в жизни чудо – ты его явила –
Любовь, что движет солнце и светила.

14

Любовь, что движет солнце и светила, –
Божественных терцин последний такт.

И Дантово великое творенье
Терцина эта держит, как Атлант.

Все начинается с последней этой строчки,
И жизнь была б бесцельна и пуста
Без слов любви, взволнованных отточий,
Всегда звучащих с чистого листа.

Не высказав и самой малой доли,
Себя я утешаю только тем,
Что и в росинке отразятся лес и поле,
Пред тем, как ей исчезнуть насовсем.

И слышится в Саду со вздохом: Авва...
У слов любви священное есть право.

15

*У слов любви священное есть право –
Услышанными быть, – тебе, сонет,
Их заключить в алмазную оправу
Доверил я на склоне моих лет.*

*Стих за стихом ложится на бумагу,
Отважных рыцарей непобедимый строй.
Я знамени любви давал присягу,
Я остаюсь – бессменный часовой.*

*Мелеет жизнь, но не скудеет чувство,
И снова не хватает точных слов.
Я повторяю, что любовь – искусство,
Когда горячая его питает кровь.*

*Бессмертен тот, чьё сердце озарила
Любовь, что движет солнце и светила.*

РЕКВИЕМ
ПО ГЕОРГИЮ ЯРОПОЛЬСКОМУ

1

Ты слышал, как в щель меж мирами
врывается и воет надсадно ветер:
«Настрадаешься!»

Ты бесстрашно ему отвечал, словно вызов,
его принимал и поднимал перчатку:
«Да, настрадаюсь!»

Ты принимал страдания, как радость,
как награду за трудное счастье –
любить.

Ты говорил пиитам: «Мало крови в чернилах,
мало». В твоих – не осталось чернил, чтоб к себе
не испытывать жалость.

Любить и страдать – два ремесла поэта,
без которых тоскующий ветер –
это просто сквозняк.

2

Задумчиво холмы лежат окрест.
Не каждый холм – Голгофа,
спасителен – не каждый крест.
Припоминается – в начале было Слово...
Сомненье: вправду ли воскрес?..

3

Из глины слепивший,
Отец мой небесный,
мне очи отверзший
и пламя зажёгший
в груди,
и слово вложивший,
и слух мой открывший, –
зачем я тебе?
Ни света, ни тьмы.
Только голос из бездны:
– Восстань и иди!

4

Печальной радости избранник,
какую песню ты поешь?
И почему – по сердцу дрожь –
о Человеке – скорбь и радость?

5

Мне трудно представить тебя
идушим ко Гробу Господню,
тебя, потерявшего Ад,
но сохранившего веру
в спасительность Слова.

И все ж, преклонив чело,
ты в низкие двери вошёл,
и может, в мгновение это
ты гордость свою преклонил
и веру обрёл, что Ад
существует.

6

Мы спустились с холмов –
Холмов Хлама
двадцатого века.
Мы делили по-братски
и хлеб наш насущный,
и кров.
Тебя звали – Орфей,
хоть и смертным ты слыл
человеком,
и по жилам твоим
бежала горячая кровь.

И открылись пред нами
свинцовые воды
неподвижного Стикса.
И Харон уже ждёт,
закрыв капюшоном лицо.
Мы прощаемся здесь –
ты в скорбную лодку садишься,
и ладья исчезает
в нависшем тумане густом...

7

Быть может, было все не так...
Вслед за Орфеем Эвридика
сошла в Аид

и там его нашла,
чтоб вывести на свет.
И свет был близок.
Но не хватило
сделать два шага.

Аид не отпустил певца,
когда увидел свет её лица,
когда услышал,
как дрожит темница,
как смерти власть
ничтожна и пуста.

8

Вычитание. В остатке – тело,
легче тростника.
Все, что так рвалось и пело,
смогло на века.

Скорбь на сердце. Оправданья
ранней смерти нет.
Смерти нет. Есть расстояние –
не преодолеть.

Один и тот же сон,
одно виденье –
кизил цветёт, кизил,
и белоснежных лепестков
круженье,
и живы все,
кого ты так любил.

Гудит пчела –
и мёд, и яд былого,
кружится память
от цветка к цветку,
и верю я –
все повторится снова,
когда и я
за вами вслед уйду.

Об авторе

Валерий Анатольевич Латынин родился в 1953 году в донской станице Константиновская (ныне город Константиновск) Ростовской области в семье учителей. Окончил Алма-Атинское (Казахстан) высшее общеобразовательное командное училище имени маршала И. С. Конева (1974) и Литературный институт имени А. М. Горького (1987). Служил в Прикарпатье и Закарпатье, на Севере, в Сибири и Москве. Полковник запаса. Более двадцати лет отдал военной журналистике, пройдя путь от корреспондента дивизионной газеты до сотрудника центрального военного журнала «Советский воин» и старшего редактора редакции художественной литературы Военного издательства.

Член Союзов писателей России и Сербии, Международной ассоциации писателей-публицистов (МАПП), почетный член Содружества сербских писателей, член Академии славянской литературы и искусств (Болгария, Варна), член правления Союза писателей России, председатель Совета по национальным литературам СП России, автор более 40 книг поэзии, прозы, поэтических переводов, изданных в России, Сербии, Болгарии, на Украине, в Грузии, Черногории, Азербайджане.

Произведения В. Латынина переведены на двенадцать языков народов мира, изданы отдельными сборниками, а также вошли во многие отечественные и зарубежные антологии. Многие стихи поэта положены на музыку и стали популярными песнями.

Валерий Анатольевич – победитель VIII Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо», лауреат многих всероссийских и международных литературных премий и наград.

По жизни Валерий Анатольевич, как полагается офицеру и потомственному казаку, подтянут и опрятен, в общении прост, доброжелателен, отличается мудростью и степенностью. Валерий Анатольевич, почетный гость этого номера, является лауреатом Международного фестиваля дружбы «Белые журавли России» в номинации «За лучшие переводы». В числе его мастерских переводов – стихи и поэмы наших земляков Керима Отарова, Бати Балкизова, Петра Хатуева, за что Союз писателей КБР и редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария» выражает ему свою искреннюю признательность.

В этом году Валерию Анатольевичу Латынину исполнилось 69 лет. Прекрасный возраст в жизни человека, олицетворение мудрости, гармонии, приверженности дому, семье, друзьям.

СУДЬБА

Порой судьба гнала взащей,
Своих дверей не открывала,
Но я стучался снова к ней,
И пять, и десять раз, бывало...
О лёгкой доле не просил,
Не хлопотал о «тёплом» месте.
В строю Вооруженных сил
Служил по совести и чести.
И мне подарена судьбой
Одна нечаянная милость –
В суровой жизни полковой
Поэзия ко мне явилась.
Она украсила мой быт
И усладила душу лирой,
И очень даже, может быть,
Приподняла над грешным миром.
Хотя вокруг темным-темно,
Поэзия выводит к свету.
Мне главное судьбой дано –
Быть воином и быть поэтом!

В ГОСТЯХ У ДЕТСТВА

В гостях у детства побывать отратно,
Но, видимо, не каждому дано.
А я кручу судьбу свою обратно,
Как ленту с полюбившимся кино.
Мне повезло, и я хожу, как прежде,
По половицам, вытоптаным мной,
С какой-то окрыляющей надеждой
Соединиться с милой стариной.
Как хорошо, что жив мой домик старый
И сад не весь порублен на дрова.
Что землякам и мне хватает «пара»
На шутки и на добрые слова.
Хмелит вино, а на душе всё легче.
И так приятно погостить в былом,
Где детство обнимает нас за плечи
Своим очаровательным крылом.

НЕ ДАЙ МНЕ, БОГ...

Не дай мне, Бог, дожить до лет таких,
Когда не станет сил или рассудка,
Чтобы не чахнуть на постели с «уткой»,
Третируя болезнями родных.
Пошли мне годы, полные труда,
Общенья, раздумий, обретений,
Чтобы в глаза живущих поколений
Я мог смотреть без боли и стыда.
Позволь быть независимым, прямым,
Добавить миру хоть немного света,
А это значит – русским быть поэтом!
Иные блага оставляй другим.

ТЮЛЬПАНОВЫЙ РАЙ

Тюльпановый рай на Курдае,
Как будто горит перевал.
Холодное сердце оттаёт
У тех, кто в «раю» побывал.
Не снились Голландии даже
Казахских предгорий цветы!
Я там задохнулся однажды
От яркой степной красоты.
Качались цветы-великаны,
Как волны в заливе чудес,
С горячей земли окликали
Бездонные своды небес.
А там, высоко в поднебесье,
Для жарких влюблённых сердец
Пел жизнелюбивые песни
Чудесный пернатый певец.
Тюльпаны в весеннем разливе,
Задорный певец в вышине
Той давней весной разбудили
И грёзы, и песни во мне.

У КАМИНА

Летят в камин листы календаря.
Сгорают дни и месяцы, и годы...
А всё же жизнь дарована не зря,
Она не вся исчезнет в дымоходе.
Построен дом и этот вот камин,
Посажен сад, и сыновья мужают.
Пусть в волосах – немерено седин,
Побеги рода дети продолжают.
А с полоч в душу сборники глядят,
Я не лукавил, книгам жизнь давая,
И мне не стыдно выдержать их взгляд,
Хотя судьбы грядущей их не знаю.
Не всё зависит в жизни от меня,
Но от меня зависит тоже много –
Я сам писал с утра сценарий дня,
Но перед этим обращался к Богу.
Горит огонь в камине, пусть горит.
О днях сгоревших нет сердечной муки.
Жизнь составляет вновь календари
И дай-то Бог, чтоб их дарили внуки.

БЛИЖЕ К ОСЕНИ

Утекает летняя отрада
И мелеет солнечный разлив,
Но ещё пестрят на ветках сада
Ядра яблок, тучи спелых слив.
На рассвете неводы тумана
Тянет над рекою бледный день.
Память птицей рвётся к тёплым странам,
По пятам преследует, как тень.
Отлетали – карантин повсюду!
Будем дома лето провожать,
Радоваться маленькому чуду –
Журавлям, что над селом кружат.
Душу завораживают стаи,
К ним как будто примагничен взгляд.
Каждый раз, как птицы улетают,
Я грущу и жду весной назад.
День – всё меньше, но длиннее думы,

Затихает чувственный пожар,
А в душе перебирает струны
Вдохновенье – светлый божий дар.

ВСЕМУ ЕСТЬ
НА СВЕТЕ ПРЕДЕЛ

Что ни день, то – печальная весть,
Что не стало из близких кого-то,
Словно неотвратимая месть
Жертв своих настигает в полёте.
То ли небо нам мстит, то ль земля
За греховные наши деянья?
Но не думать об этом нельзя
Перед траурным днём расставанья.
Слишком жадно вгрызаемся мы
В материнское тело планеты,
Чтоб за всё, что творится людьми,
Не спросила природа ответа.
Мы, по сути, – лишь мыслящий прах,
Возмнивший своё исключенье,
Позабывший и совесть, и страх
В вечной жажде утех, наслажденья.
Но всему есть на свете предел,
Равновесие видов в природе...
И как страстно бы жить ни хотел,
Нас природа со сцены уводит.
Без разбора, кто в чём виноват,
Попадаем мы все под раздачу...
Вот сгорел раньше времени брат,
Но о нём ли одним нынче плачу?!

ГОРИТ ЗВЕЗДА

День за днём утекают года,
С каждым годом быстрее и быстрее,
Но горит надо мною звезда
Проводницей небесной моей.
На судьбу зря не буду роптать –
Кривопутьем она не вела,
Кем хотел, тем сумел в жизни стать,

Не лишён ни любви, ни тепла.
Честно людям служил и стране,
Но пустили её на распил...
И непросто попасть нынче мне
В те края, что душой полюбил.
И в России теперь, что ни шаг,
Чьи-то земли, на вход в них запрет.
Торжествует Всевышнего враг,
Лихо пляшет под звоны монет;
Наши души купить норовит,
Отчуждает и ссорит людей.
Вроде, краше становится быт,
А людские сердца холодней.
Что нас ждёт на тернистом пути,
Кто из ныне живущих поймёт?
Всё же, звёздочка, ярко светит –
Не окончен ещё мой поход!

ГОЛОС СОВЕСТИ

Ещё не время подводить черту,
Но каждый день об этом думать надо,
Чтоб не предать заветную мечту,
Не обделить любовью тех, кто рядом.
Накатывает валом суета
И носит нас по жизни, словно пену.
Амбиции и прочая тщета
Подтачивают совесть постепенно.
А нужно-то одной лишь ей внимать,
Её укоры со смиреньем слушать.
Она подскажет, как нам поступать,
Когда соблазны понукают душу.
Как этот мир, соблазны не новы,
А щит от них – скрижали Моисея.
Задумайтесь, когда вы не правы,
И Вседержитель горести развеет.

ОТПОВЕДЬ

«Никто никому не обязан», –
Сказали друзья в трудный час.

И разом был узел развязан,
Что много лет связывал нас.
Никто никому не обязан...
Живите, коль совесть простит,
По логике рыночных связей,
Под светом хрустальных планид.
Ходите с дежурной улыбкой,
С дежурной готовностью слёз,
Завидуйте роскоши липкой,
Соседу, что в «Волге» подвёз.
Храните себя от соблазнов
Быть добрыми не напоказ.
«Никто никому не обязан» –
Девиз, подходящий для вас.
А я от рожденья обязан
За жизнь, за судьбу, за мечту
Деревне, родителям, вязам,
Что около дома растут,
Учителю в старенькой школе,
На кладбище скорбным крестам,
Кормящему русскому полю,
Учившим меня городам...
Я мучаюсь в поисках фразы
Не ради журнальных побед,
Пишу потому, что обязан
Держать перед миром ответ.

ТРЕВОЖНЫЙ СОН

Ты снова плакала во сне –
Видения смутили душу.
Прижмись, любимая, ко мне
И ровное дыханье слушай.
Ночные призраки уйдут,
Лишь только прошепчи молитву.
Над нами ангелы ведут
Невидимую людям битву.
Непросто выживать сейчас,
Так много демонов повсюду,
Но воины Христовы нас
Спасать по нашей вере будут.
Молись. Не верь в победу зла.

Молись и действуй во спасенье.
Молитва многим помогла
Спастись не только в сновиденьях.

ВСЮ ЖИЗНЬ ЧЕГО-ТО ЖДУ

Всю жизнь чего-то жду от почтальонов,
От дней грядущих, теленовостей...
Один из очень многих миллионов,
По существу, не выросших детей.
Мир – стройплощадка. Каждый в нём – строитель.
Что сам построишь, в том и проживёшь.
Но в череде предвиденных событий
Интуитивно всё же чуда ждёшь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ БОЛГАРИИ

Ещё лечу, согретый солнцем юга,
В идущие над Родиной снега,
Но в сердце грустно завывает вьюга
И чувственная буйствует пурга.
Как радостно на юге, безмятежно.
Метёт хвостом осенний листопад.
И можно быть несуетным и нежным,
На песенный настраиваясь лад.
А над Россией – хмурое ненастье,
Зима вступает в долгие права.
Так хочется, чтоб жгучий лучик счастья
Сквозь снежные пробился покрова,
Погрел ещё, отпугивая стужу,
Пообещал грядущее тепло,
Чтоб солнцем зацелованную душу
Снегами до весны не замело.

ТАК КТО ЖЕ МЫ?

Кровавые сюжеты давят душу.
Свихнулись сценаристы на крови.
Так просто мир, доставшийся нам, рушить
И не под силу – строить на любви.

Так кто же мы: разумные созданыя,
Чтоб связь со всей Вселенной осознать,
Иль штрафники, заложники изгнания,
И не отмыть нам Каина печать?!

ГРАНИЛЬЩИК СЛОВ

Гранить слова, друг к другу подгонять,
Уподобляя дивным самоцветам...
Такое счастье в жизни испытать
Не всем дано, а только лишь поэтам.
Весь мир иным богатством увлечён –
Он думает о прибыли, о вкладе.
Поэт в корыстном обществе смешон,
Но с промыслом Господним не в разладе.

СКИФСКАЯ РЕКА

Дон – по-скифски – вода.
Я возвращён этой скифской рекой.
Возвращаюсь сюда
Каждый год на свой берег родной.
Уж не тот сельский быт.
Всё и всех изменяют года.
Я почти здесь забыт.
Только тянет и тянет сюда,
Чтоб увидеть свой дом,
Чтоб родных и друзей навестить,
Чтоб о чём-то своём
У могилы отца погрустить...
Вольный ветер в степи
Гладит волосы отчей рукой.
Здесь мой род древний спит,
Став землёю и славой донской!

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Смысл жизни – в разумном начале:
В стремлении мир познавать.
В раздумьях о Боге ночами,

С которыми век вековать.
Смысл жизни – в любви и страданье;
В полёте из сонных тенет,
Когда к огонькам мироздания
Добавишь свой праведный свет.
Смысл жизни – в её продолженье,
В растрате себя для детей;
В нерабской работе; в служенье
Душе неподкупной своей...
Смысл жизни не нов, как планета,
Но всё же не первые мы
В недалёкую истину эту
Крадёмся на ощупь из тьмы.

НЕ НАПОМИНАЙТЕ...

Не напоминайте про усталость.
Устаю, конечно, устаю.
Только сколько б жизни ни осталось,
Я её в безделье не солью.
Не по мне – пустое прозябанье.
Охи-вздохи – тоже не по мне.
Жизнь прожить хочу не на диване,
А, как русский витязь, – на коне!

Подборку подготовил П. Хату

ЗА ГРАНЬЮ «ОБЫЧНОСТИ»

Творческий потенциал – дело сугубо индивидуальное. Так, во всяком случае, считается. Однако существуют и подразумеваемые нормы объёмов сделанного художником. Или писателем. Или музыкантом. Известное наследие Пушкина – около полутысячи произведений, включая его прозу и лёгкие альбомные наброски. Приблизительно такое же количество текстов оставил нам Есенин – короткая хаотичная жизнь, но жизнь настоящего поэта. Имя Артюра Рембо обессмертили полсотни стихотворений, Николоза Бараташвили – около сорока.

Как бы то ни было, европейский количественный стандарт в современном его виде не поднимается выше тысячи художественных текстов – за редчайшими исключениями. Человек, заявляющий, что им написаны тысячи произведений, тем более – человек находящийся в зоне прямого доступа, живущий рядом с тобой – уже вызывает подозрение, на ближней границе которого – простое недоверие.

Выбиться за жёсткие рамки стандартных имиджевых положений, практически, невозможно – особенно в наше время, в котором просто талант, проявленный в тексте, без соответствующей, доведённой до совершенства техники, как правило, игнорируется. И этот возросший уровень требований к подаче произведения – не только к формальным его параметрам, но и к изощрённости и оригинальности концепции, убедительности образного воплощения и т.п. – скорее всего, естественен и даже неизбежен. Цивилизация как форма эволюции биологического вида *Homo sapiens* попутным эффектом имеет не только переход на цифровые камеры, но и постоянно возрастающее количество пикселей на единицу площади.

Однако... «Псигусов Асланбек Хазретович... член СП России, почётный академик АМАН. Лауреат Артиады народов России в номинации «Литература и искусство». Обладатель «Золотого Пегаса» в номинации «Литература». Признан лучшим менеджером торговли России, удостоен «Золотого штурвала» им. Солодовникова (г. Москва). Очерк о нём включён в книгу «Знаменитые люди Кавказа». С 2002-го по 2008 г. издал 17 книг...»

В этом отрывке из вступительного слова к сборнику статей к юбилею Псигусова достаточно рельефно представлен сам обладатель многочисленных премий. Диапазон интересов от туристического бизнеса до камерной лирики и прозаической эпопеи свойственен крайне ограниченному количеству людей. Но Асланбек Хазретович не просто

исключителен. Он чрезмерен. Хорошо это или плохо, но он чрезмерен, как цвет на холстах Коровина и Сарьяна, как свет картин Кончаловского. Его песни – а он ещё и поёт! – подавляют, и сравнить их можно разве что с азиатским горловым пением, его живопись (sic!) не знает ничего, кроме спектрально-чистых цветов и рефлексов, ярких, как солнце в зените. Он пишет на русском языке, но системы его образности рафинированно этничны, подчёркнуто и акцентировано «региональны».

И его художественные тексты не вписываются ни в один из развивающихся сегодня векторов литературы – они слишком избыточны в образном плане, слишком насыщены культурными аллюзиями, имеют непривычно густой, почти осязаемый ассоциативный шлейф. Его проза, помимо всего перечисленного, буквально пропитана деталями – антуражными, поведенческими, психологическими; так, что нарратив Псигусова поглощает читателя, «втаскивает» его читателя во время и пространство описываемого – если и не стопроцентно выверенного с исторической точки зрения, то полностью безупречного в своём саспенс-эффекте. Сuggestивную убедительность текстов Псигусова констатируют и критики, и литературоведы, главное же – как отмечал проф. А. Х. Хакушев, в отсутствие историков-ориенталистов, «...знающих древние восточные языки и конкретно занимающихся» вопросами «хеттологии и синдо-меотского государства», кабардинский писатель сумел воссоздать ощущение далёких эпох, причём сделал это, используя этико-эстетические представления национального фольклора, конкретно – свода сказаний «Нарты».

Вероятней всего, именно обращение к этническим системам морали и этики, мироощущения и мирооценки, позволяют Асланбеку Хазретовичу воплощать творческий замысел в плотных, сензитивно насыщенных и достоверных картинах. Это, вне всякого сомнения, сильная сторона его идиостиля, его нарративной и лирической манеры. И именно тотальная интегрированность в этнический контент, составляющая своеобразие Псигусова-писателя, видится причиной неоднозначности восприятия его текстов. Повторимся, для читателя, воспитанного на образцах сугубо европейской перцептивности, Псигусов чрезмерен. Это язычник, находящийся в кругу готической эстетики, запах пота кабардинского скакуна в лавке французского парфюма...

Что, в свою очередь, ставит перед литературным сообществом адыгских, да и в целом новописьменных народов России особую проблему адаптации русскоязычных текстов национальных писателей к восприятию и стандартам «среднего» читателя РФ. Как и каким образом будет решаться данный вопрос, и имеет ли смысл вообще решать его – тема отдельного исследования, но, видимо, стоит помнить, что речь идёт о целом пласте литературы, определяемой как «периферийная», или «ме-

стечковая», зачастую только в силу её уже упомянутой чрезмерности.

Но то, что дозволено художнику, не дозволено современному историку...

В последние десятилетия многие северокавказские учёные углубились в споры – кто из нас древнее других этносов (ну хотя бы на день), в своих выводах они уже добрались до ледникового периода, и точкой опоры при этом является утверждение, что героический эпос «Нарты» «только наш». «Нет – наш!» – отвечают им другие. При наших скромных математических возможностях уже трудно сосчитать, сколько великих народов на маленьком Северном Кавказе. А если серьёзно, то при этом престиж псевдопатриотизма оказывается много выше научной методологии. Мы одинаково не приемлем ни антиэтнический порыв некоторых нарциссов от науки, бомбардирующих гармонию национальной ментальности не адаптированной под неё «чужой» терминологией, ни лобовую идеализацию нашего прошлого, ни театральные стенания по поводу «конца истории» наших народов. Наши народы преодолевали в своё время ещё большие наблюдаемые трудности. Переживут и сегодняшнее отсутствие достойной их интеллигенции.

Кстати, от некоторых соразмышлений, навеянных писателем, обратимся к его лучшему, на наш взгляд, произведению «Сосуко – сын камня». Именно «Сосуко – сын камня» вписывается, на наш взгляд, в эволюцию национально-художественного сознания как индивидуализация мифопоэтических традиций в собственно литературные. Автор реализовал свою художественную задачу в рамках жанра романа-сказания следующим образом: «Сосуко железоглазый рассматривается как символ огня и металла. И гибнет он от металла – колеса жаншерх. И вся его жизнь – это битва не ради корыстных целей, а во имя нартов, хотя они к нему не вполне доброжелательны, называя его «чужим».

То есть лиризация «чужого» Сосуко – героя эпического переходного времени (от каменного века к железному) актуализирует проблему в условиях противоречивой для традиционных культур современной глобализации. Следовательно, форма и типология конфликтных противостояний в кабардинском народном творчестве и авторской литературе становится составляющей эволюции автора, естественно, при адекватной методологии их изучения.

Последнее очень важно уже потому, что к интерпретации творчества А. Псигусова обращался даже такой общепризнанный интеллектуал как Г. Яропольский.

И если кратко обобщить сказанное, то нашему автору, в преддверии его юбилея, считаем необходимым «остановиться, оглянуться...», перечитать – переосмыслить уже необозримое для нас количество его публикаций.

РОМАН С ИСТОРИЕЙ¹

Почему в последнее время мы все чаще и чаще обращаемся к истории? Видимо, потому, что находим в ней ответы на многие животрепещущие вопросы, которые ставит перед нами современная действительность. Жанр исторического романа изначально (можно сказать, по определению) обладает всеми свойствами притчи, то есть позволяет иносказательно говорить о многих и многих насущных и вечных проблемах. При этом, однако, отнюдь не исключается тщательное исследование исторических источников: ведь и правда факта для исторического романа не менее важна, нежели притчевая заряженность.

Асланбек Хазретович Псигусов в адыгскую литературу ворвался как метеор: примерно за пять лет в Издательском центре «Эль-Фа» он выпустил более десяти томов, чего вполне хватило бы на всю жизнь любому писателю. Вполне естественно, что те литераторы, чей потенциал книгопечатания сильно ограничен скудными объемами Издательства «Эльбрус», относятся к творениям А. Псигусова несколько свысока. Причина ясна – обычная зависть, от которой, что уж греха таить, не свободны и самые утонченные «властители дум».

Впрочем, сам А. Псигусов относится к такому положению дел совершенно спокойно: «Знания, в основном – украшение человека. Их блеск ослепляет завистников», – так звучит один из его афоризмов о знаниях.

Между тем эпитафией ко всему творчеству А. Псигусова можно было бы взять слова, предпосланные им ко второй книге жизнеописаний тридцати хеттских царей «Царь Хатти Анита»: «Войны на земле – это пепел истории. Лавровые венки победы не имеют корней. Это увядшие могильные венки. Нет страшнее участи народа, ушедшего в забвение.

Бог един, все народы равны, цвет крови у всех одинаков. Величие великого – сохранить ближнего, и нет другого пути, кроме созидания».

Парфразируя заключительную фразу из этого эпитафия, можно сказать, что все книги А. Псигусова посвящаются всем народам мира во имя мира.

Отличительной чертой автора является то, что все романы держатся на фактах истории: используя научные данные, он стремится убедить читателя в достоверности изображаемых событий. При этом в них, естественно, присутствует художественный вымысел, что и по-

¹«ЛКБ», 2009, № 2.

зволяет А. Псигусову изобразить картины жизни народа, к какому бы времени он ни обращался.

Нельзя не согласиться с мнением кандидата исторических наук А. Максидова, выражающим изумление «перед героизмом автора, решившего вскрыть золотые пласты нашей истории». Историк в своем послесловии к III–IV книгам многотомного романа «Цари Хатти» дает глубокий и убедительный анализ творчества А. Псигусова, удивившего читателей эрудицией автора и оказавшего значительное влияние на литературный процесс последнего времени.

Действительно, за короткий срок А. Псигусову удалось создать трилогию о меотах, трехтомную серию «Афоризмы, изречения, номы, поэмы в прозе», книгу о мамлюкских султанах Египта и приступить к написанию серии романов о тридцати хеттских царях. А. Псигусову в этой области, безусловно, принадлежит пальма первенства, потому что еще никто в мире не брался за такую глобальную задачу – так основательно вскрывать тайны тысячелетней давности, художественно исследовать историю древней Каппадокии (Анатолии). А. Псигусов прекрасно ориентируется не только в истории хаттов, касков и хеттов, давно и однозначно признанных непосредственными предками современных адыго-абхазов, но и в истории других народов – в частности, Египта и Ассирии.

В повествованиях А. Псигусова предстает достоверное родословие адыго-абхазов, и это очень важно, потому что любому народу жизненно необходимо историческое самосознание. Осознавая себя частью истории, тем более – истории со столь древними корнями, каждый человек с большей ответственностью относится и к собственным своим деяниям, потому что «все в этой жизни – природы цепь, а все живое – звенья этой цепи, и, разорвав своей судьбы звено, ты обречен». Так утверждает А. Псигусов, и, ознакомившись со многими подобными его афоризмами, трудно утверждать, что в названии «Книга мудреца», данном им первому тому серии «Афоризмы, изречения, номы, поэмы в прозе», якобы звучит завышенная самооценка. Скорее здесь слышна вполне трезвая, сдержанная самоирония, что не может не импонировать читателю.

Кстати, и подзаголовки «Исторический роман», из книги в книгу переводимые на английский как «The historical romance», на мой взгляд, содержат все тот же заряд позитивной самоиронии: А. Псигусов намеренно переводит «роман» не как «novel», но как «romance», то есть скорее как «любовное приключение», нежели «роман» как литературное произведение. Что ж, это звучит вполне уместно, если учесть, с какой любовью относится автор к изучению источников, разнообразных исторических свидетельств, как бережно и кропотливо воспроизводит их на страницах своих произведений! У него – да, роман с историей, то есть

совершенно новый жанр. И это во многом определяет черты его стиля.

Сам автор склонен определять свой стиль как ритмическую прозу или же романы в стихах. Он активно прибегает к стихотворной инверсии: «Чернеет туча от черной злобы, любуясь солнечной красой, и закрывает солнце туманом черным и плачет, слезы льет, что никогда не станет солнцем!» Кому-то такое обилие инверсий может показаться чересчур приторным (я, например, приучен к гораздо большей сдержанности в изъятии чувств, к более «жесткому» стилю), однако, каждый певец поет так, как ему поется, а к своеобразной манере А. Псигусова читатель легко адаптируется, тем более что она весьма уместна при обращении к столь отдаленным временам.

Историческое самосознание личности – неотъемлемая часть воспитания, и в этом смысле трудно переоценить заслуги А. Псигусова, тем более, что современная отечественная этнология переживает переломный период: ее отличает концептуальный плюрализм, методологический эклектизм, остро критическое отношение к теоретическому наследию советского периода и активная адаптация зарубежных теорий. Важное значение имеет также тот факт, что в последние десятилетия в мире значительно усложнилась этническая ситуация и межэтнические отношения. Поэтому, когда автор утверждает, что «все народы равны», то есть не просто утверждает, но доказывает этот тезис картинами древней истории, он тем самым на деле способствует межэтническому миру, причем миру на справедливой основе.

Ведь в настоящее время существуют две полярные точки зрения на традиционную этническую культуру как таковую. Поборники так называемой культурной глобализации на практике ратуют за торжество монокультуры, за стирание всех и всяческих этнических различий между культурами. Так называемые культурные антиглобалисты, напротив, хотели бы отделиться от воздействия инородных культур всеми мыслимыми способами, вплоть до колючей проволоки.

А. Псигусов своими книгами ясно дает понять, что в равной мере неправы и те, и другие. Действительно, в наше время никто не может существовать вне культурного взаимодействия, существовать в виде недоступного для других острова, каким, например, являлась Япония вплоть до середины XIX столетия. При этом, поскольку он обращается к истории, исключается обособленность не только территориальная, но и временная.

Что же касается этнической принадлежности романов А. Псигусова, надо заметить, что уже достаточно долго ведутся дискуссии о том, какой литературе принадлежат произведения так называемых национальных авторов (как будто существуют авторы без национальности), написанные на ином языке, – скажем, по-английски, по-русски или по-турецки. Высказываемые мнения довольно категоричны – так,

Сергей Михалков утверждает: «Все пишущие на русском языке автоматически должны считаться русскими писателями – вне зависимости от национальности». Еще суровее высказался известный осетинский критик Сослан Районов: «Ни в коем случае нельзя уравнивать творчество “иноязычных” и исконно-национальных писателей, тем самым обесценивая творчество последних. Любая попытка придать “иноязычному” произведению статус национального должна рассматриваться как серьезная угроза “злокачественного” перерождения национальной литературы».

Другие авторы отстаивают прямо противоположную точку зрения, утверждая, что в какой бы языковой стихии ни создавалось произведение, оно неминуемо несет на себе отпечаток национального менталитета и темперамента, а следовательно, принадлежит в первую очередь именно тому народу, представителем которого является автор.

Думается, истина здесь пребывает посередине, и произведения Асланбека Псигусова, написанные по-русски, – достаточно убедительный довод в пользу такого мнения. Ведь несмотря на то, что пишет он по-русски, представляется, что дыхание прозы А. Псигусова (равно как и его стихов) отнюдь не ровное, не равнинное; если дозволительно уподобить стихи пейзажу, то, скорее всего, перед нашим взором возникнет пейзаж горный, где с залитыми солнечным светом склонами соседствуют изломы неприступных зубчатых скал, а сочная синева неба не исключает сурового посвиста ветра, смешанного с колючим снегом. («А на скале, на самой ее вершине, сидел орел свободлюбивый, смотрящий хищных птиц, всего живого, что отрывалось от земли в полете гордом», – разве же не ощущается здесь этническая принадлежность автора?)

Обращение к далекому прошлому – это отнюдь не эскапизм, не попытка уйти от сегодняшних проблем. Вспомним слова Вальтера Скотта: «Исторические романы имеют право... уверенно и смело черпать материал из окружающей жизни и порой брать за образец современного человека, придавая персонажам своеобразие их эпохи и страны». Психология человека меняется, но меняется очень медленно. Поэтому вполне возможно показывать своих современников, облакая их в исторические одеяния.

Лучшие страницы А. Псигусова радуют красочностью образов, естественностью только ему присущих интонаций и отсутствием того, что я для себя обозначаю формулой «деланное ликование». Не знаю, кому принадлежит строка «И не смолкают светлые стихи» (по всей видимости, вышедшая из-под пера переводчика), но она всегда приходит мне на память, когда сталкиваюсь с попытками измыслить этаким земной эдем, вывести за скобки весь трагизм человеческого

бытия. Произведения А. Псигусова избежали такой инъекции «оптимизма без повода», но при этом нельзя сказать, что под рукой у него только черные краски. Его палитра достаточно сбалансирована, а потому читатель верит ей, как верят искренним словам ненавязчивого собеседника.

Никто, конечно, не собирается опровергать М. Хайдеггера, утверждавшего, что «язык – дом мысли». Однако выражение «дом мысли» не следует понимать чисто в английской традиции: «мой дом – моя крепость». Русский язык достаточно просторен и гостеприимен, отличается, по излюбленному выражению Ф. Достоевского, определенной соборностью, чтобы позволить выражать через себя разнообразные национальные начала. Так, у А. Псигусова, безусловно, присутствует адыгский дух, и то, что он передан средствами русского языка, его отнюдь не ослабляет.

В то же время, опять-таки памятуя о «срединности» истины, не стоит забывать и о том, что национальным началом содержания того или иного произведения отнюдь не исчерпывается, что не существует литературы, лишенной общечеловеческих акцентов и ориентиров, – ведь иначе попросту не было бы возможным общение между культурами, точно так же, как вся культура оказалась бы унифицированной и глобализированной, если бы ее «освободили» от национального своеобразия (не говоря уже о своеобразии индивидуальном).

Ни для кого не секрет, что ту же «глобализацию» многие и многие понимают и трактуют совершенно по-разному. Этот термин, на наш взгляд, вообще неудачен, ибо латинский его корень означает «всеобщность», на деле же то, что им обозначается в большинстве случаев, есть насаждение корпоративности (в области экономики) и монокультуры, американоцентризма и т. п. (в области культуры).

Подлинная же всеобщность предполагает снятие экономических ограничений при условии равноправия всех стран в области экономики и соответственное снятие культурных границ с сохранением всего культурного многообразия этносов, то есть торжество поликультуры.

Примерно такой же водораздел рассекает два взаимоисключающих понимания термина «космополитизм», равно как многих других. В отличие от космополита в позитивном смысле этого слова, для которого весь мир – свой, то есть его собственный духовный мир обладает широкодиапазонной соборностью, «космополит» в неверном понимании с равной холодностью взирает на особенности какой бы то ни было этнической культуры, почему и сам отторгается отовсюду, будучи лишенным каких-либо корней.

Интерференция культур отнюдь не предполагает создания некой монокультуры – здесь, напротив, речь идет о поликультурном виде-

нии мира, о мультикультуре, о способности встать на точку зрения другого, о способности понять интересы, устремления и чаяния другого.

Весь лейтмотивный дидактический пафос романов А. Псигусова, направлен именно на понимание интересов других наций и этносов.

Далее, точно так же, как и по вопросу об этнических культурах, существуют два диаметрально противоположных взгляда на менталитет этносов, на национальный характер. Некоторые авторы вообще не считают данные понятия научными, могущими быть предметом аналитики. Такому мнению во многом способствует существование устойчивых мифов о национальных менталитетах и характерах. Скажем, очень устойчив миф об особом «русском человеке», который – по шаблону – не любит собственность, не любит преуспевание, нерационален, отдается великим порывам, и единственное, на что способен, так это на то, чтобы «витать в облаках». Не менее устойчив миф и о кавказцах как о людях воинственных, в любую минуту готовых схватиться за кинжал.

О том, что и то и другое суть не более чем мифы, говорит А. Псигусов в своих романах, точнее, показывает нам это, будучи сам как автор отнюдь не выводим за скобки повествования – его взгляд, взгляд, если угодно, лирического героя, постоянно присутствует в тексте, служа явной исторической антитезой всем воинственным устремлениям, приписываемым как его предкам, так и другим кавказским народам. С этой целью, как совершенно правильно утверждает критик В. Печонов, «автор просто и без назидания берет нас за руку и, словно просвещенный гид, отправляет в древнее царство».

Думается, в этом свете совершенно прав доктор философских наук А. Ципко, когда говорит о том, что «национального характера» на все времена не существует. Он, как, по сути, и А. Псигусов в своем творчестве, призывает подвергнуть ревизии национальные культуры и представить себе национальную точку зрения, наиболее выгодную для сохранения этносов в меняющихся условиях жизни.

Было бы грубой ошибкой полагать, что развенчание мифов о том или ином этносе влечет за собой стирание всех и всяческих граней между этносами, национальными способами мировидения и чувствования.

Начнем с того, что феномен этноса изначально таит в себе иррациональное, не могущее быть разгаданным зерно, и формулы его сущности зачастую принадлежат жанру версий и гипотез, и это – при наличии множества неопровержимых аксиом.

Этнический аспект, как известно, скрыт в культурных традициях и традиционных культурных ценностях, отмеченных устойчивостью, повторяемостью. Инновации, естественные и неизбежные,

захватывают периферию. В противном случае речь идет не об этнической культуре. Культурные традиции этноса обращаются в экзотические эмблемы, внешние символы, маскарадные принадлежности, если они полностью не присутствуют в индивидуальной и национальной жизни.

Чтобы этого не происходило, требуется как прямая преемственность, так и самостоятельный духовный опыт, значительное количество личностей в народе, хранящих его этнический потенциал. Одной из таких личностей нельзя не признать А. Псигусова.

Эксперимент по созданию «нового, небывалого единого народа», «новой исторической общности людей», имевший место в нашем государстве и являвшийся, по сути, уничтожением подлинного этнического самосознания и реальным преступлением перед человечеством, объясняет многие этнические проблемы в настоящем.

Десятилетиями отключался инстинкт этнического самосохранения, отнимались навыки к самопознанию. Усердно разрушался озоновый слой духовного бытия этносов. Тихое, природное, инстинктивное чувство принадлежности к памяти и опыту своего рода, народа переиначивалось.

Драматизм 90-х годов XX века состоял в том, что все находились в стадии недоверчивого, мучительного возвращения к себе. У каждого этноса, в зависимости от сохраненного запаса самоуважения, нашелся жест самоутверждения. Но после всех действительно тектонических потрясений этнические культуры сохранили свою жизнеспособность, ибо одним из признаков их является спасительная адаптивность.

Нынешняя глобализация несет с собой ряд новых «изобретений», перекроенных абсурдов, причем не косвенно, а напрямую направленных на отмену этнического чувства, состоящего, как известно, из самосознания и самоназвания.

Ценность произведений, подобных романам А. Псигусова, – в торжественном и страстном гимне национальному чувству, которое зиждется на национальной культуре. Отбрасывая устаревшие мифы, автор ищет пути к дальнейшему развитию культуры своего этноса, отнюдь не стремясь в ней замкнуться, противопоставить ее всем другим культурам. Напротив, он обнаруживает глубокие исторические связи между культурными явлениями современности и древности. В каком бы времени ни разворачивались описываемые им события, его темы (в частности, тема борьбы за власть) всегда остаются актуальными, а многие коллизии его романов легко могут быть спроецированы на современность.

Во всех произведениях автора занимают вопросы нравственные, философские, проблемы сохранения национального менталитета. Он

призывает читателя остановиться на многих вещах, о которых мы перестали задумываться в нашей быстротекущей жизни.

При этом следует помнить, что пребывание в лоне национально-го опыта, духа и уклада вполне возможно и в пространстве другого языка, в данном случае – русского. Соборность русского языка вполне позволяет выражать на нем свой менталитет.

Бесспорно, своими произведениями А. Псигусов оказывает добрую услугу своему народу. Написанные им романы нужны прежде всего нашей республике, они дают хорошую возможность разговаривать нации самой с собой и с миром. У него обязательно найдутся – и уже находятся – последователи, потому что делом воспитания исторического самосознания в наше время пренебрегать невозможно.

Как невозможно и не согласиться с таким мнением В. Печонова: «Он ворвался в адыгскую литературу внезапно, смело и неожиданно, подобно молнии, грому, стихии, без лишних прелюдий, словно многотонная глыба, неотвратимо и достойно занял predeterminedное самим Всевышним законное место».

Сегодня, в дни, когда член СП России, почетный академик Адыгской международной академии наук, лауреат Артиады народов России и обладатель приза «Золотой Пегас» Асланбек Хазретович Псигусов отмечает свой юбилей, хочется пожелать ему дальнейших творческих успехов на пути «к хронологически точному воспроизведению далекого прошлого» (по выражению А. Максидова). Пусть долго и счастливо продолжается его «роман с историей», пусть все увереннее звучит голос писателя, ратующего за сохранение памяти своего народа, прошедшего через бесчисленные войны и по сегодняшний день сохранившего свой кодекс чести – адыгэ хабзэ. И еще одно пожелание, на сей раз пожелание самого А. Псигусова, обращенное к народам мира: «Пусть будет дорога жизни не кровавой, а ковровой».

СОСРУКО – СЫН КАМНЯ

Глава из романа

От мятежного Черного моря до высоких неприступных гор раскинулась земля, на которой обитал благородный древний народ. В синеве предутреннего дымчатого неба надвигалась на мир эпоха с кроваво-багряной полосой от железного меча – эпоха нартского эпоса.

Заря вытесняла мрак, словно черного тонкорунного барашка вели в темный загон. Ворота рассвета распахнулись, и в них тут же ворвалось красное солнышко в золотой колеснице с серебряными колокольчиками. Полные чистого звона, белые, как облака, понеслись резвые скакуны в оглоблях хлопотливого времени. Подгоняемые бичом – ветром бытия, объезжали кони бескрайнюю землю. И каждый житель земли мечтал удержаться в седле суровой и мудрой жизни.

Соловьи пели, трепетной нежной трелью встречая утро, а филины в полудреме недовольно ворчали, готовые в любое мгновение издать крик беды, оповещая древний народ о близости злых духов.

Благородные трудолюбивые нарты поклонялись языческим богам: огню, воде, заповедным рощам, скалам, грому и молнии. Возглавляли пантеон великий Щэблэ – бог грома, и великий Тлепш – повелитель огня.

О чем же повествуют сказания нартского эпоса, передаваемые из священных уст седобородых, как лунь, старцев в уста внуков и правнуков?

Велика была страна нартов, расстилалась она черной буркой по ровной плодородной равнине, от истоков шумливого сурового моря до высокой, холодной и мертвой Мать-горы с двумя белоснежными грудями надменных вершин. Кружили, словно хищные орлы, злые духи над святой равниной, где жил и творил народ под бескрайним шатром дымчатого синего неба. В неокрепших лучах восходящего дня просыпались добрые духи, укрывавшиеся в густых лесах Мазытхи, окруженных, словно колючей проволокой, дикими непроходимыми кустарниками с холодными острыми шипами. А на бархатной зеленой равнине, будто ласточкины гнезда, свитые из плетеного хвороста, рассыпаны были,

как бисер, чахлые деревянные хижины из тесаных бревен с аккуратно уложенным сухим камышом вместо крыш – поселения древних нартов.

Подобно вздутым старческим венам, рассекали землю горные реки, будто стремясь наполнить драгоценную чашу подлунного мира студеной чистой водой. По низким крутым берегам в глубоком русле рек неслись в мутном потоке суровой жизни студёные воды, убаюкивая ласковой волной зародыш бытия в глубокой почве необъятной вселенной.

Подернутое завесой от глиняных дымоходов, вдали, на окраине поселения Джелиз, в зените прежней славы высилось строение такое же древнее, как Луна.

В тиши усадьбы, посреди роскошной природы, в просторном дворе с плетеной изгородью жили мать нартов Сатаней с мужем Озырмеджем, предводителем нартской хасы ¹.

Сатаней-Гуащэ ², прославившаяся мудростью и добротой, была единственной и незаменимой, считала чужое горе своим. Самая древняя жительница народа нартов была вечно молода в ореоле немеркнувшей красоты, гордо несла прямую осанку, блистала черной, как смоль, косой, спадающей на спину, тонкими чертами лица и темными жемчужинами бездонных глаз. Длинное узкое платье с серебряным поясом облегалo ее стан. На ногах красовались высокие деревянные колодки, которые носили только княгини.

Добрая колдунья делила очаг с Озырмеджем, бывшим неукротимым воином, ныне старшим тхамадой ³ совета старейшин. Жили не тужили, не богато, но знатно, во власти покорной любви и взаимного счастья. Хотя скрытая грусть не покидала их мудрые очи – изо дня в день пытались супруги открыть несбыточной мечтой калитку суровой жизни, ибо не было у них наследника. А дом, где нет детского смеха, нарты считали пустым, ибо там, на троне семьи, восседал дух одиночества. Кого наказали боги и кто из них обделил Сатаней и Озырмеджа, – это оставалось под покровом тайны. Но догадывалась Сатаней, что грех бесплодия приходится на долю мужа.

Озырмедж был всегда в заботах. Исправно выполнял обязанности, возложенные на его старческие угловатые плечи. Делами народа нартов был обвязан, как древний старый дуб темной корой, мудрой властью разрешая самые запутанные проблемы земной жизни.

Вот и сегодня, окрыленный надеждой наступившего утра, он спешил на сход. Но, заметив грусть в бездонных глазах Сатаней, хлоп-

¹Хаса – совет нартов.

²Гуащэ – богиня, хозяйка, княгиня (адыг.).

³Тхамада – старшина общины; позже – почтительное обращение к старшему за столом.

тавшей у плиты, спросил низким, но сдержанным голосом, не называя имя хозяйки, как повелевал закон, хабзэ⁴:

– Что вздыхаешь, родная, что не радуешься восходу тихой зари? Чем тебя опечалили наши боги?

Сатаней еще ниже опустила хрупкие плечи и, взглянув исподлобья, опустила смущенно взгляд на свою деревянную обувь, а затем ответила мягким нежным голосом:

– Что ты, как же не радоваться росистой заре, которую как подарок посылают боги нашей Земле...

– Тогда почему ты пасмурна, как непогода? – не отставал Озырмедж. Он хорошо изучил свою жену за долгие счастливые годы и принимал все без слов.

– Ты как всегда заботлив и постоянен, как солнце, – робко сказала Сатаней. И тут же учтиво добавила: – Иди, Озырмедж, тебя ждут дела. Не хочу омрачать исповедью твое благородное сердце.

– Значит, я был прав... – вздохнул Озырмедж, ожидая услышать неприятные вести.

– Да, это так, – с печалью в голосе согласилась жена.

– О чем ты молчишь?

– Да все о том же! – со стоном истерзанной души ответила Сатаней. – О том, в чем нам отказали боги.

– Да, – произнес тхамата, – ты в плену не только своего красивого стесненного платья, но и безнадежной мечты. Открой, подруга моей жизни, завесу своего сердца. Не теми несбыточными ожиданиями остаток моих дней и смиришь покорно с волей богов.

– О, нет! – воскликнула Сатаней. – Никогда, ибо я живу этой надеждой, и боги прислали мне знаменье!

– Эх, Сатаней... О каком знаменье ты ведешь речь?

– Я видела вещий сон, боги услышали мои молитвы, – впервые улыбнувшись и повернувшись к мужу открытым лицом, произнесла с надеждой в голосе женщина.

От резкого движения зашевелились бусы из цветных камней Матери-горы, подарок земной матери Сатаней. Талисман, предохраняющий от злых духов, возлежал между высоких грудей, стиснутых материей платья. Но от бесплодия волшебный камень не уберегал.

– И что же это за сон? – спросил Озырмедж, вскинув острые локти старческих рук выше пояса своей белой длинной хламиды, касающейся коротких кожаных сапог.

– Присядь, Озырмедж, – мягко попросила Сатаней, взглядом указав на рядом стоящую деревянную скамью. – Чувствую, что разговор будет долгим. А я постою перед мужем, как велит нам нартский обычай.

⁴Хабзэ – закон (адыг.).

– Ну что же, – неохотно сел на жесткую скамью Озырмедж, – я слушаю. Но прошу, будь краткой. Ведь тебе известно: что найдешь утром, то и принесешь к родному очагу. Говори, не томи мое старческое сердце, которое служит мне уже с неохотой.

Вздернув густые брови, похожие на хвост ласточки, мать нартов произнесла:

– Боги услышали мои молитвы!

– На небе нет недочета. Боги безмолвны, но вездесущи.

– Ты прав. Они бдительнее, чем львы на охотничьей тропе.

– В чем заключается твое прозрение?

– Они дали мне надежду, Озырмедж. Я видела во сне каменного человека Улликкума⁵!

– О, боги! – удивленно воскликнул Озырмедж. – Это послание наших предков. Но откуда ты знаешь об Улликкуме? Ты никогда не спрашивала меня о нем.

– От своей сестры Барымбух. Правда, это было очень давно. И сестра моя не была посвящена в подробности его происхождения, его жизни и бесславной кончины. Расскажи мне его хыбар⁶, – попросила мужа Сатаней.

– Не знаю, к чему ты клонишь свой рассказ, но твердо уверен в том, что сегодняшний день будет благоприятным для народа нартов! – привстав, воскликнул Озырмедж.

– Это верно, – улыбнулась Сатаней. – Но я, колдунья народа нартов, знаю и другое: этот сон осветит счастьем и наш скромный очаг.

– Говори, женщина. С чем ты хочешь увязать свой страшный сон?

– С надеждой. Да, я видела каменного человека Улликкума. И этот сон был ужасен, как и сам Улликкум. Он плакал, рыдал, Озырмедж, на берегу мятежного моря, освещенный старым Каску, богом Луны. Мерцали яркие звезды на небе, которое служило ему покрывалом. Он звал своего отца Камурби, главного бога. Но тот ему не отвечал.

Голос Сатаней был отчужденным и холодным, как лезвие меча, а взгляд – безумным.

– О, боги моего нартского народа! Неужели они подарят мне сына?! – воскликнул почтенный старец, дрожа все телом. Шелестела тонкая ткань его хламиды, рвался стон из чахлой груди.

– Да! – воскликнула счастливая Сатаней. – Ты на верном пути, и наши помыслы слились в единую волну мудрой мысли.

– Нет, не бывать этому... – тут же отогнал свою догадку, как муху от царского стола, Озырмедж. – Он же каменный!

– Да пусть хоть из льда, раз нельзя дать мне ребенка из живой пло-

⁵Улликкум – герой древнейшего хаттского мифа.

⁶Хыбар – новость, весть.

ти! – воскликнула Сатаней. – А взамен я отдам богам свое бессмертие, лишь бы они подарили сына, – всплеснула она руками. – О, Озырмедж, расскажи мне об Улликкуме, каменном человеке. Ты мудр, и нет мифов, которые тебе не ведомы. Вспомни хыбар наших далеких предков, что жили на древней земле Сирии.

– Ну хорошо, – тяжело вздохнул Озырмедж. – Смысл твоего сна для меня таинствен, но если ты действительно горишь желанием узнать подробности старого, как мир, мифа...

– Да, мой дорогой! – воскликнула, сгорая от нетерпения, мать нартов, озаренная изменчивым счастьем.

Сдался старый Озырмедж под натиском красивых глаз Сатаней и, тяжело дыша, но твердым голосом, начал свой сказ. Древний миф предков припомнился ему.

Голос старца звенел, словно вырывал горячими щипцами слова из впалой груди. Он был в плену чар Сатаней, как и всю прежнюю жизнь. И полилась легенда от истока.

– Давным-давно это было, – повел свою речь Озырмедж, озирая серую гладь первозданной совершенной природы. – Не было на Земле жизни. И на Небе и на Земле жили только боги. Холодные горы, мятежное море, дуновение ветра и шум прибоя – вот истинные хозяева всесильной природы, властвовавшие вместе с богами на Земле.

Сатаней замерла, как святой идол у развилки. В безмолвии, без движения покорно слушала Озырмеджа. Ее пленил страх, глаза горели безумным огнем. Сознание пленила таинственная сила богов, выше которой не было во вселенной. Она чувствовала ступнями твердыню гранитного берега земли предков и была полностью поглощена рассказом мужа. Ее будто ослепил яркий свет, луч восходящего над морем солнца, лунная дорожка багряной полосы, где, как и во сне, в центре моря стоял Улликкум по пояс в соленой воде, каменный великан.

Голос Озырмеджа дрожал, словно звучал извне. Взгляд был отрешенный. Сатаней знала, что он находится под действием магических сил. Его душа была на древней земле предков, и он будто видел то, о чем рассказывает.

– На небосклоне багряным светом светились жилища богов, – продолжал сказ Озырмедж. – На небе шли войны. И собрались все боги на совет в белоснежных длинных одеяниях, скрепленных на груди лучом света. Высокие, выше людей, властолюбивые, но справедливые. Посередине круга небольших белых облаков, где пребывали все боги, за столом, покрытым белой скатертью, в белом кресле слоновой кости восседал бог Тешуба⁷. Его огненное копье было перевито лентами

⁷Тешуба – бог грозы. Соответствует адыгскому Щыблэ.

молнии и грома. Рядом, на другом белом облаке, предстал бог Мазытха с живой зеленой ветвью в правой руке. Чуть выше него на облаке стоял Тлепш с железным посохом в левой руке, а Мать-богиня пребывала слева от Тешубы в глубоком кресле. Вкруг ее белого одеяния расположились мохнатые львы⁸. Немного в стороне склонил мудрую голову бог Эа – правитель Нижнего моря.

Боги обсуждали поступок Тешубы. Несправедлив был он к отцу, главному богу Камурби, который отсутствовал на совете по причине уязвленной гордости.

– Так вот, бог Тешуба, ты пошел против отца и захватил его власть, взяв силой священные города богов Лихциан и Кумми. Но ты знаешь, что Камурби, твой отец, разжег пламя войны, и он не отступит от своего права на престол! – громовым голосом произнес огненный бог Тлепш.

– Что же, это его воля. Но не забывайте, что он бессилен против двух моих сильных быков, которые выбивают из-под тяжелых копыт искры: один – молнию, а другой – гром.

– Это так, – подтвердил бог Мазытха. – Но вы сожжете пламенем раздора все живое на Земле, оспаривая трон всевластия.

– Он бессилен вести войну! – повторил Тешуба. – Я выгнал его из священного города Лихциана, и он позорно бежал!

– Но сын не должен идти против отца, – заявила старая Мать-богиня. – Поэтому я собрала совет, чтобы восстановить справедливость. Убедите, боги, моего сына, что грех против отца наказуем.

– Мы осуждаем твоего сына Тешубу. Но он тверд в своем позорном намерении, – строго сказал бог Эа. – И мудрость богов против глупости бессильна. Но мы знаем Камурби, его изворотливый мудрый разум. Он найдет средства и силы забрать престол у незаконно-послушного сына и рано или поздно победит в греховной войне. Но тогда, бог Тешуба, не приходи ко мне за мудростью, коли твоя душа не внемлет совету богов.

– Воля богов на совете для меня закон. Даю слово, что не услышите вы такой просьбы, ибо я не намерен делить ту власть, которую завоевал силой у своего отца! – прогремел Тешуба.

– Ну, коли это произойдет, и ты попросишь помощи во избежание войны, я помогу тебе, – вновь подал голос мудрый бог Эа. – Но обещай, что тогда ты исполнишь волю богов.

– И в чем она заключается? – недовольно молвил Тешуба.

– Наступит перемирие, и вы поделите два священных города между собой и восстановите покой на Небе и на Земле.

– Что ж, я согласен, – с усмешкой произнес Тешуба. – Но заверяю

⁸Мать-богиня в кресле с двумя львами по обе руки – хаттский наскальный рисунок.

вас всех: нет сильнее меня, и мой отец, бог Камурби, бессилен воевать против меня.

– Ты тщеславен, сын мой, – твердо сказала Мать-богиня. – Но не забудь, что тебя создал твой отец, бог Камурби. И у него хватит мудрости создать второго сына, сильнее тебя, или придумать мудрый способ, чтобы лишить твое подножие силы. Поверь мне, сынок, я знаю твоего отца. Он не отступит от своего трона.

На этом боги закрыли совет, и темные тучи сгустились над Небом.

Долго скрывался от преследований Тешубы бывший главный бог Камурби, не имея сил предпринять сражение. В скитаниях своих доблел он, обессиленный, до моря и взмолился, встав на колени на холодный мокрый песок:

– О, Владыка моря, Царь мятежных волн! Я когда-то помог тебе раздвинуть границы Царя гор, чтобы ты властвовал привольно. Выгляни из пучины, выслушай мою просьбу.

Задрожала земля, раздвинулись тучи высоко в облаках. Поднялся вихрь, закрыв плотным ковром солнце. Волны двигались, грозно поднимая пену злобы. Вдруг прорезался луч, багряной дорожкой разрезая мглу, и поднялся со дна Владыка в центре моря, становясь все выше и выше, пока его голова не коснулась неба.

– Зачем нарушаешь мой покой? – громовым голосом произнес Царь моря, заглушая гул сильного ветра.

– Знаю, не мил я более никому без власти. Никто не услышал мою просьбу, даже покорные моей власти боги Мазытха и Тлепш, ибо властью обладающий глух к просьбам. Неужели и ты растопчешь мою надежду, не поможешь моему горю?

– Не будь многословен, без власти все говорливы. Что ищешь ты в моих мятежных волнах: свободы или смерти?

– О, Владыка моря, милости я ищу в знак нашей дружбы. Или нет у меня более надежды?

– Что ты, я помню добро, помню, как горы ты раздвинул ради стихии морской. Теперь я у власти, Царь многих морей. Силен и могуч, сам горы сдвигаю мощною волной, силой наката дроблю, превращая их в щебень. Но мощью своею тебе обязан! Что надо, скажи, мой друг Камурби?

– Верил я, что не оставишь без сил в неравной борьбе с сыном моим.

– Да, знаю, наслышан. Что нужно, скажи!

– Дай мне совет, Владыка морской, как одолеть мне сына в бесславной войне?

– Что ж, Камурби, слушай совет, – как стон из-под земли, раздался голос Царя.

– Век помнить я буду помощь твою! – воскликнул в радости бог Камурби.

– Вот что скажу, внемли без слов. Там, где кончается власть морского Владыки, начинается царство Владыки каменных гор. Дочь его нынче ждет сватов. Сверкает красою, как мрамор. Возьми ее в жены. Она же родит тебе сына из камня. Никто не померится силой с гранитом. Дай ему имя Кумми, что означает Разрушитель, имя священного города Кумми, где когда-то ты правил.

С этими словами, высокую волну подняв, исчез в пучине Владыка морской.

Долго стоял Камурби возле моря, песок золотой целовал от горя и счастья. И двинулся в путь.

Царь гор восседал на троне, вокруг которого раскинулся зеленый ковер лугов и ярких цветов.

– О, Царь надменных высоких камней и скал из гранита! – обратился к нему гость. – Прошел я путь неблизкий. Отдай мне гранитную дочь свою, буду я верен ей до гроба.

– Что ж, Камурби, наслышан я о беде, сын отнял твой трон. Когда-то и ты помог мне, укоротил всесилие ветров и дождей, лишил их власти. Бери мою дочь, живите красиво на зависть врагам!

Вытер пот со лба Озырмедж, тяжело дыша. Затем продолжил свою речь:

– Так Камурби взял дочь Владыки гор. И вскоре родился у них сын гранитный. Рос мальчик не по дням, а по часам, и назвали его, как велел Владыка морей, именем Кумми, Разрушитель. А мать звала ласково Улликум, что означало Сын камня. Обеспокоенные быстрым ростом Кумми и тем, что его заметит с неба бог Тешуба, родители призвали божество, красавицу Ирсир, и отнесли ребенка на Землю. Посадили его на плечи Владыки Земли и Неба Уппеллури, который стоял в центре моря по велению богов, отделивших Небо от Земли медным резцом Тлепша. Они велели Уппеллури держать Небо сильными руками, чтобы оно не слилось с Землей. Здесь и рос мальчик втайне от всех, на середине моря, на спине великана Уппеллури, голова которого касалась Неба.

Вскоре Кумми вырос огромным. Море уже доходило ему до поясицы. Тогда и заметил его бог Солнца, объезжавший на золотой колеснице Землю; слева бежал черный лев – страх, а справа золотой лев – храбрость. И рассказал он Тешубе о великой тайне Камурби – прячет он сына из камня на плечах великана Уппеллури в центре мятежного моря. Пришел в гнев и отчаянье бог Тешуба, сын, отнявший власть у отца. И сел в огненную колесницу, которой управлял его слуга Тасмит. Запряжена была колесница двумя быками с красными лентами в острых рогах. Звали их Серису и Тела, и выбивали они копытами искры грома, молнии и ливня.

И грянул бой быков Тешубы с огненным копьём сына камня Улликума! И в этой войне проиграли быки и бежали с поля боя. А ве-

ликан Улликум, сын каменной Дочери гор, пробился к воротам священного города Кумми и заставил своей могучей силой отречься бога Тешубу от власти.

Бежал бог Тешуба и пришел в город Абзу⁹, что у Нижнего моря, на поклон мудрому Эа. И взмолился:

– Прости меня за надменность и глупость! Ты был прав в своем предупреждении. Одолел меня каменный сын моего отца Камурби. Помоги мне, лиши его силы. Ведь нет на Небе бога мудрее тебя.

– Ну что ж, так тому и быть, то есть сказанному на совете богов. Помогу я тебе из уважения к Матери-богине, что произвела тебя на свет. Но и ты сдержи слово, не иди против отца своего. Отдай ему второй священный город Лихциан.

– Воля твоя, – склонил голову бог Тешуба.

И оставил на время бог Эа город Абзу. Привел он к ответу Камурби за разжигание войны. Но тот отказался подчиниться совету богов. И тогда бог Эа отправился к старому Уппеллури, державшему в море свод Неба, к морскому Владыке, где на плечах вырос каменный человек Улликум. Но великан Уппеллури сам был удивлен и сказал богу Эа:

– Когда на меня взгромозили Небо и Землю, я ничего об этом не знал. И когда боги отделили Небо от Земли медным резаком, выкованным в кузне бога Тлепша, я тоже этого не заметил. Я чувствовал тяжесть, причинявшую боль моему правому плечу, но я не знал, кто этот бог.

Услышав откровение Уппеллури, бог Эа зашел за спину великана и увидел огромный мертвый диоритовый камень, который оживал только ночью. Это был Кумми, сын Дочери гор и бога Камурби. И бог Эа приказал слугам принести древний резак бога Тлепша и отделил диоритовый камень от подножья, лишив навсегда силы Улликума, каменного человека. Так мудрый бог Эа поделил между сыном и отцом два священных города. В Кумми правил бог Тешуба, а в священном городе Лихциан – бог всех богов, отец его Камурби.

– Вот так, друг моего сердца, – закончив свой сказ, обратился Озырмедж к жене. – Даже боги на небе не могут жить и править без войны. – И добавил утомленным голосом: – Боги сменяются через девять поколений, поэтому самые властолюбивые иногда пытаются отстоять престол, чтобы править бесценно.

– А что же стало с Улликумом? – с печалью спросила Сатаней.

– Улликум поначалу оживал во мраке и под звездным небом бродил то по морю, то по золотистому берегу, – ответил старый воин. – Его гневные очи горели, как диск солнца. Диким громовым голосом

⁹Абзу – чистый (адыг.).

звал он отца Камурби. Но тот, находясь у власти, презрел его. И долго еще в округе боги слышали отчаянный призыв сына к отцу. «Где ты, Камурби! – кричал он, разгоняя испуганных чаек над морем. – За что ты подарил мне вечное скитание отрешенного одиночества!». Хищные птицы кружили над ним, ища в каменной фигуре моллюсков для пищи. Он отбивался от них, взывал о помощи к отцу. А утром, при восходе зари, стоял, как каменный маяк в центре моря. Умер он от тоски. Стал безмолвной каменной глыбой, великим пленником в царстве Владыки моря.

– Теперь я разгадала тайну сна, Озырмедж! – воскликнула женщина. – Боги пошлют нам сына из камня, и он освободит земли нартвов от ее врагов, коварных иньжей ¹⁰!

– О, Сатаней, ты наивна! – ответил муж. – Я всегда пытался убедить тебя от колдовства, но ты неисправима.

Взволнованные груди Сатаней, как кузнечные меха, то поднимались, то опускались, глаза блестели, вдохновленные безумной идеей выпросить у богов разрешения вдохнуть жизнь в камень. Она уже видела рождение сына как наяву, и ее решение было окончательным после рассказа мужа. А Озырмедж, догадавшись о мыслях Сатаней, сказал:

– Не томи свое сердце несбыточной надеждой, ибо у каменного человека есть только тело. Но никогда не будет сердца.

Сказав это, он встал со скамьи.

– Нет, я уговорю суровых, но справедливых богов нартской земли! – воскликнула Сатаней.

– Что ж, воля твоя. Успехов тебе в твоём безнадежном деле. Однако мне пора, – спохватился почтенный старец.

Тихим голосом восхваляя богов, он торопливо вышел из жилища.

Сатаней отправилась вслед за ним и взглядом проводила мужа, пока тот не скрылся из виду, причитая шепотом: «Унес ветер жизни, Озырмедж, пух твоего цветения». А затем вернулась к пылающей печи, чтобы приготовить супругу ужин.

¹⁰Иньж – чудовище, великан.

НИ В ЧЁМ СЕБЕ НЕ ИЗМЕНЯЯ (К 80-летию Т. И. Машукова)

Тазал Иналович Машуков человек особого порядка, твёрдых принципов и обострённой гражданской интуиции, во всём разбирающийся, во всё, что происходит в жизни, дотошно и ревниво вникающий. Словом, человек моего поколения, той, теперь уходящей в историю натуры, советской формации. В нём вполне, хоть и противоречиво, сошлись две эпохи: социалистическая и сегодняшнего дня – эпоха рыночной экономики, так называемого дикого капитализма. С чем и он, и мы, поколение, именуемое поколением шестидесятников, никогда не мирились и едва ли смирился.

В таких, как Тазал Машуков живёт дух гражданственного романтизма, людей, крепко и гордо несущих в себе достоинства «лобастых мальчиков», для которых так органично подходило служение высшим идеалам.

И в жизни, когда Тазал, мой земляк, современник и коллега по перу отмечает своё 80-летие, число, которое никак не вяжется с его несомненной моложавостью и молодцеватостью, просто хочется искренне и сердечно поздравить его со столь впечатляющим восхождением на вершину возраста, так образно называемую возрастом патриарха.

А он и есть патриарх, ибо с указанной высоты всё шире разбивается перед обзором горизонт, горизонт жизни, наполняя его сердце, хочется верить, радостью жизни, счастливо озаряя сознание светом мудрости и житейской прозорливости.

Восемьдесят лет – применительно к Тазалу Машукову – далеко не предел. Он бодр, молод, исполнен светлых надежд и, как сам однажды выразился в моём с ним интервью, «готов выиграть ещё не одно сражение». Кто бы сомневался, зная его поистине неутомную, неутолённую жизнь и познанием натуру. Ибо Тазал всегда в движении, всегда в поиске, всегда, занимая активную жизненную позицию, может чувствовать себя комфортно; прибавим сюда неустанную работу ума и абсолютную приверженность поэтической аксиоме «душа обязана трудиться».

В нашей с ним беседе, опубликованной в «КБП» 7 августа 2012 года, приуроченной к его 70-летию, Тазал показал себя большим жиз-

нелюбом, подчёркивая, что всегда был оптимистом и счастливо избежал одного из смертных грехов – уныния. «Я настолько оптимист и романтик, что до последней минуты буду в плену чуда, имя которому жизнь! Наверное, – говорил он, – я не избежал влияния Кайсына, который жил с широко открытыми глазами, удивляясь камню, дереву, птице, красоте женщины. Знаете, здоровое отношение к жизни – это не только черта поэта, но и профессионального журналиста, без чего мы не сможем заразить, увлечь своих читателей, тем, что волнует нас...»

Здесь принципиальная позиция журналиста, и его отношение к делу, которому Тазал Иналович Машуков посвятил не один десяток лет своей жизни, а точнее, всю её без остатка.

И, наконец, его деловое досье:

Т. Машуков – студент и аспирант факультета журналистики МГУ, редактор общественно-политических передач телевидения КБР, главный редактор газеты «Кабардино-Балкарская правда», заместитель министра печати КБР, заведующий сектором по печати Обкома партии, главный редактор издательского центра «Эль-Фа», старший научный сотрудник КБИГИ.

Т. И. Машуков – заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный журналист Адыгеи и Карачаево-Черкесии, лауреат республиканских Всероссийских и Международных журналистских конкурсов, член Союза журналистов и Союза писателей России.

Журналист всем строем души, включенный в беспокойную, но такую прекрасную работу, которая никогда не позволяет стареть, захлестить главное оружие – перо, которое, считает Тазал, должно служить только истине, делу правды и справедливости. В противном случае, обладатель указанного пера, этой профессии, должен поменять род деятельности. Но такая постановка вопроса не для Т. Машукова. Его кредо – верно служить журналистике, преданно следовать всем канонам, прописанным в Законе о журналистике. Тазал Иналович искренне удивляется тем младшим собратьям по перу, которые в свои 40-45 уже выглядят на солидный возраст, живут, работая, как по принуждению, именно о таких, как они, точно сказал М. Ю. Лермонтов: «Суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано». А ведь, размышляет Машуков, и они в начале своей карьеры могли и в самом деле гореть благими порывами. В том-то и вся суть профессии журналиста по Т. Машукову, как в песне Б. Окуджавы: «Гореть и не сгорать...».

Разумеется, к сожалению, профессиональное выгорание – диагноз универсальный. Но в том-то и дело, считает Машуков, суметь до самого конца пронести в сердце огонёк профессионала!

Впрочем, Тазал всегда восхищался людьми своей профессии, ко-

торые, будучи старше его лет на 10-15, сохранили в себе задор молодости, блеск в глазах, стремление творить, принося пользу обществу. Вот это, я понимаю, люди, говорит он. Задумчиво говорит и о том удовольствии, которое испытывает активный человек: прогулки, физкультура, любовь к движению. Ведь движение – это жизнь, подчёркивает мой земляк и коллега.

Было время, и Машуков хорошо это знает, когда наши предки не занимались исчислением лет, возраста, и это только морально поддерживало дух в горцах. Для чего каждые двенадцать месяцев «накидывать» ещё годик к своему возрасту? Нет, предки были мудрые, надо бы поучиться у них мудрым правилам. Для оптимиста Тазала Машукова возраста нет вообще. И быть не может, если он живёт в ладу с собой, работает, увлекается чем-то хорошим.

Ниже мы даем фрагменты нашего с ним интервью, начав с вопроса, что радует и что печалит его в современной журналистике.

– К сожалению, мало радости. После августовских событий 1991 года журналистика резко изменилась. Из неё ушла действенность информации. В те годы каждый критический материал оказывался резонансным, и, пока не будут исправлены недостатки, газеты не успокаивались. Пресса, СМИ сполна оправдывали свой статус четвёртой власти. Печать была боевой, могу подчеркнуть, не четвёртой, а третьей, второй, первой.

– *Неужели всё так плохо? Впрочем, я могу Вас понять, ибо многого мы ещё не можем, но не все во власти журналистов.*

– И да, и нет... А если о себе, то на частый вопрос, почему не видим твоих публицистических выступлений, я отвечаю, что настоящая публицистика сейчас не в почёте, а писать оды и дифирамбы... я не специалист этого жанра.

– *В жизни немало ведь и позитива, заслуживающего и признания, и восхваления...*

– Согласен, но подчёркиваю, я не специалист сервильного жанра. Я критически настроен...

– *Смахивает на социальную санитарию...*

– Возможно. А потом, хорошее – на виду, отрицательное может иметь различную личину: маскироваться, мимикрировать, я же говорю о честной позиции журналиста.

– *Я почему-то уверена, что Ваше журналистское перо не «зачехлено» и Вы много работаете. Так ли это?*

– Я бы не был самим собой, если бы перестал мыслить, анализировать, писать. Могу открыть один секрет: у меня скопилось несколько мешков с дневниками, которые я веду уже 52 года. Чтобы фиксировать на бумаге всё, что с тобой происходило, и делать это ежедневно, нужен характер. Причём, у меня два разных дневника: в одном рабочие запи-

си, второй – всё о личном. Много там и весёлых, и грустных страниц. Сегодня я точно могу сказать, в какой день и час где я был, что делал, ел, пил...

– *Ну, знаете, я думала, ушли времена, когда люди вели дневники. Впрочем, наверное, я ошибаюсь, жив ещё курилка. Имею в виду, жанр, простите...*

– Что касается моей склонности замечать в жизни то, что хочется исправить, это же должно быть нормой для нормального человека. Хотя, не всё так мрачно. Было, было одно светлое пятно в моей биографии и в жизни «Кабардино-Балкарской правды», главным редактором которой я работал. Пришёл в газету, когда ещё не было президентской структуры, а председателем Верховного Совета был Хачим Кармоков. В беседе с ним я спросил, как быть с критикой, иными мнениями, на что он ответил, что ему интересен весь спектр мнений. Это дало мне возможность открыть дискуссионные страницы.

– *Вы думаете, во всех нас сидит тот самый раб, которого классик предлагал выдавить каждому из себя? А Вы не раб?*

– О себе отвергаю категорически. Беря в руки бумагу и ручку, я не думаю, понравится ли кому-то написанное мной. Главное, здесь моя позиция.

– *Не потому ли Вы нередко оказывались в опале?*

– Это дело тех, кто заносил мое имя в список персон нон-грата. Бывали грозные звонки на тот или иной материал. Отвечал: изложите свою позицию. А тот: да не умею я писать. Газета будет востребованной, если в ней анализ проблем, дискуссии по поводу. Лишь на стыке разных позиций рождается истина. Думаю, это позволит принимать правильные решения и власть предержавшим.

– *Вы в своей неординарности все же ординарны. Но не донкихотствуете ли Вы, неся в руках тот самый Ювеналов бич?*

– Куда там! Просто люблю человека, нестандартно мыслящего. Такие есть и среди нас. Чем мне интересны, к примеру, Жамал Агтаев, Хачим Кауфов, Мухаммед Хафицэ, Арсен Булатов, Магомед Кучинаев? У них всегда есть позиция.

– *Как Вам при вашем максимализме удастся совладать с сердцем и чувствами?*

– Да все в порядке. Во мне сидит неисправимый лирик, романтик и оптимист. Стихи недаром стал писать еще с шестого класса. Всего четыре строчки стихотворения «Цветок»:

*Не хочу, чтобы, прожив недолго,
Ты увял и потерял красу,
Надо, чтобы уверен был я твердо,
Что тебя к любимой донесу.*

Или:

*Упрекнул меня ровесник:
Твои годы позади.
Нет! Я жизни вечный пленник,
Для меня все впереди.*

И со мной всегда любимый футбол и большой теннис. В «КБП» под псевдонимом Я. Бурлак некогда писал все репортажи о футбольных матчах. Должность главного редактора – это планида бурлака. Это тяжелое ярмо, большая ответственность.

Любовь – она всеохватна. В ней все: от велосипеда до женщины твоей жизни, до красоты искусства, чудес музеев – Эрмитажа, Третьяковки, Русского музея, многое, что я увидел и хочу увидеть...

– ***Вы кавказец. Но кто по воспитанию?***

– Да, я кавказец, но воспитан на более обширной культуре. В МГУ я учился у тех, кто писал учебники, нам читали лекции светила многих наук. Поэтому я избежал консервации мироощущения.

– ***Браво! А еще в Вашей жизни есть Людмила. Не каждому так повезло...***

– Согласен, но рядом с собой я не мог бы вытерпеть женщину, покорную мне во всем, эдакую бессловесную рабыню. Уже сорок четыре года идем с ней рука об руку. В нашем доме бывает много друзей, и на столе всегда найдутся хлеб да соль. Чего еще желать человеку.

*Алена САРБАШЕВА,
доктор филологических наук,
заведующая сектором карачаево-балкарской
литературы ИГИ КБНЦ РАН*

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗОВ АЛИМА ТЕППЕЕВА

В современной филологической науке духовное наследие классика карачаево-балкарской словесности Алима Магомедовича Теппеева (1937–2010) привлекает внимание исследователей с точки зрения его полиаспектного осмысления: жанрового своеобразия, поэтико-стилевых особенностей, творческой эволюции. Обострённый интерес к произведениям писателя обусловлен многогранностью его таланта, интеллектуальным, творческим потенциалом, реализованным в различных жанровых формах. В их числе малая проза – малоизученный пласт в национальном литературоведении. Между тем, обращение Теппеева к жанру рассказа может расцениваться как реакция эстетического сознания этноса на вполне определённые эволюционные подвижки литературного контекста, иначе говоря – как вполне ясная мета перехода национального мышления в новое состояние. В принципе, рассказ – одна из самых гибких жанровых форм, и любое изменение в его социальной функции всегда «имеет принципиальное значение для судеб прозы – и не только «малой», так как мобильность рассказа, его гибкая и прочная связь с общественной и духовной жизнью нередко прокладывает дорогу роману и повести, серьёзно влияет на многонациональный литературный процесс».

Первые творческие шаги А. Теппеева в художественной прозе начинаются именно с малой жанровой формы. В небольших произведениях – сатирических, лирических, романтических рассказах, составивших ряд сборников: «Чамны да чам биледи» («Шутка шуткой», 1969); «Гуппур Геуюзню кёпюрю» («Мост горбатого Геуза», 1978), автором предпринимается серьёзная попытка изучить характеры героев в условиях драматических обстоятельств прошлого и современности, осветить их жизнь в нравственно-философском аспекте.

Многие рассказы А. Теппеева в переводе на русский язык (сборник «Яблоки до весны», 1983) становятся доступными и для инонационального читателя. Благодаря профессиональному переводу Ю. Стефановича, которому удалось передать своеобразие индивидуального стиля писателя, в скором времени его малая проза получает горячие отклики. «О чём бы ни повествовал Алим Теппеев – о прошлом или настоящем, – произведения его получают остросовременны-

ми... И большинство его героев показаны в мгновение крутых выборов, они словно взбираются на вершины своих судеб. Творчество Алима Теппеева захватывает самобытностью, свежестью, автор по своему открывает мир и смысл человеческого бытия», – справедливо заключает В. Ленцов.

Художественные достижения А. Теппеева в освоении жанра рассказа, в известной степени, связаны с творческим осмыслением литературного наследия отечественных авторов, чьи имена прочно утвердились в словесном искусстве XX века. Опираясь на опыт Ч. Айтматова, В. Шукшина и других, А. Теппеев создал произведения малого формата, отличающиеся художественными достоинствами, смелыми неординарными решениями различных проблем: философских, морально-этических, национально-исторических, нравственных и др. Они представляют большой интерес не только для современного читателя, но будут волновать умы и последующих поколений, являясь средством эстетического и нравственного воспитания, духовного обогащения.

Важно отметить, что художественное мастерство балкарских поэтов и писателей постдепортационного периода, в числе которых был и Алим Теппеев, формировалось в условиях тесных эстетических контактов национальных литератур. Исторически сложившиеся обстоятельства в годы выселения балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан (1944–1957) способствовали широкому обмену духовными ценностями с казахским, киргизским, узбекским народами, с которыми пришлось жить в течение тринадцати лет. Новое поколение выросло не только на основе своей этнической культуры, но и на произведениях Зульфии, Чингиза Айтматова, Тугельбая Сыдыкбекова, Алыкула Осмонова, Узака Абдукаимова и других известных авторов. В частности, для писателей, чье отрочество и молодые годы прошли на чужбине, эстетический опыт классика киргизской литературы Чингиза Айтматова, как справедливо признано в трудах северокавказских исследователей, явился образцом и важнейшим ориентиром в художественном решении вопросов общечеловеческой философии и нравственности, в осмыслении ими сложнейших жизненных проблем. Творчество киргизского прозаика заметно сказалось на развитии новописьменных литератур Советского Союза. Духовные и нравственные проблемы, эстетический уровень их решения в произведениях Айтматова во многом определили тенденции развития отечественной прозы второй половины XX века. Особенно заметное воздействие эстетико-философский мир киргизского писателя оказал на формирование художественного мировоззрения балкарских писателей, переживших сложные этапы творческой эволюции, духовного возрождения в постдепортационный период. Красноречивым

доказательством сказанному является литературный опыт ведущих прозаиков З. Толгурова, А. Теппеева, Х. Шаваева и др., в произведениях которых отмечается поэтико-стилевая общность с творчеством киргизского мастера художественного слова, стремившегося «глубже осознать и передать неразрывную связь времен, нравственную преемственность между различными поколениями своего народа».

Закономерными явлениями для прозы 1960–1980-х гг. представляются социально-психологический анализ действительности, актуализация духовных, нравственных начал в художественной интерпретации исторических реалий и современности. В ряду заметных достижений в литературном процессе указанного времени отмечается «стремление преодолеть притяжение факта, а также каноническую повествовательность, встать над «материалом», умение ощутить своё я в свободе субъективно-лирического раскрытия».

В рассказах А. Теппеева переплетаются исторические, социальные, этические проблемы не только на тематико-содержательном уровне, но и на уровне формы, что придает повествованию идейно-художественную целостность. Художественными достоинствами в произведениях писателя являются реалистичность в изображении фоновых ситуаций (исторические события, природные явления, жизнь социума), многообразии жизненных и философских проблем, глубокий психологизм, метафоричность, в совокупности оказывающие мощное эстетическое воздействие на читателя. В свете сказанного весьма показательным видится рассказ «Гуппур Геуюзню кёпюрю» («Мост горбатого Геуза»), в котором объектом художественного осмысления является персонифицированный образ моста.

Переправа – через пропасть, через реку – многогранный символ в культурах многих народов, обладает мистическим свойством и определяется, как знак скорых перемен, преодоления жизненных трудностей, перехода человека с одного жизненного этапа на другой. В повествовании мост интерпретируется в качестве «плацдарма нравственного испытания» для главных героев Жарахмата и Туко – представителей полярных лагерей в классовом противостоянии. В прошлом судьбы персонажей были схожи: «Родились и выросли они в одном ауле. Когда-то вместе ходили за дровами, вместе веселились на свадьбах. В одно и то же время они были жалчи (батраками – А. С.) в соседних кошах...». (Перевод здесь и далее Ю. Стефановича.) В сложившихся драматических обстоятельствах герои рассказа оказываются в антагонистических позициях, в которых обнажается нравственная сущность каждого из них. Моральное несовершенство Туко обусловлено не только жадной безграничной властью и наживы: его, обуреваемого страстным желанием уничтожить Жарахмата – командира отряда красных, – одолевают также порочные мысли овладеть красавицей-

сестрой арестованного революционера. Туко и конвоируемый им Жарахмат, преодолевая путь, должны пройти над глубокой пропастью по узкому переходу, отождествляемому с испытанием на нравственную стойкость. В повествовании старый мост интерпретируется как духовно-нравственный ориентир в жизни, что выражено в реплике столетнего мудреца Ахьи: – «Покуда он (мост – А. С.) стоит, такой как есть, люди учатся осторожно ходить по дороге». Однако не каждому суждено преодолеть путь над пропастью. Всплывшие в памяти слова матери – «Проходи осторожно, сынок, если доведется переходить...», и наставления старца Жарнеса: «Раньше мудрецы не болтали много, внуков своих учили, только глядя вперед, по бревну идти» – пропитанные народной мудростью и философией, как духовный оберег, помогают Жарахмату благополучно перейти через мост-испытание. Если для одного героя мост символизирует надежду на жизнь, то по отношению к другому действующему лицу он ассоциируется с безысходностью. Большой и грузный Туко срывается с края и летит в бездну, лишив себя возможности спастись: «Жарахмат... и спас бы его, но руки были связаны за спиной».

Функционирующий в структуре повествования институирующий объект – мост – как пространственный символ, начиненный имплицитным содержанием, находит художественное воплощение также в других рассказах А. Теппеева: «Кёз тутхан жер» («Охватываемая глазом земля»; в переводе Ю. Стефановича – «Дед и дом»), «Чохана». В первом рассказе «черекден тар кёпюр» – «узкий мост через реку», служащий переходом между двумя аулами, видится связующим звеном между временными пространствами – прошлым и настоящим («Новый наш аул был в долине, на правом берегу большой реки. А в Старый аул все ходили через эту реку, проходя по узкому мосту, а затем поднимаясь по вьющимся крутым тропинкам...»). Образ моста, наделённый в повествовании статусом символа, отражает «главный замысел художника и индивидуальность его творческой концепции».

Воплощение различных символических значений моста осуществляется посредством введения его образа в определенные сюжетные ситуации. Для Теппеева это сквозной образ, он остаётся концептуально значимым и на последующих стадиях творческой эволюции писателя – в средних и крупных эпических формах (повесть «Девять дней пути», роман «Мост Сыйрат»).

Мотив обреченности, обозначенный красной нитью в рассказе «Мост горбатого Геуза», также находит развитие в небольшом произведении «Смерть» (в переводе Ю. Стефановича – «Кара»), в котором сюжетная линия базируется на бинарной оппозиции нормативно-оценочных категорий нравственного сознания – добра и зла, воплощенных в образах главных действующих лиц Кайыта и Османа. Война

с немецко-фашистскими захватчиками обнажает сущность каждого персонажа произведения. Осман, сбежав с фронта, пытается скрыться от односельчан в горах с несправедливо нажитым добром, чтобы начать «новую жизнь», в которой «сбудется все, о чем он мечтал, что лелеял с детства»: «Он построит в Ысхауате двухэтажный дом, и юные наложницы будут принимать его в верхних комнатах. Разведёт табун кабардинских скакунов, его стада будут пасти батраки...». Однако, раненный случайной пулей, Осман погибает. Смерть, постигшая дезертира на пути к «счастливой жизни», автором определяется как справедливая кара. Предательская сущность героя противопоставляется нравственному началу, воплощённому в образе Кайгыта.

Ключевая ценность для писателя – духовная и физическая стойкость человека в экстремальных условиях, что, к примеру, находит отражение в рассказе «Мишень». Главный герой – пастух Харун – спускаясь с кошары, по дороге домой случайно сталкивается с группой немецких офицеров и становится живой мишенью в их развлечениях стрельбой. Один из них, Хольмсен, подталкивая к обрыву недоумевавшего горца, оступается над пропастью. Харун, не раздумывая, спасает немца. Автор психологически обосновывает поступок пастуха: «...Мог ли Харун объяснить свой поступок? Знай он всё, что ждёт его впереди, он бы, может, и не стал ловить немца, но в тот миг он поступил по святому закону гор: в минуту смертельной опасности вражда забывается и человек, злой он или добрый, протягивает руку помощи...». Стрелявший в Харуна немецкий офицер, не выдержав своего нравственного падения, на глазах смертельно раненого Харуна застреливается. В остроконфликтной ситуации поступки действующих лиц, независимо от их мировоззренческих принципов, обусловлены этноментальными качествами.

В рассказе «Горькое земное питьё» сюжетобразующим ядром также является драматическая ситуация, выявляющая духовно-нравственную природу героев. Действующие лица повествования – подпоручик Кундетов и красные партизаны Мусос и Канамат: в детстве они росли вместе, в недавнем прошлом были и друзьями. Сложившиеся объективные обстоятельства (перемены, обусловившие разрыв между Кундетовым и молодыми горцами) и субъективные причины (месть Кундетова за отвергнутую любовь Сакинат и предательство друзей) вносят роковые коррективы в судьбы героев. Оказавшись в руках белоказаков, Мусос и Канамат, вначале приговорённые к повешению, впоследствии подвергнуты жестокому испытанию на духовную стойкость. Центральным конфликтом в рассказе является не классовая борьба, как было принято в традициях социалистической эстетики, а межличностное нравственное противостояние. Внимание писателя фокусируется на взаимоотношениях героев. В прошлом Кун-

детов, влюблённый в простую девушку-гармонистку, был намерен на ней жениться. Слеплённый любовью к Сакинат, молодой человек готов был пожертвовать всем – знатностью, богатством, положением. Социальный статус состоятельного горца не являлся помехой, казалось бы, для искренней дружбы и с односельчанами – Канаматом и Мусосом, с которыми он делился своими сокровенными чувствами. Однако в скором времени «идиллия отношений» героев нарушается: девушка, отвергнув любовь молодого человека, подвергает его позору. Негативный эпизод навсегда врежется в память молодого горца и впоследствии определяет драматический характер событий: «В доме Айдабола опозорили его... все они – Мусос, Канамат и сама Сакинат. Там, в доме, играла на гармошке Сакинат, там она оставила его в середине танца – большего позора для джигита не бывает в горах».

А. Теппеев по-разному обосновывает поступки героев рассказа: действия Канамата, Мусоса и Сакинат обусловлены социальными, идеологическими мотивами. В отличие от них, Кундетов, будучи командиром отряда белоказаков, не руководствуется классовыми соображениями: поглощённый личным интересом (желанием отомстить), он стремится отплатить за давнюю обиду друзьям-соперникам ради восстановления справедливости.

Одoleвшее Кундетова деструктивное чувство – жажда мести, которую он вынашивал годами, реализуется «не слепо»: в рассуждениях героя отражаются мотивы самооправдания и формирования психологической компенсаторной базы под свои поступки. Даже сам акт мести герой обставляет сугубо ритуально, осознанно пытаясь трансформировать свои внутренние комплексы в факт предопределённости судьбы от воли индивидуума.

Кундетов предоставляет пленённым Канамату и Мусосу право выбора между жизнью и смертью, честью и бесчестьем: «каждый должен выбрать свою судьбу». Драматичность ситуации усугубляется тем, что третьей жертвой в коварном плане Кундетова становится девушка, в которую он когда-то был беззаветно влюблён.

Неожиданно жёсткие условия, продиктованные подпоручиком – «Вот перед вами две подпорки. Вот веревка. Кто из вас свяжет другого, тот и будет свободен» – обрекают пленников на испытание стойкости духа. Подлая игра Кундетова становится точкой нравственного возвышения одного из них – Мусоса и морального падения другого – Канамата. В экстремальной ситуации Мусос оказывается способен на нравственно-волевое усилие, остаётся непоколебимым, сохраняя верность жизненным принципам. Канамат, в отличие от друга, подвергаясь давлению, психологически ломается: надеясь на спасение своей жизни и любимой девушки, связывает своего верного друга

Мусоса. Обуреваемый желанием расплатиться за свой давний позор, Кундетов совершает также постыдную расправу и над девушкой, руководствуясь жёстким принципом: за поругание чести отомстить поруганием чести.

Цена приобретённой свободы Канамата – предательство друга, унижение и позор девушки в результате надругательства Кундетова. Неоправданная жестокость одержимого мстью Кундетова, духовная стойкость Мусоса, малодушие Канамата, гибель обесчещенной Сакинат – последовательность выверенных сюжетных и образных решений Теппеева, определивших высочайшую художественную достоверность трагического финала рассказа.

Введенные в повествование детали с символическим подтекстом – дымящаяся самокрутка Кундетова (чёрный вестник беды), упавшая «со стоном» на пол гармошка Сакинат (недоброе знамение в судьбе девушки) – как художественные средства усиливают драматизм повествования.

Изображая сцену расправы Кундетова над своими идейными противниками, прозаик проявляет творческую смелость, демонстрирует оригинальность мышления и независимость от художественных стереотипов, сложившихся в контексте советских литератур. Характерная для творчества писателей-предшественников клишированная интерпретация бинарной оппозиции «свои» – «чужие» в анализируемом произведении подвергается новаторскому переосмыслению.

В ходе исследования творчества писателя становится очевидным его умение создавать неординарные ситуации и подбирать глубоко оригинальные способы их воплощения. Смело раздвигая рамки художественного исследования, А. Теппеев стремится проникнуть в сокровенные тайны души человека, которые, в силу специфики этнического менталитета и уровня творческого потенциала, оставались недостижимыми для многих национальных авторов. Так, в рассказе «Непокорённые вершины» писатель вновь обращается к психологии личности в экстремальной ситуации, к его поведению и мотивации в пограничных ситуациях.

Жизнь Омара – главного героя рассказа – полна эмоциональных потрясений, отважных подвигов и достигнутых высот. Однако для знаменитого альпиниста, проводника, скалолаза, «верного и смелого до дерзости человека», покорившего в жизни много вершин, остается недоступной лишь одна – Чана-Тау, которая ассоциируется с недостигнутой целью в личной жизни, его несостоявшейся любовью.

Художественное своеобразие рассказа А. Теппеева заключается в глубоком психологизме: в нем раскрываются внутренние переживания героев Омара и Мариам, тайна их отношений. Омар, связанный судьбой с другой женщиной, влюбляется в молодую, младше его на

десять лет, Мариам. После первой встречи с девушкой жизнь мужчины раздвоилась: «Одна из них была одобряема жамауатом, уважаема им; она была наполнена делами, которые он совершал с горским трудолюбием и отвагой. Другая жизнь – тайная, неведомая и тоже наполненная – но уже его страданием и болью, тайным счастьем...». Герой рассказа, переживая внутреннюю борьбу, проявляет слабость характера, подчинив свой разум строгим принципам горского этикета, которые не дают ему права «поступиться законами рода» – «Мог бы он поступиться законами рода, чести и разрушить эту свою достойную, уважаемую, освященную родительским благословением семью? Нет, такого не бывало в их роду, и не ему первому совершать такое...». Драматизм отношений действующих лиц заключается в том, что оба, будучи семейными, любят друг друга: «Омар любил чужую жену, Мариам любила чужого мужа. Лишь они знали теперь, каково было им нести это чистейшее на свете чувство, которое они скрывали не только от людей, не только от самих себя, но даже от аллаха».

В отличие от Омара, пассивного в проявлении своих чувств, Мариам позиционируется смелой и решительной, готовой пожертвовать всем ради любимого человека: «Если бы Омар предложил, Мариам пошла бы с ним, и ничто, ни некая священность, ни родня не могли бы остановить её; она пошла бы, если б даже после этого две вершины Минги-Тау столкнулись, а дальнейшая жизнь адской карой оказалась... Но что делать, она была женщиной... От Омара же, кроме пресных шуток да непонятных вздохов, она ничего так и не услышала».

Однако герой – человек иного склада. И лишь в пожилом возрасте, будучи постельным больным, Омар осознает, что «...любовь не есть грех, грехом является то, что подавляет её». Потому и последней воле – чтобы его глаза после смерти закрыла Мариам, не суждено сбыться. Герой рассказа с горечью осознаёт, что, несмотря на то, что он прожил большую жизнь, она была пустой, поскольку у него не нашлось в этой жизни ни времени, ни силы духа признаться как самому себе, так и перед миром, в том, как светло любил он Мариам.

После горького упрека Мариам – «Ты никогда не был смелым человеком» – Омар решает покорить вершину своей мечты. Однако судьба не дает ему шанса моральной реабилитации: его единственная попытка подняться на вершину Чана-Тау трагически обрывается. В рассказе А. Теппеева выстраивается смысловая параллель: непокорённая вершина Чана-Тау и недостигнутое счастье в личной жизни Омара.

Надо заметить, в 1970-х гг. поворот к осмыслению аспектов личной жизни персонажей, к их внутреннему миру намечается в национальных литературах региона в целом. Так, осетинский писатель А. Букулов одно из своих произведений («Что было и чего не было») посвящает, как и А. Теппеев, драме отступничества от большой любви

ради следования принятым в обществе нормам поведения, заостренной традиции [Мамиева 2020: 25].

Мотив несбывшейся любви актуализируется и в последующих произведениях А. Теппеева, утверждаясь, таким образом, в художественном арсенале писателя в качестве одного из основных. В рассказе «Белокрылая» главный герой в поисках счастья так же, как и Омар («Непокоренные вершины»), испытывает любовь к юной девушке, тем самым обрекая себя на безуспешные поиски человеческого счастья, достижения духовного равновесия. Нравственный конфликт, положенный в основу повествования, решается писателем посредством осмысления сложных процессуальных перипетий и отношений действующих лиц.

Коллизии нравственного поведения привлекают внимание многих северокавказских писателей; каждый из них предлагает свое видение нюансов «запретного» чувства, свои решения проблемы любви и долга, верности, либо потакания изменчивым желаниям сердца. В щекотливой ситуации, например, оказывается персонаж Б. Гусалова («Плоть от плоти») во время ночного визита влюблённой в него женщины. Эпизод несет этико-гуманистическую смысловую нагрузку: чуткая совесть не позволяет Арсамагу оттолкнуть неурочную гостью, жених которой не вернулся с войны, но и не отменяет при этом «мучительных сомнений по поводу возможности другого исхода их встречи» [Мамиева 2015: 79].

Рассмотренные произведения базируются в основном на конфликте, который проявляется в сфере духовных, нравственных взаимоотношений героев. Драматизм повествования определяется различиями во взглядах, убеждениях, привычках, обусловленных индивидуальным мировоззрением, интеллектуальным уровнем, духовно-нравственными исканиями.

Особого разговора заслуживает детская проза А. Теппеева. Его тексты являют читателю новые, ранее неапробированные мотивы: раннее взросление, психологические нюансы перехода в новое душевное состояние, страдания юного героя. Так, в рассказе «Яблоки до весны» («Асыралгъан алмала») объектом художественного осмысления является психология мальчика, его эмоциональные переживания, основанные на сложных взаимоотношениях с близкими ему людьми. Судьба семилетнего ребёнка, познающего жизнь в драматических жизненных ситуациях послевоенного времени, составляет магистральную сюжетную линию произведения. Камал ждёт возвращения с фронта своего отца, «не сомневаясь, что он вернётся». Изображая социализацию ребёнка, писатель убедительно выявляет противоположность детского жизнелюбия и мировосприятия взрослых. Автор мастерски передаёт психологическую травму маль-

чика, связанную с драматическим для него решением матери Таужан выйти замуж за Даулета.

Использование оценочных языковых средств, детализация предметного мира (яблоки, хранившиеся до возвращения отца; велосипед, который должен был быть подарен отцом; платье матери; снятый со стены портрет отца) усиливают драматизм повествования, свидетельствуют об обострении конфликтной ситуации, назревшей между юным героем и матерью, впусившей в их спокойную размеренную жизнь чужого мужчину. Появление в доме нового члена семьи приводит к отчуждению Камала от единственного в жизни родного и близкого человека. Выбор молодой женщины обрекает сына на безысходность. Обыденный мир, в котором пребывал мальчик со своими детскими мечтами и надеждами, рушится, что находит отражение в субъективных авторских сентенциях: «В этот час жизнь его, беспечная, лёгкая, наполненная играми, любовью и лаской матери, ожиданием отца, отдалилась от него; умом своим детским он осознал, что жизнь его и жизнь матери – не одна жизнь, как было раньше, и как сама она говорила, а разные, и никогда они не будут снова так близки». Психология юного героя подвергается болезненной и кардинальной реформе. Наделив Камала повышенной впечатлительностью, которая «формирует мировоззрение ребёнка, делает его особенным и незаурядным»». [15, с. 17], писатель раскрывает глубокие душевные страдания мальчика: «Мирная весна буйствовала на земле, и слезы мальчика падали на неё, обильные и безутешные, первые слезы горького чувства сиротства...».

Рассказы, в которых ключевыми фигурами представлены дети, отличаются глубоким и тонким знанием их психологии; причём из повествования в повествование интерес автора к внутреннему миру своих героев усиливается. В небольшом произведении «Принци сютлей акълыгы» («Молочная белизна риса») рассказывается о драматических судьбах малолетних детей в годы депортации. В контексте народной трагедии вновь художественно исследуется психология отношений ребёнка и взрослых, в равной степени обречённых на физические и духовные страдания. Маленький Сафар, не дождавшись возвращения матери, которая ушла в поисках еды, пытается найти кусочек хлеба для обессиленного от голода младшего брата Самата. В рассказе писатель поднимает проблему гуманизма, её идейно-нравственные аспекты, выраженные в поступках героев (противопоставляются родной дядя Сафара Татаркан и чужой безымянный мужчина). На основе эмоционально-чувственной характеристики передаётся сущность людей, с которыми вынужденно соприкасается голодающий ребёнок, определяется шкала человечности каждого из них в критических обстоятельствах. Писателю удаётся показать мо-

рально-этическую обусловленность социального поведения действующих лиц, акцентировав внимание не на ситуации, а на человеческой сущности героев рассказа. Мерилом человечности/бессердечности являются поступки персонажей, в которых неожиданно для маленького героя раскрываются новые представления о «своих» и «чужих». Так, Сафара постигает разочарование по отношению к родному брату отца. В эпизоде встречи мальчика с Татарканом писатель даёт психологическую характеристику действиям последнего, обнажая его душевную скупость, отождествляемую с пригоршней кукурузы и дрожащими руками: «...Татаркан нерешительно подошёл к мальчику, положил мешок на землю, и встал перед ним на колени, будто ноги его подкосились. С большим трудом он развязал мешок. Сафар видел, как дрожали руки Татаркана...». (Подстрочный перевод наш.)

Антиаргументом в повествовании является поступок безымянного персонажа – «приземистого худощавого человека» – как пример наглядной иллюстрации гуманизма, чуткости, душевности. Проникшись состраданием и жалостью к маленькому спецпереселенцу, он не наказывает мальчика, укравшего у него горстку риса, напротив, безвозмездно отдаёт полное ведро риса, тем самым спасая детей от голодной смерти.

Неподдельно реалистические сцены, глубина философско-символических обобщений, развёрнутое изображение детской души, по справедливому утверждению исследователей-литературоведов, явились бесспорными свидетельствами высокого уровня мастерства писателя.

Анализ малой прозы А. Теппеева приводит нас к выводу о том, что его рассказы объединены общей темой – темой нравственного выбора. Писатель ставит своих героев перед сложной дилеммой, тем самым предоставляя каждому из них возможность духовно раскрыться, реализовать внутренний потенциал в сложившихся драматических обстоятельствах.

В текстах периода зрелого творчества автор изжил типичные художественные промахи схематичность, фактографичность, описательность, характерные творчеству многих предшественников. Положенные в основу произведений истории, факты, судьбы, подвергаясь глубокому переосмыслению, поднимаются до высокого уровня социального и художественного обобщения.

Художественной особенностью рассказов А. Теппеева являются «скрепляющие» сюжет и характеризующие героя на протяжении всего повествования сквозные детали: Чана-Тау («Непокорённые вершины»), мост («Мост Горбатого Геуза», «Охватываемая взглядом земля»), гора Сырбыт, останец Чохана («Чохана») и др. Автор демонстрирует мастерство и в формулировке заглавий, в которых

содержится имплицитный смысл, отражаются суть идейно-художественного замысла и символичность произведения. Неразрывное семантическое единство между наименованием и текстом произведения наблюдается, практически, во всех рассказах, что является бесспорным признаком неординарности мировоззрения писателя, оригинальности его художественной мысли.

Небольшие рассказы писателя являются «эскизами», в которых фиксируется художественный замысел крупных эпических полотен. Зрелые рассказы А. Теппеева представляют собой «романные истории», так как в них прослеживается эволюция характера главного героя во взаимоотношениях с социумом. В произведениях малых по объему, но глубоко содержательных, писатель обращается к актуальным темам, начинив их философскими сентенциями, изображает многогранную жизнь индивида, который отличается от других социальным статусом, опытом, нравственным потенциалом, непредсказуемостью и непосредственностью в поступках и действиях. В повествованиях отмечаются динамично развивающиеся сюжеты, усиление драматизма, тенденция к психологизму, обновление поэтики.

Рассказы Алима Теппеева, являясь значимой частью его художественного наследия, безусловно, видятся эволюционным шагом вперед всей национальной и даже шире – региональной – прозы. Накопленный в них эстетический опыт был впоследствии успешно реализован в процессе создания высокохудожественных эпических полотен.

¹ *Ефремова О. В.* Русский рассказ о войне (1945–1955 гг.). Проблемы типологии. Майкоп: редакционно-издательский отдел Адыгейского государственного университета. 2003. С. 3.

² *Ленцов В. А.* Вершина судеб человеческих: о сборнике «Яблоки до весны» // Литературная Россия. 1984. 21 декабря.

³ *Сарбашева А. М.* Взаимодействие национальных культур как фактор эволюции художественной мысли (Балкарская литература второй половины XX века) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017 № 1 (32). С. 103.

⁴ *Темаева Х. Н.* Духовно-нравственный и художественный мир Чингиза Айтматова и его мотивы в северокавказской прозе: автореф. дисс. Майкоп. 2010.

⁵ *Мусин Ф. М.* Связь времён. Казань. Казанское кн. изд-во. 1979. С. 212.

⁶ *Урусбиева Ф. А.* Проза // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик. Эльбрус. 1981. С. 183.

⁷ К чему снится висящий мост // <https://antr-adm.ru/articles/k-chemu-snitsya-visyaschiy-most/> (дата обращения: 11.04.2021).

Урусбиева Ф. А. Проза // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик. Эльбрус. 1981. С. 186.

⁸ Гаврилина Н. А. Процесс развертывания как основной механизм символизации образа (на материале малой прозы Г. Гессе) // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 160.

⁹ Теппеев А. Яблоки до весны: Рассказы, повесть / Пер. с балк. Ю. Стефановича. Москва: Современник. 1983. С. 127.

¹⁰ Теппеев А. Яблоки до весны: Рассказы, повесть / Пер. с балк. Ю. Стефановича. Москва: Современник, 1983. С. 129.

¹¹ Черкашина. Е. Л. Образ детства в творческом наследии И. А. Бунина: автореф. дисс. М., 2009. С.17.

¹² Теппеев А. Яблоки до весны: Рассказы, повесть / Пер. с балк. Ю. Стефановича. Москва: Современник, 1983. С. 139.

¹³ Теппеев А. Гуппур Геуюзню кёпюрю (Мост горбатого Геуза): Рассказы. Нальчик, Эльбрус, 1978. С. 130.

¹⁴ Атабиева А. Д. Эволюция балкарской детской литературы (проблема жанрового развития). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2008. 117; Жабоева-Тетуева Е. А. Художественная проза и драматургия Алима Теппеева. Нальчик: Эльбрус, 2012. С. 169.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В ДРАМЕ А. ТЕППЕЕВА «СВЕТ ВОДЫ»

«Производственная тема» родилась в русской советской драматургии в 30-е годы прошлого столетия и возродилась в 70-е. Известно, что некоторые авторы этих пьес пришли в драматургию, имея журналистский опыт. Они – свидетели гигантских строек – создавали летопись индустриализации, электрификации молодой страны, передавали в своих очерках романтику, атмосферу послереволюционных лет. А в сценической литературе появился новый вид художественного конфликта, появились новые герои, труженики, созидатели.

Сам термин «производственная тема» возник стихийно и точно определил в критике тех лет проблематику этих пьес, «извлеченную драматургами из реальной действительности. Осуществление главной задачи молодого Советского государства – создание в труднейших условиях послевоенной разрухи высокоразвитой индустрии – стало предметом художественного исследования театра и драмы 30-х годов».

Безусловно, первым толчком в разработке писателями этой проблемы послужил государственный план электрификации РСФСР (ГОЭЛРО), разработанный Государственной комиссией по электрификации России по заданию и под руководством В. И. Ленина после Октябрьской революции 1917 года.

Известный советский драматург Н. Погодин, пришедший в литературу из журналистики, в своей пьесе «Кремлевские куранты» показал тот сложный период жизни страны и самого Ленина. Нелегко было найти нужных людей, инженеров, электриков, способных решить поставленную задачу. Выбор падает на профессора Забелина, не слишком жалующего Советскую власть. Убедить его, объяснить даже такому высококлассному специалисту главную идею плана ГОЭЛРО оказывается для Ленина не такой уж простой задачей. Потому символичен финал пьесы, когда начинают бить кремлевские куранты. Становится ясно: у вождя революции, инженера Забелина и остальных героев пьесы не остается сомнения в скорейшем претворении в жизнь одного из главных проектов страны.

Как показало время, расчет комиссии ГОЭЛРО был верным, и он был перевыполнен. В рамках этого проекта появились известные электростанции по всей России, в том числе в Кабардино-Балкарии – Баксанская ГЭС (1930-1936). Строительство Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината (1937-1940) также не было бы возможно без успешного воплощения в жизнь данного плана. Нелегко дался план Бак-

санГЭС в Центре и республике, но «руководитель КБАО Б. Э. Калмыков, пользуясь своими деловыми и личными контактами с руководством страны, активно продвигал проект строительства Баксанской ГЭС, справедливо полагая, что она даст мощный импульс развитию всей социально-экономической жизни региона». По предложению руководителя автономии главным инженером будущего «Баксанстроя» стал В. А. Покшишевский.

Пионером в изображении «производственной темы» в драматургии народов Северного Кавказа выступил чеченский автор С. Бадуев. «Его стремление взяться за столь злободневную проблему 30-х годов было вызвано поиском современного героя, желанием показать достижения республики. В пьесе «Золотое озеро» драматург показал созидательный труд представителей разных народов, включившись в соревнование, добывающих «черное золото» – грозненскую нефть». Позднее в пьесах других писателей Северного Кавказа тема труда будет обязательно связана с дружбой народов.

Надо отметить, что еще до Великой Отечественной войны балкарские поэты и писатели неоднократно обращались к этой актуальной идее в стихах и очерках (К. Мечиев «Новый свет», Х. Кадиев «Бахсанстрой», О. Этезов «Рождение рудника» и т. д.). Драматурги же испытали свои силы в освоении данной проблемы гораздо позднее. К слову, кабардинский литературовед А. Шортанов в 1959 г. в одной из своих статей досадовал на то, «что ни кабардинская, ни балкарская литературы, не говоря о драматургии, почти не затронули до сих пор тему зарождения и становления национального рабочего класса».

Однако ещё в 1947 г. самим А. Шортановым была написана пьеса «Когда загорается свет» о колхозном строительстве и промышленном производстве, где поднимались морально-этические вопросы своего времени. Многие критики, усмотрев в ней лирическую комедию, считали, что это – драматургическая интерпретация того, «как в результате победы колхозного строя, в результате огромных изменений, происшедших в социалистическом сельском хозяйстве республики, неузнаваемо изменились люди».

Нам же представляется, что драматург уже в этой послевоенной пьесе неочевидным образом обратился к «производственной теме». При этом А. Шортанов, видимо, желая однозначно решить обозначенную им же проблему, создал пьесу с заданным сюжетом. Герои в ней получились несложные, действующие по ранее известной схеме: положительные – за преобразования в селе, отрицательные – тянут строительство назад. Тем не менее, это было весьма плодотворное в условиях идеологического прессинга направление, и оно, несомненно, должно было получить развитие.

Почин Шортанова был подхвачен, в том числе, и балкарскими дра-

матургами. До недавнего времени считалось, что строительству Баксанской ГЭС и Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината были посвящены две пьесы балкарских драматургов: И. Боташева «Орлы любят высоту» (1965) и А. Теппеева «Твой свет» (1976). Но в 2019 г. под редакцией А. Додуевой вышла книга «Адилгерий Соттаев. Жизнь и творчество», куда были включены ранее неизвестные пьесы А. Соттаева. И в драме «Город в горах» (1962) мы видим трудовую жизнь Тырнаузского рудника в 60-х годах.

Надо отметить, что в период возрождения «производственной темы» в 70-е годы в советской драматургии характер конфликта изменился. Борьба уже шла не между противниками и сторонниками новых преобразований в стране Советов. В произведениях ставились вопросы высшего порядка: «на что способен отдельный человек в большом коллективе?», «не стоит ли какие-то качества капиталистического бизнес-метода использовать на ниве социализма»; «отрабатывалась высокая философия, которая в конечном итоге сводилось чуть ли не к формуле «как нам обустроить Россию». «Поскольку герой драмы был словно наместником высшего партийного работника, верховная власть позволяла критиковать среднее звено, «князьков» на местах». Таким образом, «темами производственной пьесы были противостояние героя и растущего аппарата, который погряз в чиновничестве, карьеризме, в «игре в авторитеты». А вывод сводился к тому, что простой народ расплачивается за недостатки планирования в верхах, за страх и корыстолюбие вышестоящих».

Впрочем, справедливым будет отметить, что данными вопросами в балкарской драматургии задавался именно А. Соттаев. И. Боташев и А. Теппеев больше тяготели к проблематике 30-х годов. Словно чувствуя, что их предшественники не освоили данную рубрику, они торопились восполнить этот пробел и выбирали временем действия своих драм 20-30-е годы, то есть период строительства БаксанГЭС и Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината.

Драма А. Теппеева «Твой свет» была создана – как целый ряд произведений этого автора – в два этапа. Сначала была написана повесть «Твой свет» («Сени жарыгынг»), которую в 1976 г. автор переработал в драму. В Балкарском театре она была поставлена под таким же названием в том же году. Собственно пьеса же впервые была напечатана в 1987 г. уже под другим названием – «Свет воды» («Сууну жарыгын»). Автор определил ее жанр, как «героическая драма». На наш взгляд, вернее было бы назвать ее «романтической драмой».

Несмотря на её «солидный возраст», драма не стала предметом специального исследования критиков и литературоведов. В «Очерках балкарской литературы» литературовед Ф. Урусбиева даёт краткий анализ пьесы, отмечает как положительное явление приход прозаика А. Теппе-

ева в драматургию, определяет важность появления «производственной темы» в сценической литературе.

Необходимо понимать, что любая попытка выявить в пьесе Теппеева индивидуальные особенности воплощения «производственной темы», требует акцентированного внимания к изображению различных видов конфликта – социального, скрытого, внутреннего, а также столкновения между «старым» и «новым», приобретающим у балкарского писателя нравственный характер.

Как справедливо считает Ф. Урусбиева: «Тематически и художественно обе пьесы («Орлы любят высоту» и «Свет воды» – А. С.) становятся как бы частями дилогии, в первой из которых говорится об открытии молибденовой руды и начале её добычи в Тырныаузе, а во второй – о строительстве БаксанГЭС». Наличие и третьей драмы на «производственную тему» – «Город в горах» А. Согтаева – приводит к интересному процессу формирования своеобразной трилогии за коллективным авторством. С этой точки зрения, балкарские драматурги сумели дать картину эволюции одного из важнейших индустриальных проектов республики в полнокровном эстетическом и концептуальном виде – профессиональный рост рабочих и руководящего состава, одержимость инженеров своей работой, важность данного экономического объекта в судьбах нескольких поколений горцев и прочая атрибутика соцреалистической эстетики – но в форме некоего суммарного воззрения на суть изображённых процессов. Что видится особо примечательным – части этой условной трилогии, абсолютно логично, точнее сказать – органично – связаны друг с другом.

При первом же ознакомлении с драмой «Твой свет» можно почувствовать влияние драмы И. Боташева «Орлы любят высоту» на пьесу А. Теппеева, можно сказать, его ученика, тогда ещё молодого драматурга. Неграмотные старики балкарец Чонай («Орлы любят высоту») и кабардинец Бато («Свет воды») – символизируют традиционный образ горца. Несмотря на свой возраст, они сумели остаться в душе молодыми. В них воплощена народная мудрость, что делает их намного дальновиднее и прогрессивнее, чем некоторые молодые герои пьесы. По народной традиции Чонай добрые намерения, чистые помыслы человека сравнивает с белизной Эльбруса. Называя первооткрывателей, первопроходцев, романтиков, обитателей гор орлами, И. Боташев пользуется традиционным, берущим начало в фольклоре символом свободы и благородства. У А. Теппеева русская героиня Нина, приехавшая на стройку из Ленинграда, восклицает: «Счастливый народ эти балкарцы. Действительно, горные орлы» (Перевод текстов с балк. яз. здесь и далее автора статьи – А. С.). В обеих драмах есть трагическая линия – один из героев отдает свою жизнь ради важного открытия (Вера – «Орлы любят высоту») или успешного завершения стройки

(Мурат – «Свет воды»). В первой пьесе предстоит покорить горы, во второй – природу: повернуть бурный Баксан в горы. Отсюда некоторая общность сюжета, характеров, романтических мотивов, пафос образов главных героинь (Вера, Зайнаф) и т.д.

В 60-70-х годах в русской советской и национальных литературах наблюдалась общая тенденция. Региональные драматурги, разрабатывая различные тематические пласты, учились у известных авторов. Поэтому, при сравнении конструкции многих произведений, сюжетики, концептуалистики, характеров героев, мы найдём много общего, но все же И. Боташев и А. Теппеев пытались создать свои сюжеты на национальной основе, индивидуализировать каждого героя, выявить в трудовых буднях свой конфликт. Исследователь советских «производственных пьес» А. Степанова пишет: «В этих пьесах обычно множество действующих лиц, но из их массы авторы непременно выделяли одного или несколько основных героев. Они – руководители, изобретатели, передовики – становились не только носителями комплекса деловых идей, обоснованных и утверждаемых в развитии действия, но и духовными лидерами, увлекающими за собой других, заряжая людей своей нравственной силой и творческой дерзостью». В драмах балкарских авторов такими духовными лидерами являются геолог Виктор («Орлы любят высоту») и инженер Берестов («Свет воды»), заслужившие уважение у старших и руководства автономной области, сумевшие сплотить вокруг себя молодёжь, став для неё товарищами и учителями в жизни.

А. Теппеев, создавая свою повесть, первооснову драмы «Твой свет», воспользовался документальными материалами, историческими фактами. В памяти народа тогда еще хранились многие события, связанные со стройкой БаксанГЭС. Обладая незаурядной эрудицией, профессиональный литературовед А. Теппеев некоторое время работал в Научно-исследовательском институте (ныне – КБИГИ) участвовал во многих научных экспедициях, многое знал из истории строительства республики. Хотя он не определил жанр драмы как документальный, черты документальности явно проглядываются в пьесе. Такая большая стройка в 30-е годы не могла не сопровождаться контрреволюционными действиями или недовольством местного населения. Все эти реалии масштабных преобразований 30-х драматург умело встроил в сюжет своей драмы.

Например, вторая сцена пьесы начинается с беспокойного диалога рабочих Бетала и Мурата о ночном поджоге склада в соседнем селе и убийстве комиссара. Это показатель не только исторической, жизненной правды, для пьесы это необходимый компонент – конфликт, на котором держится вся сюжетная линия и все действие. Параллельно успехам стройки идёт скрытая борьба с контрреволюционерами – бескровная, идеологическая война, по непонятным причинам уходят люди. Между собой строители понимают, что на объекте действует какая-то мощная

сила, способная убедить людей в пагубности данного строительства для коренных народов, якобы БаксанГЭС готовит что-то зловещее для горцев. Ещё людям внушается, что большевики не от большой любви к народу строят электростанцию, а хотят извлечь богатства Кавказа, забрать их себе и т. д.

Есть в пьесе несколько скомканная, но эмоциональная сцена прихода старейшин. Их цель – забрать со стройки своих дочерей, подвергающихся, по их сведениям, навязчивым и неприличным ухаживаниям со стороны других рабочих, более того – аксакалы против строительства как такового, принципиально, ибо им внушено, что попытка обуздать силу света, само производство электричества противоречит Корану, что это дело дьявола и шайтана. Победа остается за молодыми. Несмотря на драматический контекст, пьеса А. Теппеева проникнута романтикой, насыщена любовными сценами, стремлением молодежи к образованию (Зайнаф, Мурат), верой в науку и прогресс уже немолодых героев (Бато, Тапиш, Гынтай).

Более развернуто основа подобного конфликта воплотилась в пьесе кабардинского драматурга М. Кармокова «Поединок», тоже посвящённой строительству БаксанГЭС. «В ней нашло отражение и тема Баксанских событий – выступление кабардинских крестьян против коллективизации, – пишет А. Абазов. – Автор... хотя и вскользь затрагивает тему крестьянского восстания в 1928 году в Баксанском округе. Оно было направлено против зверства и произвола большевистского режима, и восставшие выдвинули требования относительно непосильных хлебозаготовок, бесплатных мелиоративных работ по рытью канала Баксан – Малка, против закрытия мечетей, работы медресе и полной работы шариата».

Так как пьеса М. Кармокова «Поединок» написана в конце 80-х, автор сумел вплести в ткань произведения, «хотя и вскользь», народное восстание, полнокровно отобразить моменты социальных конфликтов, нравственных потерь и приобретений – своеобразной цены строительства электростанции для этнического сознания народа. «Свет воды» писалась в «застойные» годы, потому о подобных картинах в драме А. Теппеева и речи не могло быть. Он знал об этих драматических событиях на Баксане, но само время и социалистический реализм диктовали свои жёсткие требования к художественным произведениям. Мы никак не можем отказать А. Теппееву в творческой смелости, но только позже, в тандеме с режиссером Б. Кулиевым, таким же «нарушителем спокойствия», как он сам, раскроется его мощный драматургический талант. Найдя единомышленника, настоящего профессионала в лице Б. Кулиева, который оказывал ему помощь в теоретическом плане, спустя всего несколько лет, он создаст драму «Коммунист» о трагичном периоде – строительстве колхозов в горных аулах, когда были уничтожены лучшие

сыны народа, были проигнорированы и уничтожены вековые традиции соционормативного и витального бытия балкарцев. «И обо всем этом мы сказали не вслед Советской власти, а ей в глаза», – напишет потом сам драматург, имея в виду работу режиссёра Б. Кулиева и актеров Балкарского театра.

Будет несправедливо утверждать, что все, без исключения, на БаксанГЭС работали из-под палки. Благодаря самоотверженности, вере в советскую идеологию молодых людей, родились многие стройки 20-30-х годов по всей стране (Магнитка, ДнепроГЭС, Комсомольск-на-Амуре, Большой ферганский канал и т. д.). Неслучайно в это время в русской советской и национальной литературе появился новый тип героя – молодой человек, мотивированный не на личностном уровне, а общественными ценностями и целями, связывающий личное счастье с непосредственным народным благополучием и его просвещением. Таковы герои А. Теппеева в драме «Свет воды» – Берестов, Зайнаф, Бетал, Фоусат, Нина, Мурат.

Как всегда, прогрессивным устремлениям образованных, людей труда, положительным героям в жизни и драматургии, противопоставляются их идейные, классовые враги и отрицательные персонажи. Сюжетная линия драмы «Свет воды» и конфликты в ней выстроены именно на этой борьбе. Здесь в центре событий стоит русский инженер Сергей Романович Берестов. Вокруг него сгруппировалась передовая молодежь (Бетал, Мурат, Фоусат, Зайнаф, Нина). Их антагонисты Ахияхаки, Заммай и Адыл ведут скрытую борьбу против советской власти. Каменщик, мастер Бато, несмотря на солидный возраст, поддерживает и укрепляет инженера Берестова в его вере. Бато – это поколение людей, «старость которых настигла раньше, чем счастье», живших светлой мечтой, и когда она оказалась осуществимой и такой близкой, каменщик делает все, чтобы приблизить ее своим трудом, своим словом. Если говорить о значимости каждого образа в драме, нельзя не упомянуть о разительном отличии между каменщиком Бато и такими же стариками, противниками стройки. Они, как и он, выросли на одной земле, пили одну и ту же воду, слушали в детстве одни и те же сказки и песни, но по-разному поняли смысл строящейся ГЭС. Среди представителей одного поколения возникает разное восприятие начавшегося строительства новой жизни, формируется жёсткий конфликт между «старым» и «новым».

Думается, сложность конструкции самой драмы была основной причиной того, что она оказалась несколько обделенной вниманием исследователей. На это указывает и Ф. Урусбиева, одновременно отмечая эволюционную и эстетическую роль сложной архитектоники произведения: «Если судить пьесу А. Теппеева по законам реалистического метода, то легко обнаружить немало пробелов и художественных несо-

образностей. Нет привычного конфликта, связующего все действия воедино, есть герои, но они излишне лиричны, дидактичны и почти лишены поступков... Но все на первый взгляд. Неточная драматургия здесь – следствие проникновения на сцену элементов прозы, обогащения театральной условности литературной. Многомерность литературного текста, подтекст, привносимый прозой (или поэзией), расширяет объём сценического действия».

Нельзя не согласиться с мнением Ф. Урусбиевой, но все же надо сказать, А. Тепееву в первом опыте переработки прозы в пьесу не удалось до конца преодолеть «тяжесть» первоначального литературного текста. Отсюда – многословье, длинные ремарки, описание внешности героев, затянутость некоторых сцен, избыток лирики и романтики. Как нам кажется, автор не ставил перед собой задачу хронологически, документально показать трудовые будни рабочих. На фоне большой стройки он раскрывает человеческие взаимоотношения, характеры, эволюцию сознания молодого поколения, показывает, как вчерашние сельские ребята и девушки вырастают в настоящих специалистов, профессионалов своего дела. Молодые люди, работая, крепнут не только физически, в конфликтах и столкновениях с противодействующими им силами, жизненными и бытовыми трудностями, закаляются их характеры.

В пьесе мы встречаемся с социальным и нравственным, скрытым и внутренним конфликтами, между «старым» и «новым». Социальная борьба здесь ведется скрыто, начиная с первой сцены и длится до последней. Именно она является одной из главных тем и линии в драме. Заммай и Адыл, поддерживаемые контрреволюционерами, в частности, Ахияхакимом, противостоят строительству, а значит – новому. Они обманом проникают на стройку, становятся передовиками, входят в доверие к руководству и ведут подпольную подрывную деятельность. Общаясь с политически неграмотной и морально неустойчивой частью молодежи, они способствуют разложению дисциплины и уходу со стройки многих из них. Поступки Заммая и Адыла социально мотивированы: Заммай волевал против красных, а Адыл не простил большевикам смерти своего отца. С отцом Мурата и с ним лично у Заммая особые счёты, однако сводить их он не торопится, будучи уверенным в том, что всегда успеет прикончить сына своего врага, главная же их с Адылом задача и цель – взорвать ГЭС и убить Берестова.

Вся подпольная борьба в драме «Свет воды» и борьба героев за свое счастье развивается и ведется параллельно процессу строительства ГЭС. В юных устремлениях Мурата, Нины и Зайнаф – «молодость нашей страны, молодость БахсанГЭС, полная осуществлённых надежд, порыва к свету, к разуму, к деянию», – отмечает Ф. Урусбиева. В любовных перипетиях Фоусат – Арсен, Бетал – Фоусат, по её же мнению – «тернистый путь человека к счастью, горечь потери веры в людей и ра-

дость ее воскресения». В финале автор, четко расставляя акценты «за» и «против», «делит» личное счастье между своими героями по принципу «кто что заслужил».

Политическая, моральная неустойчивость некоторых героев в пьесе (Арсен, Мурат) определяет развитие любовных линий. Красивый, статный, но пустой и циничный Арсен не привык работать, а привык к легким победам на любовном фронте. Потому свои неудачи он воспринимает остро, зло. Только, начав трудиться со всеми вместе, дав себе слово найти противников стройки, понимает всю силу любви Фоусат, но... уже поздно. В душе молодой женщины любовь к нему перегорела.

В любовных взаимоотношениях героев (Арсен – Фоусат – Бетал и Зайнаф – Мурат – Нина) автор, показывая разные характеры и судьбы, ставит их перед сложным выбором. Оказавшись перед моральной, этической и нравственной проблемой самоопределения, каждый поступает согласно своему жизненному уставу, кодексу чести, совести и принципам. Это проявляется как в отношении к работе, товарищам, так и в любви. Внутренняя борьба Фоусат, Мурата, Арсена и Нины разрешается по мере осуществления выбора героями своего пути. Ставший на скользкий путь Арсен проходит эмоциональный и нравственный катарсис, подпольщики Заммай и Адыл получают по заслугам.

Внутренние сомнения и противоречия, одолевающие молодых героев драмы, определяют путь их духовного становления. Выросший в горах Мурат привык к сельскому укладу жизни. Он считает, что копать землю – работа не свойственна горцу, и он занимается чужим делом. Надо отметить, в повести-прототипе образ Мурата довольно цельный. Он в первый день был покорен силой и мощью экскаватора. Став напарником экскаваторщика Бетала, выходит в передовики производства и мечтает учиться дальше. Автор, усложняя в пьесе роль Мурата, по-видимому, хотел показать, как не просто расставаться человеку со своим прошлым, с привычной жизнью. Здесь «новое» и «старое» сталкиваются в его душе, и эта борьба ничуть не легче, чем противостояние с внешними силами. Драматург через образ Мурата раскрывает, как порою сложно приходилось даже молодым людям привыкнуть к новым жизненным обстоятельствам, принять новые условия труда. «Я горец! Я не смогу жить без гор», – говорит он Нине, ненадолго уходя со стройки. Сбившийся со своего пути Мурат, запутывается и в любви. Одинаково симпатизируя Нине и Зайнафу, какое-то время он не может сделать окончательный выбор. А, наконец-то, определившись и признавшись в любви Зайнафу, он, спасая инженера Берестова, умирает от кинжала Адыла. Моральное и политическое возмужание Мурата становится символом победы молодой стройки и молодой страны. И здесь – вольно или невольно – Теппеев проводит прямую каузальную связь между фактическими событиями реального мира и духовными уровнями изображаемых персонажей. По-

добную соотнесённость можно было бы счесть случайной и неосознанной, однако в пьесе есть примеры подобной же зависимости внутренне-го и внешнего планов, данные более чётко и ясно.

Так, смерть Мурата можно было предотвратить, если бы «местный Казанова», самовлюбленный Арсен был бы более ответственным к судьбам людей и к будущему электростанции. Случайно услышав ночной разговор Заммая и Адыла о готовящемся взрыве, он решает промолчать. Испугавшись за себя, будучи обиженным на Берестова и на свою судьбу, на бесплодность своих замыслов относительно оболыщения Нины и Зайнаф, Арсен невольно становится пособником вредителей стройки. И даже то, что, поняв своё малодушие, в финале он совершает смелый поступок – предотвращает взрыв на уже построенном Баксанстрое – не меняет некоторых необратимых последствий: его позднее покаяние и прозрение стоили жизни молодого Мурата.

Также раздираема внутренним конфликтом бригадир Фоусат, борьба за свою любовь долго не отпускает её. В лице этой сильной, решительной, молодой женщины, идущей ради своей любви наперекор вековым обычаям гор, А. Теппеев открыл новый тип героини в балкарской драматургии. Арсен, презрев её безграничную любовь, бросает женщину и переключается на Нину, затем на Зайнаф. Фоусат – персонаж не только новый в балкарской драматургии, а, как нам кажется, спорный и чрезвычайно важный для самого автора. Именно в ее уста драматург вкладывает свое понимание любви и счастья: «Разве только штамп сблизжает людей? Тогда что такое любовь? Любовь – для виду, а штамп – навсегда? Тогда зачем мы, новое поколение, так много говорим о свободе? Если нет доверия, штамп тоже ничего не стоит...». Инженер Берестов восхищается сильным характером Фоусат: «У неё есть своё мнение, решительная женщина. Арсен – ей не ровня. Как эта сильная женщина полюбила его? Кто рассудит все это!..».

В повести образ бригадира эпизодический, о её личной жизни ничего не известно. В пьесе автор вывел её на авансцену и дал ей имя Фоусат. В первоисточнике философским размышлениям о любви предается Нина, полюбившая Арсена. В драме автор «любовную нагрузку» Нины переложил на плечи Фоусат. От этого она кажется несколько чужеродной, нетипичной героиней в национальной драматургии. А. Теппеев, как было отмечено выше, был смелым писателем, новатором, ломал стереотипы, вносил в литературу непривычные образы, приоткрывал завесу над доселе «скрытым», обращался к «неприличным темам», выносил на повестку дня неудобные вопросы, которые многие авторы не желали поднять или же «видеть». Уже в этой пьесе драматурга проявились характерные черты самобытного мировидения писателя, которые потом будут развиваться в творчестве А. Теппеева.

Драматург, видимо, из желания «осложнить» образы, любовные

линии, главное, конфликт, ввёл в пьесу женщину сложной судьбы Фоусат и мятущегося Мурата. Мурат – собирательный образ, герой своего сложного, противоречивого и стремительного времени. Конечно, горцам нелегко было однозначно определиться и понять – что именно несут за собой революционные реформы. А позиционирование себя в стане новой власти, означало полное и бескомпромиссное принятие коммунистических идей, не всегда соответствовавших духу этнической морали и жизненных практик. Во многом поэтому Мурату понадобилось определённое время, чтобы понять себя и свое место в жизни. Его ранняя смерть – это память, напоминание последующим поколениям о высокой цене за новую жизнь.

Здесь мы должны отметить, что каждый герой драмы – носитель определенной социальной нагрузки, обусловленной авторской идеей. Зайнаф – это безоговорочное олицетворение этики и поведенческого ордера Советской власти, культурной революции, индустриализации и электрификации страны. Она, будучи самой молодой героиней драмы, отличается целеустремленностью. Её практически невозможно сбить с толку. Она приезжает на стройку из Карачая, намерена работать и получить образование. Свое будущее она связывает с Муратом, мечтает о счастливой жизни с ним. Неслучайно автор «включает» Зайнаф в состав делегации, которой предстоит убедить стариков в нужности и польности Баксанстроя. В этих перипетиях, напряженных сценах также видим столкновение между «старым» и «новым».

В данном контексте нельзя не коснуться названия самой драмы и повести – «Свет воды» («Твой свет»). Мурат в сцене объяснения с Зайнаф, схватив любимую на руки, кружась с ней, мечтает о будущем: «Твой свет, твоя красота снимут с меня всю усталость. О, Зайнаф, Зайнаф, какая счастливая жизнь ожидает нас!». Такого же света и тепла народ и сами строители ждут от ГЭС. Таким образом, любовь героев, их вера в будущее и народная мечта соединяются, став единым целым, символом своего времени.

Мы можем утверждать, что уже в первой инсценировке А. Теппеева очевидно его тяготение к сложным сюжетам и неоднозначным героям, которые позже найдут свое отражение в его творчестве в разных жанрах (драма «Коммунист», повесть «Девять дней», рассказы «Долина слепней», «Мост старого Геруза» и т. д.). Хотя драматургу не удалось отойти от литературности и многословия, его стремление раскрыть в судьбах героев, вступающих во взрослую жизнь, процесс их духовного становления через осуществление нравственного выбора, было шагом вперед для самого автора и балкарской сценической литературы. Постепенно обретая драматургический опыт, менее чем через десятилетие, А. Теппеев выступит как один из самобытных и талантливых авторов Балкарского театра.

МОСТ СЫЙРАТ
(отрывок из романа)

В Жамауате люди умирали рано. Потомки Жандара, любившие искать начала каждой мудрости на склонах своих холмов и в глубине пещер, говорили, что пока человек работает и пока перед ним зеленеет нескошенная полоса, он не может считаться старым, сколько бы ни прожил на свете. Они также утверждали, что старость незаметно начинается с того дня, когда человек испугается камня, который надо поднять и положить на забор. И поскольку они на том твёрдо стояли, мера возраста или, точнее, старости, в этих местах оценивалась по тому, как человек держал косу. Пока человек выходил на сенокос, годы его в расчёт не принимались – впереди нескошенная полоса жизни неведомо какой длины. И только тех оплакивали долго и скорбно, у кого эта полоса оставалась непочатой. Во всех же остальных случаях покойника чтили одинаково, в каком бы возрасте человек ни умирал.

Да, в этой долине люди умирали сравнительно рано, однако те, кто не успевал уйти в обычные сроки, нечаянно перешагнув невидимую запредельную ступень, оставались надолго, точно забытые богами. Со временем односельчане о них, вроде бы, даже забывали, а в домах своих эти запредельные долгожители превращались постепенно в одушевлённые реликты, с которых бережно сдували пыль и с почётом передвигали с места на место, но при которых даже невестки не стеснялись вести оживлённые диспуты со своими мужьями.

В последние десятилетия, неслыханно торопливые, в Жамауате бесконечно зажились только двое – Жарнес и Атто, отец Хаджибекира. Из-за того, что они сильно отличались по нраву и, можно сказать, направлению ума, к ним и отношение было разное. Жарнес всегда оставался на виду, а про Атто вспоминали лишь тогда, когда видели сидящим у своего забора на ветхом ольховом пне, с обязательной подушечкой-аппуном под иссохшим задом. До ста лет Жарнес хорошо помнил свой возраст; на втором же веку оставаться Жарнесом было трудно. Считая лучшим возрастом круглый век и ни часа больше, он не признавал последние двадцать семь лет своей жизни, считал их лишними, и, умирая в жуткие дни фашистской оккупации и будучи разумом не вполне крепок, он, тем не менее, произнёс завещание вполне достойное именно столетнего мудреца. Жарнес был святой, в этом ни-

кто не сомневался, считалось, что через него доходят до жамауатчан божьи откровения.

«Я вам не Атто!» – любил похвастаться Жарнес. И, действительно, отец Хаджибекира не отличался мудростью, вообще был человеком необщительным, и потому просидел у своего забора тридцать, а то и сорок своих последних лет и большей частью помалкивал. В прежние времена люди, проходя мимо, отдавали ему салам, но в последнее двадцатилетие он настолько слился с замшелыми камнями ограды, под которой сидел, что прохожие редко его замечали. Сам Хаджибекир за это время, кажется, всего два раза с ним поздоровался – это когда он уходил на фронт и когда оттуда вернулся без острого своего подбородка. Говорили, что он заплакал, обнимая отца, но Атто не заметил сыновнего увечья: глаза его совсем уже плохо видели.

Атто сидел у забора, когда в Жамауат приезжал рыжий ротмистр, чтобы взять десять всадников на японскую войну; потом появились другие всадники – то отчаянные вероломные и жестокие, то снова красные, но уже открытые и смелые. Однажды завязался бой прямо на его глазах у моста, – он оторопело смотрел на яростную рубку и подумал тогда о давнем-давнем побоище в Карачае: наверное, там, в Хасауке, вот такая же была резня, и его отец вот так же рухнул с коня и обильно окровавил землю. А потом к нему приходили дети, требовательные, как взрослые: Атто с удивлением смотрел на красные повязки на их тоненьких шеях – это было чудно, ему очень хотелось потрогать рукой, а может быть, даже палкой красные повязки на ребятах. В его юности так повязывали шеи овец, чтобы узнавать их в отаре. Дети аккуратно садились рядом, отбирали палку, вместо неё всучивали карандаш и начинали своё кляузное дело. Они требовали, чтобы старик произносил «а-а». Он силился повторять за ними этот дурацкий звук «а-а», совершенно не поднимая головы, кажется, не видя их, потому что без палки ему было тягостно и одиноко. Карандаш, пристроенный между его большим и указательным пальцами, раздражал его, как уродливый нарост, а дети, держа его руку, высохшую и упрямую, водили ею по бумаге. Атто потел, глаза его слезились, но посланные дьяволом учителя были настырны, словно слепни на сенокосе, и он, глядя на свои немислимые каракули, расплзающиеся по бумаге, как грешные тропы в потайных местах, покорялся. На следующий день с мольбой смотрел на сына, надеясь, что он избавит его от красношеих мучителей. «Ликбез, отец! – бессердечно отвечал Хаджибекир. – Мы сами ходим, а к тебе приходят!» Со стонами плёлся старик по утрам на своё место и с трепетом ожидал беспощадных шайтанят. Но терпение учителей тоже было не беспредельным – они кое-как сумели научить старика изображать пять или семь букв, затем, с помощью сверхчеловеческих усилий (и своих, и Атто), добившись от почтенного аксакала

его собственноручной подписи «АТО», – записали его в число грамотных и исчезли. Мало что изменили в жизни Атто эти пять или семь букв; остановившаяся когда-то его жизнь так и не сдвинулась с места. Он выходил спозаранку, садился на свой пенёк с аппуном, и дремал, уткнувшись в свои сто лет. Просыпаясь, глядел на мир и, хотя мир этот бурлил, как река Юрду во время ливня, всё кругом обновлялось, меняло свои цвета и оттенки, даже кони иначе ржали, а люди, которых он ещё помнил, иначе произносили слова, иначе называли вещи, которые испокон веков являлись привычным для глаза и ума; иначе перегонялся скот на летние пастбища, и даже, кажется, дети иначе влюблялись и иначе женились – он продолжал видеть мир таким, каким он был в его полноценно зрячие и ходячие годы. Потому и был покой в душе! Но однажды этот сын Чылмаевых, Хамид, вверг эту его благостную жизнь в неразрешимую путаницу, и его погасшее было сознание вдруг стало лихорадочно возрождаться, искать ответы на запредельные вопросы. А дело было в том, что этот сын Чылмаевых пришёл в тот день с двумя незнакомыми людьми и, ничего не спрашивая и не объясняя, стал переворачивать дом его сына Хаджибекира, колхозного ударника. Хаджибекир кинулся к ним с недоуменными вопросами, а Хамид и его нездешние помощники, не пряча бесстыжих лиц, бросали ему, Хаджибекиру, в лицо какие-то нездешние слова. Когда же Хаджибекир схватил топор, один из двух нездешних вытащил из кобуры пистолет, а Чылмаева сын грозно изрёк «ресцицириуа». Из тех букв, которые Атто знал, такое слово не слагалось; он бессильно мучился, пытаясь разгадать тайну ужасного слова. Не помог ему и окаянный Жарнес, утверждавший, будто и сам Чылмаев этого слова не знает! Ну как не знает, если сказал, а потом загнал Хаджибекира в Сибирь! И покуда сидел сын, покуда плакала его внучка Мадина и сноха Айша не получала ничего из колхозного амбара – её гнали обратно, да к тому же бранили, угрожая и её посадить, Атто не пропускал ни одного встречного, чтобы не спросить о зловещем слове, принёсшем столько бед в его дом. Люди искренне хотели ему помочь, но никак не могли проникнуть в тайный смысл понятия «ресцицириуа». Правда, Абу Кайбергенов, старший сын Бияслана, смышлёный и озорной, зная пристрастие новоявленных демагогов к учёным словечкам, попытался ему объяснить Хамидову абракадабру и почти пропел по слогам: «Ре-ко-гнос-ци-ровка». Особой ясности в изучаемый вопрос Абу внести не сумел, тем более, что отнесся к делу с изрядной долей иронии. В общем, старик возненавидел проклятое слово. Жарнес убеждал: «Оставь! На свете много дурных слов!» Атто же, упорно возжелавший понять его суть, неодобрительно посмотрел на «тугодумного» соседа, потому что в глубине души верил, что одолев смысл этого слова, тем самым освободит своего сына из тюрьмы, посмотрел и сказал: «Нет слова дурнее, чем слово «Жарнес»!

Жарнес тут же обиделся, и, как и во все годы, пожалел, что хотел добра этому человеку; он встал, поглядел на него уничтожающе и пошёл, а Атто хихикнул ему вослед: «У тебя собачья походка!». Жарнес, конечно, услышал наглое замечание соседа, но посчитал ниже своего достоинства остановиться и дать отповедь нечестивцу.

Атто страдал от незнания причин, побудивших Чылмаева переворочить дом его сына, а потом и посадить ударника колхоза, возводил Жарнеса в ранг самого мощного вруна. Правда, когда ему, как и прежде, выносили из дома какое-то занятие – мять, например, шкуру, латать чабуры, шлифовать какую-нибудь деревянную поделку; увлѣкшись, Атто забывал сверлящее мозг слово. Уставая после несложной работѣнки, он засыпал, привалившись к забору спиной, а проснувшись, снова кричал каждому прохожему слабым, силным голосом: «Кайры бараса – куда идѣшь?» Кто бы ни оказывался в это время на дороге – девушка, идущая за водой, парень, спешащий на занятие в кружке Осоавиахима, грамотный-неграмотный, – всё равно, останавливался, а старик сразу спрашивал: «Все ли слова на свете знаешь?» Люди в ответ смущались, пожимали плечами – что можно было сказать? Вообще-то в Жамауате уверенно пользовались словами, которые имели смысл, а то, с которым приставал старик, смысла вроде бы не имело, хотя каждый вопрошаемый пытался вертеть запредельное слово и так, и эдак. Атто недовольно кивал головой, а в его бороде появлялось нечто подобное язвительной ухмылке. «Но почему Чылмаева сын знает, а вы не знаете?» – сокрушался он. Но тут прохожие, точно спохватившись, убыстряли шаг, потому что не хотели оказаться лишенцами, а Чылмаева сын за малейшее сомнение в его правоте и прозорливости мог сделать их таковыми, мог преподать суровый революционный урок из той дисциплины, которая называлась практической работой с массами. И уроков уже было так много, что даже самые активные жамауатчане были сыты по горло.

Атто ждал пропавшего сына и напряжѣнно вглядывался в лица прохожих: ему порой казалось, что люди теперь не ходят по земле, а скользят по ней вверх-вниз, вверх-вниз, и в этом скольжении не замечают, что происходит вокруг. Другой раз знакомые лица казались озлобленными, потому что когда Атто их окликал, они как-то растерянно оглядывались и, не думая даже остановиться, проходили мимо. «Они в упряжке, – вдруг довольно трезво подумал Атто. – Только в упряжке невидимого дьявола люди могут быть такими заезженными». Ему становилось страшно, под забором его одолевала тоска по сыну, по общению с Жарнесом, с другими людьми, но люди сторонились его, будто обнаружили заразную болезнь. В эти годы появилась у него догадка, и она, эта догадка, постоянно сверлила мозг. Теперь он думал, что все беды из-за того, что на свете появилось и существует много таких слов, которые людям непонятны, а если бы люди их, эти слова, поняли, то легко ос-

вободились бы, и ему, Атто, не было бы так одиноко у ограды двора, и Хаджибекир бы давно вернулся. Это открытие состарило его ещё больше, хотя, казалось бы, дальше и стареть некуда. Годы ещё тяжелее легли на его согбенную спину, и, несмотря на то, что многочисленные дети Хаджибекира и сноха Айшат по-прежнему относились к нему, как к священному камню, все его боялись, по его взгляду старались определить правоту свою или неправоту и были готовы любить его вечно, жить ему больше не хотелось. Разоблачение в Жамауате очередного врага народа давало старцам повод продолжать и собственную междоусобицу. Жарнес, забывший последнюю обиду, приходил; Атто рвался встать, чтобы оказать честь соседу, Жарнес насильно удерживал его на пне с апшунном, сам садился рядом и, после некоторого молчания, сообщал: «Сын Ильяса Харун – враг!» – «Враг?» – переспрашивал Атто. «Да, враг, – отвечал Жарнес. – Он замышлял продать Жамауат Ингилизу». Атто долго переваривал услышанное, а затем, доводя ровесника до исступления, снова и снова переспрашивал: «Что такое враг?» Жарнес выходил из себя и кричал, заглушая, как ему казалось, шум реки Юрду: «Враг – это голова твоего отца!» Атто порывался дать палкой по шее «дерзкому мальчишке» – ведь он считал себя намного старше Жарнеса, но возмущение собеседника казалось ему забавным, и, хитро поглядывая на соседа, не раз пытавшегося доказывать – наоборот – своё старшинство, Атто вдруг тоненько хихикал. «Чего ты смеёшься?» – бесновался Жарнес, а ровесник отвечал: «Как не смеяться, если ты говоришь ясно и чётко, что голова моего отца – враг! Голова моего отца была вместе с телом, когда его привезли с Хасауки, только была рассечена мечом». Жарнес вставал, чтобы навсегда покинуть этого притворщика, всё хорошо помнившего, но предпочитавшего прикидываться дурачком. Увидев, правда, что Атто никак не реагирует на его возмущение и не собирается тужить, если он уйдёт, колебался и, дрожа от досады, опять садился рядом. «На Хасауке я сам воевал, но не встречал твоего отца», – говорил Жарнес, не без злорадства разоблачая Атто. Вообще-то он шёл по хрупкому льду, поскольку в 1828 году, когда хитрый Эммануэль, русский генерал с нерусской фамилией, предпринял карачаевскую экспедицию через верховья Малки и покорил Карачай в результате кровопролитного боя на перевале Хасаука, Жарнесу было всего тринадцать лет. Потому и врезал ему Атто: «Не опрокидывай скалы!» Таким образом, он возводил Жарнеса в ранг самого мощного вруна, а затем добил окончательно, будто сбросил с одной из этих самых скал. «Во времена Кавказской войны ты без штанов ходил», – заявил Атто и смело стрельнул в Жарнеса одним хихикающим глазом. Ну, такое и пророк Иса не мог бы простить! В тринадцать лет ходить без штанов – нет пущего позора! Терпение Жарнеса окончательно лопнуло и, позабыв о горестной судьбе Харуна, сына Ильяса, он реши-

тельно бросился защищать свою честь. «Это я-то без штанов ходил?» – спросил он угрожающе, но Атто невозмутимо добавил: «Да, ты ещё перед женитьбой ходил без штанов!» Жарнес, уронив палку, вцепился в воротник Атто. Тут кто-то показался на дороге, и старики сделали вид, будто обнимаются, и так и обнимались, пока прохожий не скрылся за поворотом. Тогда Жарнес отпустил обидчика, огляделся, и, убедившись, что поблизости никого нет, посмотрел на него в упор и сказал:

– Ты тоже враг народа! Только не арестованный!

Шли дни. Атто, сидя у забора, не вёл им счёт, но и он чувствовал, что идут дни быстрее, чем прежде, потому что люди в Жамауате теперь рано созревали, рано выходили на дорогу, но и рано исчезали. Вот и Жарнес, после того, как сказал: «Ты тоже враг народа», не приходил уже давно, больше трёх дней, и Атто решил, что он исчез тоже. Про него, однако, Атто не мог сказать, что он исчез рано. Обычно Атто прислушивался к шуму реки Юрду, это утешало его, помогало коротать дни, а теперь и шум реки пропал, и с высоких склонов за домом на него накатывалось чёрным комом одиночество. И либо чёрное одиночество стало невыносимым, либо обвинение этого Жарнеса растревожило душу, но Атто пугался теперь каждый раз, когда из-за поворота дороги появлялся всадник или двое пеших, не по здешнему одетых. Он начинал беспокоиться, смотреть по сторонам, как бы прикидывая, куда бежать, а когда всадник или двое пеших приближались вплотную, он начинал вдруг мелко трястись, суетиться и кричать: «Мадина! Ресидириуа!» Мадина, смеясь, прибежала и утешала его, но он продолжал поскуливать. «Не надо! Я не хочу! Я не враг!». У прохожих и без того бывало много забот с очередной кампанией, так что они шли своей дорогой, даже и не подумав успокоить старца. Мадина садилась рядом и долго успокаивала деда. В тот раз, когда Хаджибекир неожиданно вернулся, а через день началась война, Мадина плакала, плакал и он: странно так плакал – без слез, но со стонами и мелкой дрожью – все понимали, что Атто плачет не из-за сына, так быстро уходящего на фронт, а из-за внучки, которую любил больше сына. С тех пор, как умерла её мать, первая жена Хаджибекира, он не расставался с нею. Когда Мадина находилась дома, занимаясь своими делами, он мирно подрёмывал у забора, но в часы её отлучек, не в силах усидеть на месте, возбуждённо ковылял между мостом и домом, и люди боялись, что он упадёт где-нибудь. Потом, на исходе первого года войны, Мадина исчезла на несколько недель, и Атто не ел, не спал, все норовил уйти на её поиски, приходилось даже запираить ворота. Люди в Жамауате навсегда запомнили день возвращения Мадины, – Атто, много лет молчавший у забора, бросался навстречу каждому, кто приходил к ним в эти дни поздравить счастливую семью. «Мадина вернулась! – сообщал он свою радость. – Мадина вернулась живая», – повторял он, и из его жидких

глаз текли слезы. После этого он передвинул свой пенёк поближе к воротам, чтобы больше не упустить внучку. Но Мадина и сама уже не хотела никуда выходить: жизнерадостная прежде, она вернулась как бы потухшей, – домашние боялись за её жизнь. Где она находилась больше месяца, никто не знал, расспросы ничего не давали. Наконец, жалея Мадину, её оставили в покое. А потом Атто видел отступающих советских солдат. Они были измождённые, давно не знавшие радости домашнего очага. «Наверное, люди ныне болеют неведомой прежде болезнью», – подумал Атто. – Слава Богу, – сказал он почти вслух, – это только болезнь, а всякая болезнь проходит в свой срок. Тогда и Мадина станет по-прежнему весёлой». – И Атто, переживавший за состояние внучки, успокоился.

После смерти Жарнеса Атто стал ещё более одинок. В первое время он всё спрашивал, где окаянный Жарнес, а ему отвечали, что он на войне. И это был опрометчивый ответ, потому что Атто стал требовать, чтобы и его отправили на фронт. Если женоподобный Жарнес воюет, то и он может! Так решил Атто и теперь непрестанно мучил Мадину и всех домашних своими бреднями.

Ранним утром 8 марта, ковляя к своему пню, он натолкнулся во дворе на ишачий подседельник. Поднял его и заметил, что подседельник надорван. Атто потребовал шило и тиккич – тонко вырезанную из сыромятной кожи дратву. Его родным было не до ишачьего подседельника – внизу уже грохотали машины, отовсюду доносились вопли и плач женщин, но Атто ничего не хотел слышать, требовал тиккич и шило. Наконец, нашли их, и Атто, похожий на великаншу-эмегену залатывающую прорехи земли, сидящий на коленях и согнувшийся в три погибели, аккуратно, словно имеющий ясное зрение, прокалывал шилом нужное место, продевал в дырочку дратву и ловко сшивал порванные края. Машины проезжали мимо, обдавая его пылью, а он не слышал ни их гула, ни криков людей, ни испуганного мычания коров в загонах, – согнувшись почти до земли, Атто чинил ишачий подседельник...

Керим, промаявшийся всю ночь у постели больной сестры, спешил домой. Нелепо размахивая обрубком руки, он почти бежал. Ноги подкашивались, перехватывало дыхание, и он со стоном шаркался на обочину от каждой машины, проносившейся мимо него. Возле дома Хаджибекира он перебежал через мост и увидел, что в его переулке остановилось несколько машин, а солдаты с автоматами спрыгивают из кузовов. Острая боль тревоги за семью окончательно обессилила Керима, но, проходя мимо Атто, он замедлил шаг, чтобы отдать салам старику. Керим открыл искажённый одышливый рот и осёкса: Атто, как ни в чем не бывало, чинил ишачий подседельник. Не веря своим глазам, Керим замер на месте: не мерещится ли ему такое? Но он ви-

дел то, что видел – Атто чинил ишачий подседельник. Это потрясло и озадачило безрукого, с трудом стоящего на ногах Керима. У него вырвалось:

– Что ты делаешь, Атто? Что делаешь в такой час?

И зря Керим думал, что Атто никого не видит, не замечает, потому что старик, не поднимая головы и продолжая орудовать шилом, крикнул тонким голосом:

– Проходи, проходи! – Он зло кольнул шилом, сердито засопел и, набрав в лёгкие побольше воздуха, добавил: – Проходи, чтоб ты... – и стукнул кулачком по своей острой коленке.

Керим действительно прошёл, вернее, пробежал дальше, словно подгоняемый нацеленным ему в затылок винтовочным стволом. На мгновение могло показаться, что он заодно с разбегавшимися по дворам солдатами. У дома Кушжетеровых Керим чуть замедлил шаг. Он увидел замерших, будто каменные изваяния, Хамзата, его внука и невестку, а Хорасан сидела на ступеньках с какой-то старинной книгой в руках и с хурджином – рядом. Обитатели этих крутых переулков, зажатых с двух сторон грубо сложенными каменными оградами, изрытых ливневыми потоками, утрамбованных копытами животных, изъезженных арбами, может быть, ещё языческих пращуров, – обитатели этих древних переулков не знали, что совсем недавно они, потомки своих предков, были распределены по грузовикам: восемь-десять домов на один грузовик. Солдаты теперь безошибочно отсчитывали дома в переулке, словно в академиях и училищах их командиров только тому и учили, как быстро и оперативно очищать древние долины от их исконных жителей. Прочувствовав это до глубинной боли души, Керим хотел донести крик своего сердца до Хамзата, давнего соседа и единове́рца, но ничего не вышло. Ему тогда казалось, что вместе с криком ушла бы из груди обжигающая, гнетущая боль, которая не давала ему дышать, но вместо крика или приветствия, пусть бы и похожего больше на вопль о помощи, получалось какое-то глухое, унижительное хныканье – стон не стон, плач не плач, – и все это либо в сознании, либо в бреде. И Керим опустил голову, не глядя больше на Хамзата, стоявшего на высокой, только что отделанной террасе своего дома, которую он все-таки называл совсем не балкарским словом «коридор». Хамзат пристальным, но каким-то неприкаянно-отчуждённым взором наблюдал, как солдаты по двое, бегом, будто на приступ, заскакивали во дворы, ещё с рассвета разбуженные и обескураженные зловещим рёвом мощных моторов. Это было как последнее проявление той неумолимой неведомой силы, что последние годы витала над этими дворами. Хамзат наблюдал, как эти дворы, много раз усмирённые, много раз выхолощенные, выдохшиеся, согбенные этой глубинной неведомой силой, всё же выживали – благодаря тому, что все жертвы приносились во имя

счастливого будущего, отдалённое сияние которого освещали как слова карающие, так и слова возвышающие. Хамзат знал это и смотрел теперь, как они, эти дворы, измождённые войной и непосильным трудом, безропотно встречали вбегающих солдат, уже готовые примириться с любой уготованной им участью.

Керим, который лишь полгода назад лежал в госпитале в Чебоксарах с ампутированной рукой, Керим, который бежал по переулку к своему дому, чтобы покинуть его навсегда, заметил, что для солдат самой главной неожиданностью оказалось именно это смирение жамауатовских дворов. Женщины, старики, дети, безнадежно проливая слезы, выходили навстречу солдатам и стояли, прижавшись друг к другу, покорно ожидая, что будет дальше. Остановился и Керим; в эту минуту дать ему силу двинуться дальше мог бы только Хамзат, но он, пораженный всеобщим смирением, словно превратился в один из камней собственного двора. Керим больно зажал здоровой рукой тупой обренок своей культи, и сквозь боль, затуманившую взор, увидел, как люди, подгоняемые солдатами, стали бросать наспех собранные пожитки в кузов машины. «Если я в сию же минуту не двинусь дальше, мои ноги вращут в землю», – подумал он. Хамзат все стоял, и Керим увидел, как офицер в чине капитана направился к нему в сопровождении худого смуглого солдатика. Вот и всё... Теперь Керим ничего не сможет сказать Хамзату. Керим повернулся – в самой верхней части переулка, под горой, стоял его дом. Сейчас он пойдёт мимо студебеккера, мимо хлопчущих дочерей Шоштара, соседа Хамзата, ушедшего вместе с немцами, мимо беседки, где обычно просиживали вечера мужчины из ближайших домов, сейчас он пробежит вдоль каменного забора, который сложили в тот год, когда в Жамауат приезжал рыжий долговязый ротмистр и забрал на японскую войну десять всадников, и Керим очутится дома. Но он не успел и шагу сделать, как его остановил солдат и дулом винтовки прижал к забору. Керим как-то беспомощно выставил вперед обрубок своей руки и, не успев ничего объяснить солдату, крикнул в гнетущее пространство:

– Я жив! Я здесь! Пусть не плачут дети!

Так он однажды кричал, орошая своей кровью рыжую глину Таманского полуострова, но солдат, прижавший его к забору, не понимал по-балкарски и потому мог подумать, что этот отчаянный горец, размахивающий обрубком руки, проклинает красноармейцев. Усталый, измученный трудной дорогой по ущелью, солдат мог бы застрелить мерзавца, вдруг решившего, как он догадывался, уйти в лес, убежать, скрыться, иначе куда он спешил, глядя в горы, но, по-видимому, не было приказа стрелять на месте. Но если и был бы такой приказ, вряд ли бдительный воин решился бы без команды пустить пулю в эту вздувшуюся грудь, в искажённое лицо, даже в эту руку, в обрубок руки,

который так раздражал его, невыспавшегося, не евшего вот уже вторые сутки, лишённого возможности бить фашистов из-за таких вот мерзавцев-изменников. И, упираясь дулом винтовки в грудь Керима, солдат оглядывался, ожидая команды, но её не было, потому что командир в этот момент снимал с Хамзата пояс, а точнее – срезал старинный, с серебряными бляхами-подвесками пояс его же, хамзатовским, ножом, а Хамзат, онемевший, окаменевший, смотрел на командира невозмутимо, понимающе и строго смотрел, словно издалека, с той высоты, где нет места мышиною возне и нечистым помыслам. Хамзат как бы отстранился от суетливой возни офицера и его смешного «бдения» насчёт пастушьего ножа, висевшего много лет на этом старинном поясе. Керим не видел, тем более, не знал, с какой враждой этот офицер шёл к Хамзату: высокий, стройный, с белым красивым лицом, он шёл, упоенный безграничной властью... Но когда он снял пояс с ножом, когда увидел прижавшегося к деду внучонка, когда, наконец, обновлённая веранда дохнула на него свежим сосновым духом, отвергающим всякую вражду, он вдруг растерялся. Николай Крайнев, так звали капитана, любил родину, родина представлялась ему советской властью, советская власть – в облике Сталина. Ещё в школе, когда ему приходилось слышать от учителей или самому читать о врагах советской власти, он переполнялся лютой ненавистью к ним. И когда ровесники мечтали стать лётчиками, писателями, физиками, чтобы преобразовать родину, он говорил, что пойдёт в военное училище и станет грозой классовых врагов. В школе его называли Коля-патриот, и он гордился своим прозвищем. В военном училище он носил портрет Сталина в кармане, и этот портрет питал и направлял его патриотизм; теперь для него мир делился только на тех, кто шёл за его родиной, за его Сталиным, и на тех, кто тайно или явно не одобрял этого пути. Он был готов умереть за первых, но беспощадно уничтожать вторых.

Когда его вызвали и сказали, что предстоит выселить кавказских горцев и его рота направляется в аул Жамауат, он это принял как должное и нисколько не усомнился в правоте такого указа. Ему, ранее никогда не бывавшему на Кавказе, люди гор казались жаждущими крови, готовыми причинить зло из-за пустяка, хотя бы из-за матерного слова. Так однажды и случилось на полевых учениях, когда лейтенант матерщинно выругал салагу-кавказца, а тот, выхватив из кипящего котла мешалку, с размаху ударил ею в бок обидчика. Новобранец защищал честь матери, а офицер, бездумно, а может быть, и беззлбно выплюнувший привычные присловья, скорчился от боли – ребро оказалось сломанным. Николай Крайнев, тогда старший лейтенант, был готов тут же расправиться с диким горским волчонком, но сам пострадавший, видимо, понял что-то такое, о чем не думал никогда ранее, просил не поднимать никакого шума. С тех пор много воды утекло, многое изме-

нилось в жизни Крайнева, а случай тот он помнил и, хотя себя трусом не считал, все же не позволял себе матерную брань при кавказцах, не касался священной чести их женщин. И странно как-то сочеталось в нем подозрительное отношение к горцам с беспредельной любовью к Сталину. И в это утро восьмого марта он не сомневался в том, что вершит правое дело. Когда он шёл по двору, держа наган в руке, сердце колотилось не от страха, хотя он предполагал, что какой-нибудь изменник, затаившийся за углом, мог бы и выстрелить, а от того, что старик не двигался, не изменился в лице, а смотрел на него в упор, и мерцающие зрочки его больших, строгих и скорбящих глаз тысячами игл пронизывали душу. Старик не шелохнулся и тогда, когда он вынул из ножен его нож, перерезал им ремень, хотя пояс можно было легко расстегнуть. Красивая молодая женщина дрожала, опустив голову; она пыталась совладать с собою, унять дрожь, но ничего у неё не получалось, и Коля-патриот, видя смятение изменницы, упрямо взрачивал в себе чувство торжества – людей в этих местах постигала праведная кара, пусть трепещут и холодеют от ужаса – капитан Николай Крайнев этому только рад. Он отошёл от Хамзата, сердце его успокоилось – дело шло как нельзя лучше: народец этот погружался в студебеккеры, никаких ожидаемых стычек, никакого сопротивления, значит, знают, сволочи, за что их карают. Однако он уже не испытывал той озлобленности, которую чувствовал со вчерашнего вечера. Он ехал по страшным, нависающим над пропастями дорогам, колеса мощных студебеккеров не раз скользили по краю бездны. Ехали при потушенных фарах – таков был приказ. Капитана прошибал холодный пот, он уж не чаял живым добраться до этого аула в дебрях ущелья, чтобы загнать его жителей в машины, как убойный скот, и выдворить их вон, чтобы поняли, каково держать зло на советскую власть. Теперь, при светлом дне, всё это казалось ему ночным кошмаром, его гнев шёл теперь только от нервного напряжения, потому что трудно было обнаружить у этих людей хотя бы толику того зла, против которого он был так ожесточён заранее. Сейчас он уже иначе посмотрел на Хамзата: гнев как будто отпустил его, тут же прихлынуло к горлу какое-то непонятное, похожее на стыд чувство, и он сделал ещё два шага назад, ещё пристальнее посмотрел на обезоруженного им человека, и белое его лицо залилось густой краской. Впервые в своей жизни он почувствовал себя обманутым, и, всё ещё стоя с наганом в руке, всё ещё следя за солдатами, загоняющими людей в машины, засомневался в своей правоте: не он, капитан Красной Армии Николай Крайнев, а этот старик, камнем застывший на месте, совершенно, казалось, безучастный ко всему, что происходило вокруг, явно сознавал себя правым. Он – везучий Коля-патриот, капитан в двадцать пять лет, никогда не задумывался над тем, какой бывает правда, а в этот тяжкий час она, эта правда, поставила перед ним его деда, мель-

ника Тимофея... Не какой-то горец стоял перед ним, а дед Тимофей, и не сломленная воля кавказца, а живой укор и осуждение деда лишали его прежней уверенности. Николай Крайнев содрогнулся от схожести этих взглядов и этих рук: руки деда всегда пахли свежим помолом, а эти – свежим сосновым духом. Глаза Тимофея под густыми седыми бровями так же пронзительно глядели на него, когда он декламировал новые стихи о любимом вожде. Мальчик обещал вырасти в сталинского снайпера, а дед хмурил брови. То ли пытаюсь заглянуть в нутро нынешней молодёжи вообще, то ли дотошно оценивая успехи внука, Тимофей пронизывал его всего сверлящим взглядом, словно хотел вывернуть наизнанку. И этот горец тоже!.. Николай Крайнев закрыл глаза, провёл рукой по лбу – что за наваждение! Он хотел взять себя в руки, но что-то в нем не срабатывало. Сейчас он был похож на новенькую винтовку, отлично подготовленную для решительного боя, но в час смертельной опасности давшую осечку. Разум, годами настроенный на рефлекторное выполнение приказа, судорожно дёргал за спусковой крючок, а сердце выстрела – боёк – был не в состоянии воспламенить порох. Солдаты, видя, как он после решительного обезоруживания старика вдруг замешкался на месте, точно прихваченный каким-то забытым недугом, тоже встали, не решаясь что-то предпринять; только тот худой, смуглый солдатик в поте лица тащил из дома Кушжетеровых все, что попадалось под руки, и бросал в машину. Он бежал мимо сидящей Хорасан, мимо стоявшего рядом с дедом Музафара, что-то говорил на ходу Лейле и ни на минуту не давал себе передышки. Казалось, этот смуглый парнишка понимал обуявшую капитана тоску или разочарование, потому что бегал и мимо него, не обращая на командира внимания, не боясь его, и чем дольше капитан стоял в бездействии, тем больше смелел солдатик.

– Ты мельник, что ли? – спросил вдруг капитан Хамзата.

– Он мельник! – вскрикнул Музафар. – Он мельник, он мой дедушка...

Хамзат ничего не ответил офицеру, спустился во двор, жестом повелев жене и снохе последовать за ним, и пошёл к машине, ведя Музафара за руку. Лейла сначала последовала за дедом, но вдруг побежала обратно: она ещё с порога видела, как её бурая большая корова с широкими дугообразными рогами металась в сарае, а в тот момент, когда они уходили, стояла, просунув голову сквозь пролом гезенек-плетня. Лейла очень любила свою корову. Когда доила её, то всегда пела. Уходя, она хотела попрощаться с нею, погладить её, но когда она подошла поближе, то увидела, как из её больших грустных глаз катились слезы, шерсть под глазами была влажная. «Быстрее! Быстрее!» – звучала команда. Смуглый солдат волновался, потому что видел, как у машины, вырываясь из рук деда, плакал мальчишка. Он кричал: «Ой, келин!», а она плакала.

– Тут какой-то беглец, – наконец-то обратился к офицеру тот солдат, что прижимал Керима к забору.

– Да отпусти его, сукин сын! – вдруг рыкнул капитан. Солдат убрал винтовку, но Керим вместо того, чтобы уйти, убежать, соскользнул вниз. Так он и сел, широко расставив ноги, откинувшись спиной на ограду. Мутные капли пота, рождаясь на его широком лбу, катились вниз по измождённому лицу; подавленный и сокрушённый, он ни на кого не смотрел, часто дышал, и непонятно было, то ли силу набирал, чтобы встать, то ли хотел к забору прирасти. Потом он все же поднялся и уже как-то равнодушно, нехотя пошёл в сторону своего дома. Между тем смуглый солдат вынес из дома огромный чайник, в котором хранилось топлёное масло, и побежал к машине, чтобы вручить чайник кому-нибудь в руки. На полдороге он увидел Лейлу у сарая и вернулся к ней. Прижавшись щекой к голове коровы, Лейла плакала; он остановился, поставил чайник на землю, но подойти к женщине всё же не решился. Он стоял и ждал. Ещё суровее звучала команда, и уже Хамзат подзывал её к машине. Поплакав, Лейла оторвалась от коровы и прислонилась к плетню, чтобы не упасть, а солдат открыл загородку сарая и отпустил корову. Она побежала вниз, ни на кого не глядя, как-то приглушённо, прерывисто мыча, тяжело качая большим молоконосным выменем. Хорасан из машины увидела, что корова побежала в сторону водопоя, а её соседи вздыхали и хвалили корову, которая была породистая, удойная, спокойная, и все в округе стояли в очереди за её потомством. Смуглый солдатик поднял с земли чайник с маслом, взял Лейлу под руку и повёл к машине. Пройдёт время, и этот чайник, а точнее, его содержимое, спасёт жизнь Хамзата – кормильца семьи: в бесприютный и голодный год, первый после выселения, он заболит тифом, и Хорасан будет поить его горячим топлёным маслом – ежедневно по большой деревянной ложке, – и он преодолеет болезнь, скосившую многих его земляков.

По мере того, как машины заполнялись мешками, матрацами, тюками, железной и деревянной утварью, забрасываемыми беспорядочно, в спешке, солдаты успокаивались, настроение их улучшалось. Некоторые из них, как тот смуглый солдатик, в поте лица тащили в кузова всякую всячину без разбора, другие, стоя у ворот с винтовками наперевес, грубо понукали и торопили людей, а люди, уже выходя, вдруг спохватывались, будто только сейчас осознавали, что их бесповоротно отлучают от родных домов, и судорожно хватали напоследок что-то из дорогих сердцу вещей: кто под мышкой держал старое, потрескавшееся корыто, кто тащил свёрнутые в круг кожаные верёвки-жантау, кто – керосиновую лампу... Потом, погружаясь в машины и теснясь, как овцы на мосту, они суетились и плакали, проклиная судьбу, и молились Богу. Последними сели в машину Хамзат и его семья. Хамзат сел таким

образом, чтобы между коленями держать Музафара, а через открытый сзади кузов видеть земли Жамауата.

Капитан Крайнев уже вышел в переулок со двора Хамзата. Он стоял у невысокой скалы и смотрел, как люди садятся в машины. Тимофей то пропадал, то возникал вновь перед его взором, порой что-то говорил ему, потрясая в воздухе руками, осыпанными мукой. «К черту!» – тряхнул головой капитан. Наконец, он совладал с собою, отринул соблазн добра и воспоминаний и снова стал суровым, непреклонным солдатом, выполняющим свой долг. Он решительно оторвался от скалы, точно она приковывала его той минутной слабостью и, шагнув вперёд, отдал команду солдатам занять свои места. Но теперь в машины садились только по двое солдат с винтовками, остальные построились в колонну и, когда командир сел в кабину и машина тронулась, пошли строем.

В нижней части переулка погрузка ещё продолжалась. Во всех дворах стояли солдаты. Когда их машина остановилась, Хамзат увидел внизу склонившегося над ишачьим подседельником Атто. Кажется, со стариком было что-то неладное: Атто совершенно не двигался. Насторожившись, Хамзат хотел его окликнуть, но, видя, как Хаджибекир и его жена Айшат бегали мимо Атто и бросали в машину свои вещи, Хамзат решил, что причин для беспокойства нет. Когда прозвучала команда на отправку, Хамзат ещё раз посмотрел на Атто, который согнулся к самой земле, точь-в-точь языческий ритуальный камень. «Атто!» – крикнул тогда Хамзат, хотя и понимал, что его голос не пробьётся сквозь глухоту старца. К отцу подошёл сын и позвал его. Но Атто не откликнулся, оставаясь склонённым к ишачьему подседельнику. Только тогда Хаджибекир выронил из-под мышки поперечную пилу, и его ватный подбородок затрясся. Он приподнял отца и крикнул вне себя:

– Что ты, отец, надумал! Что надумал в такой час!

На крик раньше других прибежала Мадина. Увидев её, Хаджибекир вдруг заплакал навзрыд, как женщина. Хамзат, не дав опомниться солдатам, выпрыгнул из машины и очутился у трупа. Мадина отступила и прижалась к забору, а Хамзат, опустившись на колени, стал выпрямлять покойного. Хаджибекир плакал, Мадина бессильно жималась в ограду, словно хотела раствориться в камнях забора.

– К машине! – скомандовал капитан. Хаджибекир, ничего не помня, оттолкнул Хамзата, взял на руки тело отца. Он пошёл к машине, неся труп перед собой. У борта он перебросил тело на левую руку, а правой попытался подтянуться в кузов. «Отставить!» – заорал офицер. Но Хаджибекир пытался взобраться наверх с мёртвым отцом, Хамзат отчаянно помогал ему. «Снять покойного!» – приказал тогда капитан, вылезший из кабины. Музафар увидел, как Мадина сняла с

забора камень и пошла к капитану. «Стерва!» – произнёс тот, но видя невменяемое лицо девушки, отступил, хотя и держал в рунах наган. Кто-то из не успевших сесть в машину удержал Мадину, отобрал у неё камень и кинул в сторону; он же оттеснил девушку так, чтобы она больше не видела того, что творилось у заднего борта машины. В эту минуту Хаджибекир почувствовал чьи-то руки у своего бока и, поняв, что с телом ему не подняться в кузов, решил подать туда сначала труп, а потом взобраться самому. Теперь люди наверху тащили труп в машину, а два солдата тянули его снизу за обе ноги назад. Капитан Крайнев со злостью выкрикнул:

– У вас и там будет достаточно мертвецов!

Солдаты, наконец, одолели подлых изменников, взяли Атто. Перед солдатами ясно, как живое, блеснуло языческое лицо старца; умиротворённый и просветлённый, он вдруг слабо улыбнулся им, и они, усталые, измотанные, то ли опешив, как от чуда, то ли сплеховав, уронили его на землю. Атто упал не как мертвец, а как прыгун, стремящийся удержаться на узком горном карнизе, с широко раскинутыми руками и ногами, чтобы охватить как можно больше земли. Хамзат пытался уложить покойного нормально и закрыть ему глаза. Капитан Крайнев потребовал, чтобы он немедленно оставил покойного, а солдат направил на него ствол винтовки, но Хамзат ничего не слышал и не видел, пока не перевернул Атто на спину, не выпрямил тело и не закрыл старцу глаза. Тут Музафар увидел, что отпустили и Мадину. Она подошла к покойнику, встала над ним – смуглая, прямая, скорбная. Потом белая шаль соскользнула с её плеч, она накрыла ею тело деда, и Музафар удивился тому, что она ни единой слезинки не уронила.

– Да не беспокойтесь вы, солдаты заруют его...

Но слова командира потонули в плаче женщин, в скорой, не организованной, но единой в сознании беды молитве мужчин. Потом завелись моторы, затрещали сигнальные очереди из автоматов, и люди, как затравленные звери, бросились по машинам. Хамзат вернулся на своё место, грузовик уже тронулся, но Музафар ещё видел, как Мадина стояла над телом деда. Тогда он крикнул в страхе за неё: «Мадина!» – а к ней подошли два солдата, те, что роняли Атто на землю и, подхватив её, как сноп ячменя, подбежали к машине и легко перебросили девушку через борт.

Хамзат смотрел, как катились, оглашая долину истошным воем, тяжёлые машины по каменистой, выдавшей виды дороге Жамауата. Ему хотелось пересесть на тот грузовик, где сидел несчастный Хаджибекир, утешить его, но и в этом кузове горя было предостаточно. У выхода из села их машина неожиданно остановилась и, пока шофёр ковырялся в моторе, а мимо них проносились крытые студебеккеры,

он пытался уловить лица сородичей, сказать каждому что-то, но машины ехали быстро, лица односельчан исчезали, как ураганом уносимые. Теперь на той стороне, где жил аул Жамауат, не осталось ни души. Аул умер. Ощущение гибели села оставалось и тогда, когда мотор уже заработал и машина пошла вдогонку за другими. Он сидел в задней части кузова, за спиной двух молоденьких солдат, и смотрел на дорогу, на обезлюдевшие тропинки и склоны. В этот час утра 8 марта 1944 года, в такой ясный прозрачный день, в небе умирающего села все же летали птицы, а на обочинах дороги грустно стояли ишачки. Хамзат увидел также абрикосовые деревья, необычайно рано зацветшие в этом году – в лучах восходящего солнца они сияли золотистым светом. За оградой чернели разбухшие в ожидании семян огороды потомков Жандара. Жизнь в долине продолжалась, она упорно убеждала в том, что нет беды необратимой, нет такой силы, которая могла бы остановить её течение и её способность сменять горе радостью. Только бы люди умели терпеть и всё, как повелось тысячелетиями, начинать сызнова...

Хамзат крепче прижал к себе Музафара, ощутил его тепло и ту несокрушимую природную жизнестойкость, которой обладают горные травы, и, как молитву, повторил прадедовское заклинание:

– Сохрани нас Аллах от пущего горя, когда мы переживём это!..

Тамара БИТТИРОВА,
доктор филологических наук
ИГИ КБНЦ

ВОЗРОЖДАЯ НАРОДНУЮ ПЕДАГОГИКУ
(К 85-летию Марьям Гуртуевой)

В середине прошлого века в педагогике открылось новое направление – этнопедагогика, и начало этому положили пять учёных-энтузиастов, проводивших в СССР исследования в этой сфере. Среди них была и Марьям Гуртуева, защитившая диссертацию по этой теме в 1969 году в г. Баку (Азербайджан). В свою республику она возвратилась первой среди балкарок кандидатом педагогических наук. В 2005 году, уже в Карачаево-Черкесии, она защитила и докторскую диссертацию по педагогике, а позднее была избрана в состав Международной академии педагогического образования. Это было хорошим примером

М. Б. Гуртуева

для женщин-горянок. А младшая сестра Марьям – Тамара Гуртуева – стала доктором филологии, профессором, успешно работавшим в КБГУ, а затем, вот уже свыше десятка лет, профессором филологии в Стамбуле (Турция), обучая турецких студентов русской словесности.

С 70-х годов уже по всей стране формировались основа и база этнопедагогике, проводились исследования учёными из разных этносов, пока не увязывая традиционные культуры соседних или родственных народов. Марьям считала такой подход несколько ограниченным и развивала сравнительно-сопоставимый метод изучения. По её мнению, ни один этнос не мог обладать «чистой», изолированной, частной педагогической мудростью, ибо всесторонние связи народов-соседей порождали родственность культур, в том числе в сфере педагогики. Её монография «Идеи воспитания в балкарском фольклоре и их отражение в практической деятельности балкарского народа» послужила началом исследований на стыке педагогики, этнографии, эстетики, фольклористики с их социальной, образовательно-воспитательной функцией. В 1974 году вышла в свет очередная монография Марьям Гуртуевой «Балкарский фольклор о народном опыте воспитания». Имя её стало известно не только в педагогике, но внесено и в Справочник фольклористов страны.

Знания накапливались с малых лет, от уроков своего отца – из-

вестного в народе просветителя и писателя, бабушки Анай – великолепного знатока балкарского фольклора и народного опыта воспитания. Детство и юность проходили в нелёгких условиях выживания этноса из-за изгнания балкарского народа в 1944 г. со своей малой родины. Ей было тогда всего лишь около семи лет. Без права говорить и писать на родном языке, она окончила среднюю школу в Кантском районе Киргизии, а вернувшись из ссылки, поступила на учёбу в университет Нальчика, где стала филологом, учителем русского и немецкого языков и литературы. Но балкарские язык, литература, культура, народные педагогика и фольклор стали делом её дальнейшей жизни.

Следующая книга Марьям «Народная педагогика – молодому учителю» была издана дважды (1999 и 2002 гг.) и включена в учебный процесс школ и вузов ряда соседних республик. «Учительская газета» страны рекламировала её книгу в числе лучших педагогических изданий. Экспедиции в горные сёла, семинары в школах, беседы с должностными подвигли Марьям к изданию новой книги «Кара-чаево-балкарский детский игровой фольклор». Учитывая, что фольклорные сборники издаются на родном языке редко и небольшим тиражом, Марьям ввела в это учебное пособие хрестоматийный раздел, куда вместила множество народных игр, в том числе сотворённых в детской среде. Она подводит читателя к мысли, что фольклор может служить одновременно и источником, и верным способом поэтапной подготовки будущего «настоящего джигита», соответствующего идеалу горского воспитания, напоминая, что «всё начинается с детства». Составленная и изданная Марьям «Учебник-хрестоматия для 5 класса балкарской школы» открывается её обращением «Дорогие дети!..» Это учебное пособие переиздавалось 11 раз с 1970 году и востребовано по сей день. Отличительной особенностью этого учебника является то, что весь дидактический материал пронизан идеями народной педагогики. Заметным вкладом в общероссийскую педагогическую науку стала и её монография «Этнопедагогика балкарского народа», востребованная и в Москве, и в республиках Северного Кавказа.

Вся долгая педагогическая работа Марьям в системе школьного и вузовского образования тесно сопряжена с её общественной и литературной деятельностью, которую она умеет органично сочетать с внедрением прогрессивного народного опыта педагогики. Как-то по рекомендации правительства был введён для старших классов школ Нальчика курс этики. Кураторство школ района было поручено Марьям Гуртуевой, доценту педагогики ИПК при КБГУ. Результаты превзошли ожидания.

Министр образования и науки КБР Михаил Балкизов (№ 01-15-856 от 7.09.98 г.) отмечал активное внедрение Марьям Гуртуевой в практику семейного и школьного воспитания идей и традиций на-

родной педагогики: «Регулярно проводит занятия на курсах учителей и воспитателей при Институте повышения квалификации работников образования; провела большую работу в Педагогическом обществе РФ, являясь руководителем секции патриотического и интернационального воспитания, а также по линии Общества «Знание». Её активное участие в работе вышеназванных учреждений отмечено грамотами. Пропагандируя народный опыт воспитания, она неоднократно выступала на научно-практических конференциях и совещаниях разного уровня, от республиканских до всесоюзных. Её научные труды используются в школах и вузах республики в качестве учебных пособий».

Министр культуры КБР Юрий Тхагазитов спустя год (№ 531 от 7.09.99 г.) писал: «Научные и учебно-методические издания Гуртуевой М. Б. широко использовались в пропаганде традиционной этнокультуры среди учащейся молодёжи, в Доме народного творчества, воскресной Детской студии при Дворце профсоюзов в Нальчике...»

Тогда же глава Союза журналистов КБР Борис Мазихов отозвался о творчестве Марьям: «Тематика выступлений Гуртуевой М. отражает вопросы традиционного педагогического наследия горских народов Северного Кавказа... О научной и учебно-методической работе М. Б. Гуртуевой имеются положительные отзывы на страницах органов печати, а также в центральных журналах «Воспитание школьников» и «Народное образование». Как профессиональный журналист, Марьям известна своими теле- и радиопередачами, очерками, репортажами по народной педагогике. Немало её публикаций появилось в СМИ Москвы, Баку, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Грозного, Махачкалы, Владикавказа, Элисты, Пятигорска, Карачаево-Черкесии.

Отдел образования Карачаевска, где Марьям пять лет была доцентом кафедры КЧУ, выделил (№ 43 от 17.09.99 г.) особо: «Гуртуева М. в плане внедрения результатов своей исследовательской работы по этнопедагогике организовала семинар в Лицее № 1 г. Карачаевска, оказывая методическую помощь по использованию народной педагогики в учебно-воспитательном процессе средних школ города, а также в Детском саду № 3».

И ныне она активно трудится в этой сфере, готовит школьные учебники-хрестоматии на балкарском языке, уделяя немало внимания литературному творчеству. Ею изданы такие книги для детей, как «Звени напев весёлый», «Бешик жырла», «Алибек бла кызылкъанат хоразы», большой том о жизненном пути и творчестве своего отца – народного писателя и заслуженного деятеля искусств КБР, фронтовика и почётного гражданина г. Нальчика Берта Измаиловича Гуртуева. А в 2021 году Марьям издала и свой научный труд «Истоки педагогики горцев», куда вошли её научные воззрения, учебно-методические

статьи и, что не менее важно, переводы на балкарский язык таких великих русских педагогов, как Лев Толстой и Константин Ушинский.

Творчество педагога, этнографа, филолога Марьям Гуртуевой давно перешагнуло пределы своей республики. Её статьи охотно публиковались в прессе не только на русском и карачаево-балкарском языках, но и на азербайджанском, чеченском, кумыкском, осетинском, кабардинском... Турецкая пресса широко освещала фестиваль балкарского языка, литературы и культуры в Турции, в котором Марьям Гуртуева приняла деятельное участие вместе с ректором Гуманитарного института Алием Атабиевым и главным редактором журнала «Минги-Тау» Аскером Додуевым. Такая пропаганда народной педагогики и культуры давно стала целью жизни Марьям.

Ныне ей исполняется 85 лет. И если кавказские гены влияют на долгожительство – стоит учесть, что у Марьям мама прожила за 97 лет, несмотря на пережитые репрессии, войну, голод и нужду 13-летней ссылки, ряд хирургических операций и прочих напастей, а отец Берт и бабушка Анай ушли в мир иной в возрасте за 90 лет, – то у Марьям с божьей помощью есть впереди ещё годы для занятия любимым делом – сохранением в новых поколениях основ народной педагогики.

Этот номер был уже сверстан, когда стало известно, что Марьям Бертовна Гуртуева скончалась, не дожив месяца до своего 85-летия. Редакция не меняет текст очерка и фотографию, на которой она молода, красива и устремлена в будущее. В будущем ее не забудут. Светлая память.

Мухамед Хафицэ – заслуженный работник культуры РФ, заслуженный журналист КБР, КЧР и Республики Адыгея, лауреат премий Правительства и Министерства печати и информации КБР, Союза журналистов РФ. Избирался депутатом Верховного Совета КБР XII созыва. С 1997 г. по 2021 г. был главным редактором газеты «Адыгэ псалгэ», учредитель газеты «Черкесское зарубежье» и «Хасэ», главный редактор изданий Международной черкесской ассоциации – газеты «Нарт» и журнала «Черкесский мир». Член Союза писателей и Союза журналистов РФ. Председатель комиссии по Кандуровским международным премиям; вице-президент АМАН, директор института «Адыгская энциклопедия»; тхамата общественной организации «Адыгэ Хасэ» КБР с 2000 г.; член Международного кавказоведческого общества (г. Чикаго, США); председатель комиссии республиканского конкурса «Язык мой – моя душа, мой мир». Награждён орденами Абхазии «Честь и Слава», Чечни «Магомед Мамакаев», медалью РА «Слава Адыгеи».

Отмечен золотой медалью Российского Фонда мира, Большой золотой медалью мира Международного фонда имама Шамиля. За большой вклад в развитие адыгской культуры и поддержку тесных связей с черкесской диаспорой удостоен премии «Отличие» Международного черкесского фонда. Почётный гражданин американского города Стиллуотер (штат Оклахома) и сельского поселения Заюково Кабардино-Балкарской Республики.

СДЕЛАНО МНОГО, ПРЕДСТОИТ ЕЩЕ БОЛЬШЕ

Жизнь адыгов с древнейших времён строилась в соответствии с решениями общественного совета – Хасэ. Общественная организация «Адыгэ Хасэ» была создана в Кабардино-Балкарии 33 года назад. Её тхамата М. Хафицэ – известный на Северном Кавказе, в адыгском мире публицист, литературовед, критик, просветитель, главный редактор газет «Нарт», «Хасэ» и «Черкесское зарубежье, журнала «Черкесский мир». Он считает общественную деятельность одной из своих важнейших задач.

– Уважаемый Мухамед Мусабиевич, Вам исполнилось 76 лет. Это возраст мудрости, всеобщего уважения и почёта. Для вас это – повод подводить некоторые итоги или строить планы?

– Планов немало – и по общественной линии, и по издательской. Каждый проект направлен не только на полмиллиона кабардинцев на-

шей республики, но и на наших собратьев и сестёр, проживающих в других регионах России и в диаспоре.

– С 2000 года Вы возглавляете «Адыгэ Хасэ» КБР. Что удалось сделать общественной организации за это время?

– Это общий вопрос. Давайте сначала поясним, какова была необходимость создания такой организации в нашей республике, где в настоящее время из 860 тысяч жителей более 500 тысяч человек являются этническими кабардинцами. Наряду с подобными организациями адыгейцев, черкесов, причерноморских шапсугов, успешских, ставропольских, моздокских кабардинцев «Адыгэ Хасэ» КБР является выразителем национальных и этнических интересов адыгов. Деятельность организации основана на принципах самоуправления, должность тхамды – выборная. Мы работаем в тесном сотрудничестве с местными, государственными, политическими, общественными и религиозными организациями в соответствии с Конституцией Кабардино-Балкарской Республики, законом РФ «Об общественных объединениях», руководствуясь нормами международного права, регламентированными Уставом ООН, ратифицированными Российской Федерацией пактами и соглашениями о правах человека и гражданина.

«Адыгэ Хасэ» объединяет усилия граждан КБР для формирования межнациональных отношений на основе принципов равноправия всех народов, является ассоциативным членом Международной черкесской ассоциации – общественной организации, которую в настоящее время возглавляет Хаути Хазритович Сохроков. В числе её основных задач – содействие делу возрождения национального самосознания, развитие родного языка, культуры, сохранение истории, института старших (нэхъыжь), почитание устоев гармоничной семьи и нравственных ценностей народа.

– Какими средствами достигается решение этих важных задач?

– Вместе с президиумом и советом «Адыгэ Хасэ» мы развиваем связи с черкесской диаспорой и её культурными центрами, способствуем возвращению на историческую родину историко-культурных ценностей, являющихся этническим достоянием адыгов. В 1994, 1999, 2004, 2009, 2014, 2019 гг. в Национальных музеях КБР и КЧР были проведены выставки из личного фонда М. Хафицэ, рассказывающие о вчерашнем и сегодняшнем днях черкесской диаспоры. Их посетители ознакомились с 2500 экспонатами, собранными в странах Ближнего Востока, Малой Азии и Западной Европы. Члены общественной организации участвуют также в проведении традиционных народных празднеств, показательных обрядов. С зарубежными соотечественниками и коллегами мы встречаемся на научных конференциях, симпозиумах и других мероприятиях, посвящённых проблемам культурной,

политической и экономической жизни родного народа. Правда, уже около двух лет, с начала введения ограничений в связи с распространением коронавирусной инфекции, такая деятельность в очном режиме невозможна. Но мы продолжаем контактировать онлайн, реализация проектов замедлилась, но не прекратилась.

– *Расскажите, пожалуйста, подробнее об этих проектах.*

– «Адыгэ Хасэ» издает фольклорные, литературные и исторические памятники адыгов, оказывает помощь в создании учебных пособий по кабардино-черкесскому языку.

В центре внимания наших изысканий находится человек. Отмечая памятные события истории и культуры родного народа, славим его выдающихся людей в связи с их юбилейными датами. Об известных представителях адыгского сообщества, вносящих большой вклад в цивилизационное развитие нации, готовим специальные выпуски газет «Адыгэ псалъэ», «Адыгэ макъ», «Черкес хэку», «Хасэ», «Нарт», «Черкесское зарубежье», журналов «Ошшамахо», «Литературная Кабардино-Балкария», «Литературная Черкесия» и других изданий.

Большая работа проводится по возрождению и развитию традиционного искусства адыгов – хореографии, песнопения, прикладных видов, национального костюма – черкески. В соответствии с законом РФ «О средствах массовой информации» общественная организация имеет право учреждать средства массовой информации. Мы публикуем материалы о деятельности «Адыгэ Хасэ», книги по культуре, искусству, литературе, истории адыгов. Общеадыгский перекидной настольный календарь, который мы ежегодно издаём на русском и кабардино-черкесском языках, – это мини-энциклопедия, содержащая зачастую эксклюзивные сведения о более 3000 персоналий.

– *Этот род деятельности Вам, наверное, наиболее близок, ведь Вы в 1970 году окончили русско-кабардинское отделение филфака КБГУ, являетесь автором многих книг по проблемам истории и культуры.*

– Я родился в селе Заюково Эльбрусского района и с детства слышал качественную адыгскую речь, проникался острым народным юмором и, конечно, восхищался героями нартского эпоса. Убеждён, что яркие особенности кабардинского языка, тонкие нюансы родной речи человек способен в полной мере ощутить только в том случае, если он сызмальства погружён в родную языковую среду.

Проблема сохранения и развития родного языка является важнейшим вопросом, вызывающим тревогу членов общественной организации. По инициативе «Адыгэ Хасэ» КБР в 1998 году был объявлен республиканский конкурс «Си бзэ – си псэ, си дуней» («Язык мой – моя душа, мой мир»). Через десять лет его поддержали адыгейские, черкесские, мздокские школы. Благодаря конкурсу повысился профессионализм

учителей, дети с большим желанием стали изучать родной язык. Победители его участвовали во Всероссийском мастер-классе учителей родного языка в Москве, Санкт-Петербурге и Самаре, несколько раз становились победителями и призерами конкурса «Учитель года Российской Федерации».

Дом культуры посёлка Кенже – место проведения республиканских и международных конкурсов «Черкешенка», в которых принимают участие юные знатоки родного языка, литературы, фольклора, культуры и искусства, этнографии, кулинарии.

«Адыгэ Хасэ» традиционно участвует в конкурсах социально ориентированных некоммерческих организаций для реализации проектов, направленных на обеспечение общественной безопасности, укрепление дружбы народов КБР, развитие творческих инициатив молодёжи, её приобщение к материальной и духовной культуре родного народа, к его истории, традициям и обычаям.

– Вы вместе с коллегами стали инициаторами учреждения нескольких государственных праздников нашей республики и других адыгских дат.

– Немалая заслуга в данных инициативах принадлежит Международной черкесской ассоциации, которая поддержала все наши начинания.

Если идти по датам календаря, то порядок получается такой: 14 марта – День адыгского языка и письменности (учреждён в 2000 году в честь выхода в Тифлисе в 1853 году на арабской графической основе первого «Букваря черкесского языка» просветителя Умара Берсея); 25 апреля – День черкесского национального флага; 21 мая – День памяти адыгов – жертв Кавказской войны; 30 июня 2018 г. на Совете МЧА в Анкаре (Турецкая Республика) единогласно учреждён Международный день адыгского нартского эпоса; 1 августа – День репатрианта; 20 сентября – День адыгов (черкесов) – государственный праздник КБР, который отмечается с 2014 года и является нерабочим днём; 28 сентября – День черкесского национального костюма; в первую субботу октября отмечается Международный день кабардинской породы лошадей. По предложению «Адыгэ Хасэ» КБР в черкесском мире были объявлены и торжественно отмечены: Год классика кабардинской литературы Алима Кешокова (2014); Год лауреата Государственных премий СССР и РСФСР Исхака Машбаша (2015); 2018 год был посвящён великому дирижёру современности Юрию Темирканову и первому кабардинскому поэту, выдающемуся просветителю и общественному деятелю Лукману Кодзокову.

«Адыгэ Хасэ» традиционно участвует в конкурсах социально ориентированных некоммерческих организаций для реализации проектов, направленных на обеспечение общественной безопасности, на

укрепление дружбы народов КБР, на развитие творческих инициатив молодежи, ее приобщение к материальной и духовной культуре родного народа, к его истории, традициям и обычаям.

– *Работа на общественном поприще, просветительская, редакторская, издательская... А Вы, Мухамед Мусабиевич, отдыхаете?*

– Как человек увлеченный своим делом, следую правилу, которое гласит: лучший отдых – смена занятий. Но, конечно, нахожу время и для отдыха в семейном кругу, с друзьями. К сказанному добавил бы: еще в 2016 году институт «Черкесская энциклопедия» при Адыгской (Черкесской) международной академии наук, Международная Черкесская Ассоциация и общественная организация «Адыгэ Хасэ» КБР в рамках подготовки Адыгской иллюстрированной энциклопедии приступили к изданию серии «Черкесика». За шестнадцать лет увидели свет 11 томов: «Юрий Калмыков: адыгский Прометей»; Баграг Шинкуба. Последний из ушедших; Михаил Лохвицкий. Громовый гул; Михаил Лермонтов. Кавказские поэмы (в переводе Р. Ацканова на кабардино-черкесский язык); исторический роман Владимира Ворокова «Амышев аул»; однотомники произведений классика мировой литературы Омера Сейфеддина (Хатко); Инны Кашежевой (на кабардинском языке, перевод Асият Кармовой); трилогия Анфисы Кануковой «Хаты», «Меоты», «Чарача»; однотомник М. Хафицэ «Черкесская диаспора» и другие. В марте 2021 года увидела свет Черкесская иллюстрированная энциклопедия «Адыги – один из древнейших народов мира». В это издание вошли более 1438 иллюстраций по истории адыгов России и черкесского зарубежья. Спонсором выступила Адыгская международная академия наук и ее президент Арсен Каноков. Помогала нам обозреватель газеты «Адыгэ псалгэ» Марианна Керимова – набирала, систематизировала и корректировала очерки, научные статьи, вошедшие в академическое издание.

Таким образом, получился замечательный подарок к столетию КБР, КЧР и Республики Адыгея. Об этом издании мы мечтали много лет, этой идеей увлеклись и единомышленники, которым я благодарен за творческую и финансовую поддержку.

Интервью взяла Ирина Соляникова

*Валерий ЛАТЫНИН,
член правления Союза писателей России*

БЕССМЕРТИЕ ЛЮБВИ

26 апреля 2022 года исполнилось восемьдесят пять лет со дня рождения выдающегося русского поэта – Владимира Ивановича Фирсова. Прошло уже более десяти лет со дня смерти поэта (17 ноября 2011 г.), а его душевные и глубокие по мысли стихотворения и поэмы продолжают публиковаться в популярных литературных журналах России и зарубежья, выходят новые книги поэта и сборники песен на его стихи. Такое случается только с настоящими, а не искусственно разрекламированными авторами, чьё творчество органично вошло в душу народа, отражая его со-

кровенные мысли и переживания.

У Владимира Фирсова, несмотря на пережитые драматические испытания военного лихолетья, счастливая творческая судьба. Его поэтический дар ещё в пору учёбы Владимира в школе разглядел и активно поддержал знаменитый земляк, автор всенародно любимой поэмы «Василий Тёркин», главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский. Вскоре стихи юноши были опубликованы большими подборками в «Комсомольской правде», «Новом мире», «Огоньке», сразу же сделав их автора одним из самых ярких молодых дарований нашей страны в конце пятидесятых, начале шестидесятых годов двадцатого века. Фирсова пригласили на учёбу в Литературный институт имени М. Горького, приняли в Союз писателей СССР после выхода первой книги стихов, в 1968 году он был удостоен Премии Ленинского комсомола, ещё через восемь лет – Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Такой стремительный старт не сбил темп творческого восхождения Владимира Фирсова на отечественный литературный олимп. Поэт всю жизнь сохранял взыскательное отношение к слову, выбору тем для своих стихов и поэм, был искренен и честен перед читателями и учениками (он много лет руководил поэтическим семинаром в Литературном институте).

О самобытном таланте поэта писали многие известные собратья по творчеству: Александр Коваленков, Василий Фёдоров, Егор Исаев, Александр Макаров, Вячеслав Горбачёв и другие. Очень ёмко поэтическое кредо Владимира Фирсова определил его давний друг, выдающийся романист Анатолий Иванов: «Поэт один из тех, кто не по теме творчества, а по

неизбывной сущности своей заслужил право называться певцом России. И он воспел её «от росинки до звезды», выплескивая всю музыку души».

На музыкальность стихов В. Фирсова одним из первых обратил внимание популярный в СССР композитор Давид Тухманов и написал музыку к стихотворениям «Звёздная песня неба» и «Берегите поле». Эти песни часто звучали в эфире и на эстраде в исполнении Геннадия Белова, Леонида Сметанникова, Евгения Головина и Сергея Беликова.

С поэтом сотрудничали и другие именитые композиторы: Александра Пахмутова («Хорошо, когда снежинки падают», «На Смоленщине»), Игорь Лученок («Мы идём по стране»), Леонид Афанасьев («Вечный зов родной земли», «Родина суровая и милая» – песни к киносериалу по роману А. Иванова «Вечный зов»).

Но особенно значимый и объёмный песенный цикл создал известный музыковед и композитор, автор-составитель многочисленных сборников военных песен, член Союза писателей России Юрий Бирюков.

Юрий Евгеньевич ещё при жизни поэта написал замечательную музыку к его стихотворению «Забытых песен дивные начала», однако продолжить совместную работу соавторам не довелось – вскоре поэт умер. Но, тонкий знаток и ценитель русской классической поэзии и сам сочиняющий стихи, Юрий Бирюков навсегда остался преданным поклонником могучего поэтического дара Владимира Фирсова.

Юрий Бирюков подготовил к изданию при участии певицы и композитора Надежды Колесниковой уже второй сборник песен на стихи Владимира Фирсова. Первый «Родины чувство святое» (песни и романсы на стихи Владимира Фирсова) выпущен издательством «Современная музыка» в 2019 году. На этот раз все произведения объединены одной, никогда не стареющей, темой любви.

К огромному сожалению, во время подготовки сборника к печати пришло сообщение о кончине Ю. Е. Бирюкова. Но, наряду со скорбью об уходе из жизни замечательного человека и композитора, в моей душе появилось и отрадное ощущение, от того, что он всё-таки успел завершить работу над данным сборником – спеть свою «лебединую песню» о любви.

Владимир Иванович Фирсов был виртуозом любовной лирики и написал немало прекрасных стихотворений об этом трепетном чувстве. Вот одно из них, ставшее песней:

*Любовь, как хлеб, не приедается,
Коль настоящая любовь.
И, как рука ко хлебу тянется,
Тянусь к тебе я вновь и вновь.*

*...Мгновенья на мгновенья множатся,
А жажда прежняя в крови.*

*Текут мгновения... итожатся
В бессмертие моей любви.
«Любовь, как хлеб, не приедается...»*

Бессмертие любви – точнее и образнее невозможно сказать! Это – своеобразный гимн главному чувству, без которого немислима человеческая жизнь. Но поэт не случайно уточнил: «Коль настоящая любовь» – бессмертна только она, а не кратковременная страсть, биологическое влечение, которое многие стихотворцы воспевают, порой с бесстыдным откровением, как любовь.

Владимир Фирсов писал о любви настоящей, любви всей жизни, и объектом этого неизменного чувства была его избранница – Людмила Васильевна Фирсова, встреченная им «на заре туманной юности» (ему едва перевалило за двадцать, а ей было девятнадцать лет), и оставшаяся его единственной музой на 53 года, до смерти поэта. В это трудно поверить, особенно в среде творческих личностей, постоянно увлекающихся красивой натурой и, подобно шмелям, перелетающим с цветка на цветок, собирая нектар вдохновения. Но у Фирсова было именно так, как он написал в стихотворении «Давай начнём всю жизнь с начала...»:

*Поверь в любви моей безбрежность
К тебе, единственной моей,
На всю оставшуюся нежность
Грядущих наших лет и дней!*

По выражению Л. Н. Толстого, ставшему крылатым: «Браки заключаются не на земле, а в небесах». Судя по обилию стихотворений о любви, сквозь строки которых неизменно просвечивается образ единственной женщины, Всевышний послал талантливому молодому поэту, успешному хлебнуть полной мерой горести военного лихолетья, смерти матери, беспризорничества, ту спутницу жизни, которая стала его земным ангелом-хранителем.

Судьба подарила мне счастливую возможность стать студентом поэтического семинара Владимира Фирсова в Литературном институте и более 30 лет близко общаться с Владимиром Ивановичем и Людмилой Васильевной. На протяжении всего этого периода я не переставал удивляться гармонии их отношений, глубокому взаимопониманию, близкому восприятию духовных и культурных ценностей, поддержке друг друга, ироническому отношению к возникавшим неприятностям и трудностям.

На мой взгляд, генератором такого редкого, особенно в нынешние времена, семейного лада была жена поэта – необычайно красивая и мудрая женщина, с царственной статью и крестьянской выносливостью в решении повседневных жизненных проблем. Она не толь-

ко окружила вниманием и заботой мужа и двоих сыновей – Володю и Колю, но и стала искренне заинтересованным соратником в творчестве поэта, его первым слушателем и критиком, машинисткой и корректором, составителем сборников и литературным агентом в решении вопросов с редакциями журналов и издательствами, организатором его творческих вечеров и суфлёром во время выступлений (поскольку знала наизусть почти все произведения мужа), а помимо этого являлась ещё и прекрасным мажордомом, кулинаром от Бога, архитектором и прорабом по обустройству квартиры и строительству дачи, домашним водителем.

С особой теплотой и жертвенностью Людмила Васильевна помогала мужу в последние годы его жизни, когда Владимир Иванович не только остро переживал развал страны, социальной системы, книгоиздательской индустрии, отказ новых властей от поддержки творческих союзов и литературных журналов, но и тяжело болел. Она вместе с ним, а часто и вместо него, вела поэтические семинары, нередко устраивая занятия в квартире и на даче, поскольку не только пристально следила за творческой учёбой подопечных Фирсова, но и сама является одарённым детским поэтом, членом Союза писателей России; помогала составлять и редактировать ежегодный сборник стихов по итогам поэтического конкурса осужденных «Я верну потерянное имя»; до последних дней вдохновляла мужа на написание стихов, понимая, какой это громоотвод для души от грозowych разрядов жестокого времени и болезни.

И поэтому веришь искренним чувствам любви и благодарности поэта к своей избраннице, переплавленным в прекрасные лирические строки:

*Ты в этот мир пришла,
Любовью ослепя.
Нет без тебя меня,
Как без меня – тебя.*

*Я счастье не ищу,
Оно всегда со мной.
Зачем искать весну,
Когда живёшь весной.*

«Ты в этот мир пришла...»

Или:

*И я твою любовь
В молчании приемлю,
Как часовой любви,
На шаг не отходя.
Я так тебя люблю,*

*Как небо любит землю,
Как в засуху земля
Покорно ждёт дождя.
«Чтоб крикнуть: – Я люблю! –
И голоса не надо...»*

Сколько целомудрия, нежности и космической необъятности чувства заключено в эти пронзительные строки! И как сокровенно, а не по эстраднему крикливо, выдохнуты они поэтом! Не случайно великий русский писатель М. А. Шолохов подметил «...приглушённо интимный и любящий голос Владимира Фирсова, который волнует и запоминается надолго».

Поэтический голос одного из самых выдающихся лириков России продолжает звучать и волновать сердца многих любителей поэзии, а теперь, надеюсь, придёт по душе и тем, кто не разучился за последние три десятилетия петь в кругу родных и близких людей о самом главном в нашей жизни – о бессмертной любви.

Теперь уже не сказать слова благодарности неумолимому подвижнику русской песни Юрию Евгеньевичу Бирюкову, написавшему музыку к четырём десяткам лирических стихотворений Владимира Фирсова о любви, но чувства признательности за его титанический труд останутся в душе всех, кто знал и любил этого выдающегося подвижника, продолжавшего работать над сборником до последних дней своей жизни, несмотря на солидный возраст и хвори, приковавшие его к инвалидному креслу. Воистину – душа никогда не старится и ветры любви способны поднять её над житейской суетой до немыслимых заоблачных высот, где нет земной хмари и всегда сияет незамутнённое солнце! Или даже два солнца, как в стихотворении Владимира Фирсова:

*Два солнца каждому дано.
Сумей не проглядеть второе.
Ему за жизненной горою
Дремать до срока суждено.*

*...Его восход увидел я
Сквозь жизни малое оконце.
Любимая! Судьба моя,
Моё второе в мире солнце.
«Два солнца»*

Я горячо желаю, чтобы каждый человек, взявший в руки этот сборник песен, вслед за поэтом и композитором забыл о своих неурядицах и проблемах, и ощутил в душе тёплое дыхание бессмертной любви.

НОВЫЕ РУБЕЖИ АСЛАНА ЗАКУРАЕВА

Свой семидесятилетний юбилей отметил доктор технических наук по двум специальностям, профессор, действительный член академии РАТ, МАНЭБ и АМАН, изобретатель, кавалер орденов «Звезда Почёта» и «Звезда Ученого» академии МАНЭБ при ООН Аслан Фуадович Закураев.

Будучи вице-президентом Ассоциации ученых и изобретателей Северо-Кавказского Федерального округа, Южного Федерального округа, а также руководителем Всемирной ассоциации инженеров по альтернативным экологически чистым видам транспортных систем, Аслан Фуадович стал одним из ведущих отечественных специалистов в данной области. Общественность республики заслуженно чествует сегодня ученого-практика, чей бесценный опыт используется во всем мире, в России и КБР, благодаря его изобретениям, не имеющим аналогов в мире.

Аслан Фуадович Закураев родился в 1952 году в селении Кызбурун-3 (Дыгулубгей) Баксанского района. Пытливый, спортивный и любознательный мальчик окончил среднюю школу № 1 с хорошим знанием физики и математики. Мечта детства не сбылась из-за недобора одного балла при сдаче экзамена по русскому языку на физико-математический факультет КБГУ. По приглашению декана В. Кимова сразу поступил на заочное отделение машиностроительного факультета. Осенью был призван в ряды Советской Армии. Служил в спортивной роте Белорусского военного округа, где выполнил норматив мастера спорта СССР по борьбе самбо.

Вместе с молодыми энтузиастами из родного села, увлеченный спортом юноша поехал на Дальний Восток, где в школе преподавал физику и физкультуру, а затем проработал водителем на строительстве Байкало-Амурской магистрали (БАМ) в п. Берёзовый, Комсомольск-на-Амуре. В 1975 году перевёлся из КБГУ в Хабаровский политехнический институт на Автомобильный факультет. Спустя три года свершилась его мечта о высшем образовании, в 1978 году Аслан Закураев экстерном окончил Хабаровский политехнический институт (ХПИ).

Больших успехов добился Аслан и в спорте. Он был членом сборной России по самбо в команде «Буревестник». Несколько лет Аслан Фуадович проработал старшим тренером по самбо спортивного клуба «Буревестник» в Хабаровском крае. Несмотря на серьезные достиже-

А. Ф. Закураев

ния на спортивном поприще, Аслан Фуадович параллельно занимался исследованиями в инженерно-технической области. Желая расширить круг своих познаний в избранной профессии, он в 1980 году поступает в очную аспирантуру Киевского автомобильно-дорожного института (КАДИ) по направлению родного ХПИ.

Обобщив опыт аспирантских исследований и первоначальный профессиональный опыт на БАМ-е, Закураев за короткий срок подготовил и защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук в области транспортных систем. Исследования, проведенные Асланом Фуадовичем во время работы над докторской диссертацией, были в дальнейшем использованы на практике, во время его работы в АТП № 4 «Киевгорстройтранс», будучи мастером, начальником производства, затем директором АТП при восстановлении Чернобыльской АЭС.

В 90-х годах прошедшего столетия А. Ф. Закураеву предложили вернуться в родные пенаты, чтобы возглавить транспортно-дорожную систему КБР. Настоящий патриот своей малой родины, Аслан Фуадович всегда старается уделить особое внимание защите республики от серьезных проблем. Он является автором программы по сохранению стабильности в республике до 2035 г. (1993 г), плана по развитию дорожно-транспортных структур региона (1994), проектов по развитию рекреационно-бальнеологических и курортно-туристических регионов Северного Кавказа (1994 г). Трассирование 4-х полосной дороги (автобан), совмещенной с универсальной грузопассажирской трубопроводной системой Нальчик – Минводы для превращения аэропорта Минводы в интермодальный узел Северо-Кавказского региона. Трассировка троллейбусных линий Нальчик – Пятигорск – Эльбрус – Прокладный – Терек – Нальчик.

Неутомимый и талантливый ученый сменил немало государственных постов. Начиная с 1994 года, в течение пяти лет Закураев работал Полномочным представителем Правительства КБР на Украине. В этот период наладились позитивные сдвиги и достигли положительных изменений связи между КБР и Украиной в области технологических связей между предприятиями, экономики, спорта, культуры, образования. Аслан Фуадович неоднократно организовывал международные научные конференции, спортивные соревнования, добился бесперебойной работы таможни для предприятий КБР и Украины.

С 1999 г. открыл и возглавлял проектную компанию «Инновации по транспортной технике и технологиям, компанию «ТАЙССИС», занимавшуюся разработкой и проектированием ультрасовременной трубопроводной пассажирской и грузовой транспортной системы в мегаполисе, экранолета – поезда на эстакадах, оригинальных подъемных устройств для подъема подводной лодки Курск, а также модульно-металлической транспортно-дорожной эстакады в мегаполисе. В даль-

нейшем эти исследования стали основой для докторской диссертации по двум специальностям.

В 2005-2007 гг. руководил программой развития г. Сочи по линии МОК, по блокам: транспорт, дороги, энергетика и связь, а начиная с 2008 г. работал в Тюменском государственном нефтегазовом университете (ТюмГНГУ). Профессор Закураев руководил докторантами и программой по развитию трубопроводных и транспортно-дорожных систем Западной Сибири и Крайнего Севера, спроектировал более 2000 км автомобильной дороги, а также две разборные понтонные мостовые конструкции до выхода на пенсию.

Академик А. Ф. Закураев – признанный автор и основоположник теоретических основ и проектно-конструкционных решений по трубопроводным грузовым и пассажирским транспортным системам на магнитно-электро-пневматической тяге, экранолёта на эстакаде с вентиляторной тягой, а также по двухуровневым модульно-металлическим и понтонным дорожно-транспортным системам для Москвы, Сочи, Тюмени, Венесуэлы, Бразилии, Вьетнама.

Ученым-практиком опубликовано свыше 80-ти научных работ по разным направлениям, в том числе 11 монографий (1 – учебное пособие), автор 18 инновационных проектов, имеет 12 изобретений (5 из них не имеют аналогов в мире). Успехи талантливого ученого не остались без внимания, он был награжден почетными призами, званиями и грамотами. За выдающийся вклад в науку и за изобретение новых видов транспортных систем с экологически чистыми энергиями в симбиозе, не имеющих аналогов в мире, он награждён высшими наградами академии МАНЭБ при ООН, орденами «Звезда Почёта» и «Звезда Ученого».

Известный адыгский и Российский ученый свою научно-практическую работу связывает с научно-профессиональной подготовкой молодежи, докторантов, а также инженеров высшей квалификации в Москве, Тюмени, Нальчике, Австралии, он – автор ген. плана развития г. Нальчик, толерантен в науке.

Аслан Фуадович женат на известной оперной певице Асият Черкесовой. Есть дети: дочь Мадина живет и работает врачом в Москве, сын Адам учится и работает в Сан-Франциско, младший сын Азрет работает в банковской системе в Москве. Пусть крепнет семья, где господствуют главные жизненные ориентиры: вера во Всевышнего, адыгэ хабзэ – адыгские законы, желание всегда учиться и развиваться, приносить пользу обществу. От души желаем настоящему патриоту, счастливому супругу и отцу новых свершений и успехов на благо малой и большой Родины и народа.

ТЕПЛО НАШИХ СЕРДЕЦ

Во Владикавказе, благодаря трудам мецената и инициативной группы, в которую входил и ваш покорный слуга, вышла книга «Тепло наших сердец», куда вошли произведения авторов из пяти регионов России. По общему мнению, книга станет первым томом антологии Северо-Кавказской прозы и поэзии, которая будет печататься при негосударственной финансовой поддержке.

Книга вышла тиражом тысяча экземпляров, большую редакторскую работу провел Тамерлан Техов, который, по его словам, тщательно отбирал из представленных те произведения, которые отражают дух современной Северо-Кавказской литературы, способствуют поддержанию и развитию добрососедских отношений.

Прекрасная полиграфия, дизайн обложки и, что самое главное, квота для авторов из Кабардино-Балкарии, по количеству представленных писателей – вдвое больше, чем у остальных, вот такой подарок получили наши писатели.

На презентацию книги прилетел председатель Союза писателей России Николай Иванов, который в своем приветствии отметил, что издание таких сборников символизирует единение народов России в столь простое время. Сказал, что эта книга – знаковое событие, которое цементирует дружеские взаимоотношения соседских народов. Подчеркнул и ценность приветственного слова Главы Республики Северная Осетия-Алания Сергея Ивановича Меняйло, опубликованного на первых страницах.

Каждому нашему автору, а их двадцать, в подарок было приготовлено по пять экземпляров антологии, десять экземпляров передано в дар районным библиотекам.

Меценаты во все времена имели ряд духовно-нравственных качеств, старались оказать поддержку в сфере культуры и образования, переживали за судьбу культурного наследия России. Их помощь, чаще всего, была всесторонней и носила постоянный характер.

Тамерлан Георгиевич Марзоев – меценат 21 века. Образованный, умный человек, занимающийся предпринимательской деятельностью. По личным соображениям он материально помогает развитию творчества, искусства, возрождению традиций, людям, с этим связанным, и всегда остается в тени. Именно ему мы обязаны выходу этой антологии. Мы с благодарностью приняли столь щедрый подарок от представителя братской Осетии.

В номере:

Артур Кажаров. Образование объединенной автономии... <i>Ст.</i>	2
Мухамед Хафицэ. Нобелевский лауреат Орхан Памук. <i>Статья</i>	11
Орхан Памук. Снег. <i>Глава из романа</i>	32
Наталья Шинкарева. Многогранный дар Сакинат Мусукаевой. <i>Статья</i>	46
Сакинат Мусукаева. Женщина и жизнь. Любовь султана... <i>Рассказы</i>	32
Мария Котлярова. Поэзия – это свобода духа. <i>Интервью</i>	77
Джамбулат Кошубаев. <i>Стихи</i>	20
Валерий Латынин. <i>Стихи</i>	97
Юрий Тхагазитов, Тахир Толгуров. За гранью «обычности». <i>Статья</i>	107
Георгий Яропольский. Роман с историей. <i>Статья</i>	110
Асланбек Псигусов. Сосруко – сын камня. <i>Глава из романа</i>	118
Светлана Моттаева. Ни в чем себе не изменяя. <i>Очерк</i>	128
Алена Сарбашева. Идеино-художественное своеобразие рассказов Алима Теппеева. <i>Статья</i>	133
Асият Саракуева. Особенности художественного конфликта в драме А. Теппеева «Свет воды». <i>Статья</i>	146
Алим Теппеев. Мост Сыйрат. <i>Глава из романа</i>	157
Тамара Биттирова. Возрождая народную педагогику. <i>Статья</i>	173
Ирина Соляникова. Сделано многое, предстоит еще больше. <i>Интервью</i>	177
Валерий Латынин. Бессмертие любви. <i>Статья</i>	182
Петр Хатуев. Новые рубежи Аслана Закураева. <i>Очерк</i>	190

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Вологирова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.06.2022. Подписано к печати 05.08.2022.
Выход в свет 31.08.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 814 экз. Заказ № 1600. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

